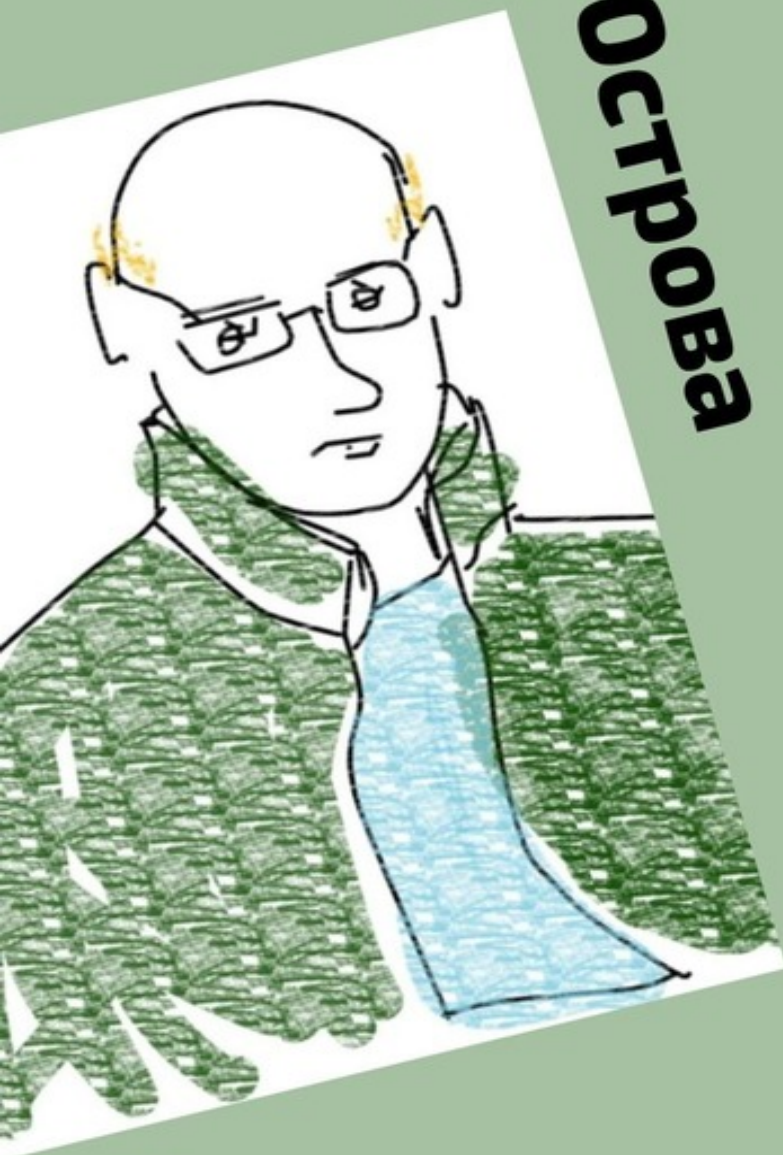

Илья Смирнов

Мои Острова

Илья Смирнов

Мои Острова

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иллюстратор Анастасия Смирнова

© Илья Смирнов, 2019

© Анастасия Смирнова, иллюстрации, 2019

Острова бывают важные и неважные, большие и маленькие, долгоживущие и только что образовавшиеся. Остров Дружков-Пирожков дарит нам дружеское общение, Остров Дальних Путешествий приносит яркие впечатления и неожиданные встречи, Остров Удачной Рыбалки — это целый отдельный мир со своими законами и правилами, традициями и условностями, победами и поражениями. У каждого из нас — свои Острова, но это именно Острова. А между ними раскинулось кислотное море ненужного пространства и времени.

18+

ISBN 978-5-4493-0603-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Мои Острова](#)

[Предисловие](#)

[Остров Моего Детства](#)

[Как меня могло не быть](#)

[Первое воспоминание](#)

[Ириски](#)

[Жвачка](#)

[Лилипутская любовь](#)

[Как я чуть не спалил целый курорт](#)

[Бюст](#)

[Гипс на дереве](#)

[Бесценная макулатура](#)

[Коптельский](#)

[Игры, в которые играли дети. Дети, которые играли в игры](#)

[Первый раз первый шнапс](#)

[Буль-буль](#)

[Семейный Остров](#)

[Два цыплёнка](#)

[Криминальная история](#)

[На кладбище](#)

[Промазал](#)

[Пасха](#)

[Привет, ромалы!](#)

[Гонка развооружения](#)

[Дуня](#)
[Остров Дружков-Пирожков](#)
[Звёздочки](#)
[Чуни](#)
[Операция «Белочка»](#)
[Борьба борьбы с борьбою](#)
[Шоу Трумена](#)
[Лопата](#)
[Как Тузин ест креветки](#)
[Как Михалыча первый раз забрали в вытрезвитель](#)
[Кешью](#)
[Советский цирк](#)
[Зубная паста](#)
[Метро](#)
[Невеста, байдарка и Шерстюк](#)
[Арбуз](#)
[В армии](#)
[Пыль в коробке передач](#)
[Витя и Петя](#)
[Две большие разницы](#)
[Спаситель](#)
[Классика](#)
[Иваныч](#)
[Игра](#)
[Боссы](#)
[Трудности перевода](#)
[Как Яськи развелись](#)
[Происшествие](#)
[Роботы](#)
[Сила самоунижения](#)
[Справочник ГАИ](#)
[Чайник с Будильником](#)
[Эх-ма](#)

[Пистолет](#)

[Кардинально](#)

[Остров Чудесных Путешествий](#)

[Откуда взялся Гукер](#)

[Как я узнал, что такое русский север](#)

[Так и не приходя в сознание](#)

[На букву «С»](#)

[Депутаты в малицах](#)

[Чижик-Пыжик](#)

[Соловецкие бутерброды](#)

[Вендетта](#)

[Колбаса](#)

[Поход в МРЗ](#)

[Завтрак с чёрной икрой](#)

[Как я сажал ИЛ-62](#)

[Таможня](#)

[Крымские приключения](#)

[Щель им. Минченко](#)

[На память](#)

[Просто подарок](#)

[Абрикосовая чача](#)

[Остров Дней Физика](#)

[Джентльмен](#)

[Учись, сынок](#)

[Как Чилингир милицию построил](#)

[Метаморфозы](#)

[Почему я не Шварценеггер](#)

[К чёрту подробности](#)

[Холодильник](#)

[Остров ЖЗЛ](#)

[Про Андрея Миронова](#)

[Кострация внука великого художника](#)

[Маска Высоцкого](#)

[Антонов, как живой](#)

[Остров «Лучшее Место на Земле»](#)

[Дача зимой](#)

[За грибами](#)

[Палыч-палач](#)

[Поэма о даче](#)

[Где поймают, там и пруд](#)

[Остров Наших Детей](#)

[Вино и школа](#)

[Дочь, тёща и наркотики](#)

[Женщины-пираты](#)

[Колесо](#)

[Мимо рта](#)

[Гастрономическое](#)

[Любовь](#)

[Рабочий Остров](#)

[Дурдом](#)

[Повар Боря](#)

[Трудности использования русского языка](#)

[А — Аккуратность](#)

[Сортир-Экспо](#)

[Как варить креветки в Хилтоне](#)

[Джамшуторавшаны](#)

[Декомпрессия, или Первый день на работе](#)

[Остров Самой Большой Рыбы](#)

[Аквариумная Канада](#)

[Деморыбалка](#)

[Как от нас баржа увернулась](#)

[Мой заклятый друг](#)

[Истории егеря Валеры](#)

[На рыбалке](#)

[Пластмассовые цветы](#)

[Ещё утро, а уже как вечер](#)

[Жерех — рыба сильная](#)

[Батарейка](#)

[Остров Случайных Встреч](#)

[Евреи из Европы](#)

[А смысл?](#)

[Клаус](#)

[Метрофис](#)

[Наперегонки](#)

[Новое мышление](#)

[Портреты](#)

[Улыбка](#)

[Секс-поддержка](#)

[Остров Собакоальбы](#)

[Окно](#)

[Эволюция](#)

[Собака-на-крючок-сажака](#)

[Весна](#)

[Как овчарку чуть не съели](#)

[Сумки](#)

[Магазин](#)

[Лунный тапочек](#)

[Мыши](#)

[Бульдог](#)

[Встреча с бультерьером](#)

[Колокольный звон](#)

[На даче](#)

[Банан](#)

[Остров Моей Литературки](#)

[Сука](#)

[Шмаль](#)

[Эдька \(баллада о мелькомбинате\)](#)

[Обычная история](#)

[Девушка из Ашвема](#)

Двадцать лет спустя

Рассказы про Петрова и Машечкина

Подвиг

Как он с кабелем придёт

Настоящая дружба

Любовь и мухи

Праздник Первого Пива

Странные чудеса народной медицины

Телескоп

Остров Безумных Мыслей

Про смысл жизни

Про друзей

Про работу.

Про творчество

Про женщин

Про мужчин

Про отношения

Про секс

Про Россию

Про детей

Про алкоголь

Остров Точных Выражений

СМС из Норвегии

Унитаз

Разговор в метро двух девушек

Как Гоша порвал зал

Деревенское

Разговор с дочерью

Шайтан-такси

Медицинское танго

На даче

Малые Вязёмы

Ведьма

[Новости в/ч 55605](#)

[Вечернее](#)

[Горе от ума](#)

[В самолёте](#)

[Подарок](#)

[В больнице](#)

[Нарушитель](#)

[Моя любимая доча](#)

**Моим любимым островитянам, упомянутым в этой
книге**

Предисловие

И наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» пролетал мимо островов, с которых порой высывались фиги и тянулись в сторону «Лавра». На других островах сияли туземные рожи, измазанные повидлой, а в пампасах пели хором какие-то младенцы без набедренных повязок. Всё это мелькало мимо наших бортов, пролетало, не задевая души.

Юрий Коваль. Суер-Выер

Когда-то я воспринимал окружающую меня действительность единой и неделимой. Мне казалось, что вокруг меня непрерывная жизнь, в которой я перемещаюсь в нужном мне направлении и делаю остановки в необходимых мне местах. Но как-то (года три или четыре назад) я вдруг неожиданно для себя обнаружил, что пространство вокруг меня отнюдь не непрерывно, а совсем даже наоборот — категорически прерывисто.

Точнее, не то чтобы прерывисто, а сильно неоднородно — одни его участки разительно отличаются от других. Есть места, которые очень важны для нас, и там мы проводим большую часть своего времени. Есть обширные пространства, которые нам совершенно безразличны. Существуют также абсолютно неприемлемые места, в которых нам не хотелось бы оказаться. А иногда это не просто место. Не просто дом, не просто участок или местность. Иногда это — люди, отношения, образы. В общем, мы все живём на Островах.

Вот о моих Островах и будут эти довлатовки — короткие истории, которые случились на самом деле.

Остров Моего Детства

КАК МЕНЯ МОГЛО НЕ БЫТЬ

(рассказ моей мамы)

Дело было в 1943 году. Мы жили в деревне Вишенки, в Тульской области. Мне было семь лет. Недалеко от скотного двора была запарка — небольшой домик с печью и котлами, в которых запаривали жмых, муку, грели воду (скотину зимой поили тёплой водой). Возле запарки был брошенный колодец, воду брали из другого, около сельсовета. Снега в ту зиму намело много, до самых крыш. В низине снег лежал наравне со срубом колодца, да и весь колодец был скрыт снегом. Вот туда-то я и влетела.

Как летела, не помню. Очнулась, а кругом темно и только высоко вверху кусочек светлого неба. Ничего не понятно. Потом догадалась, что упала в колодец. Как потом оказалось, он был очень глубокий. Им не пользовались, так как в нем было мало воды.

Стояла я не на самом дне, а на утопленном ведре и при малейшем движении оно покачивалось, норовило сбросить меня. Так что стоять надо было очень смиренно, почти не шевелясь. А ещё, как потом рассказывали деревенские, строители колодца на дне оставили лом. И он стоял наискосок с угла на угол, и если бы я попала не на ведро, а на лом, то шансов бы выжить не было.

Стою я на ведре, ледяная вода мне по плечи, далеко-далеко вверху — кусочек неба. Страху нет, но любопытно. Сейчас я умирать буду. Детям в деревнях всегда криком кричат: «Не подходи к колодцу! Отойди от колодца!». А если очень хочется заглянуть в колодец (а кому же не хочется), так вот возьмёшь кого-нибудь их взрослых за руку и осторожно заглянешь. А внизу — бездна и ворота в ад. Жутко делалось.

А наверху в это время происходило следующее. Пятилетний мой братик Робик стоял неподалёку и тихонько бормотал: «А Алка наша в колодец упала, а Алка наша в колодец упала». Он настолько испугался, что у него был ступор. Наконец, мимо проходила моя двоюродная сестра Фая, услышала эти слова, но не поверила. Уж очень это было невероятно и страшно. Стала с пристрастием выпрашивать у Робика, где я.

А я стою и мне не страшно, а интересно. Через некоторое время в проёме колодца появилась голова Фаи и послышался голос: «Алка! Ты жива?». Отвечаю «да». «Потерпи, не бойся, мы тебя достанем».

Убедившись, что я действительно в колодце, Фая опроретью кинулась к матери на скотный двор. А там были скотники, доярки. Началась паника, люди знали, что это за колодец, знали, какой он глубокий, знали, что это практически смерть для маленькой девочки.

Стали привязывать ведра на вожжи, но они хоть и были длинными, но их не хватало. Тогда вожжи связали между собой. Наконец, до меня доползло несколько вёдер. Но время прошло много — то решали, как меня доставать, то бегали на конюшню за вожжами. В общем, моё пальто, валенки и прочая одёжка набухли водой и стали такими тяжёлыми, что влезть в ведро я сама не могла. Да и не хотелось мне особо как-то. Апатия наступила. И продолжала думать, что вот они все стараются, а сделать всё равно ничего нельзя. И я всё равно буду сейчас умирать.

А наверху приняли решение привязать вожжи поперёк палки, на которую посадили моего одиннадцатилетнего двоюродного брата Володю. Самого его тоже привязали к вожжам и стали опускать в колодец. Когда я это увидела, то поняла, что умирания не будет, откладывается.

С большим трудом Володе удалось вытащить меня из воды и запихнуть в большое конское ведро. Затем он обхватил меня

изо всех сил, крепко прижал к себе, и нас стали поднимать вверх. Вот тут-то мне и стало страшно. Страшно было висеть на большой высоте. Страшно было, что ведро оборвётся. И вообще всё стало очень страшно.

То ли от холода, то ли от страха меня стал бить колотун. Зубы стучали очень громко. Наверху меня схватили (народу сбежалось много, вся деревня) и бегом потащили в тёплое правление колхоза. Затем переодели в чьё-то платье. Нашёлся тёплый платок, тулуп. К этому времени уже были готовы сани, запряжённые лошадю, и меня помчали домой — на другой конец деревни.

Дальше была тёплая русская печка, большая кружка чая с мёдом, тёплый хлеб. Но хлеб сразу я есть не могла, только пить. Потом меня растёрли спиртом, проверили, нет ли переломов. Единственной травмой оказались ободранные подушечки пальцев правой руки, варежка с которой слетела и колодезный сруб проехал по пальцам.

Я не заболела, простояв в ледяной воде около часа. Но с тех пор меня в деревне звали Алка-которая-упала-в-колодец.

* * *

А через двадцать пять лет у Алки-которая-упала-в-колодец родился я.

ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Первое моё воспоминание относится ко времени, когда я представлял собой запелёнатый в байковое одеяло початок. От кукурузы меня отличало наличие голубых глазёнок (по свидетельству мамы) и присутствие пронзительного фальцета (по свидетельству папы).

Примерно через месяц моим родителям стало тяжело меня поднимать, и они решили измерить мой вес. Кроме того, нужны были конкретные цифры, чтобы можно было похвастаться перед знакомыми и друзьями. Запакованный очень аккуратным образом, я был доставлен в близлежащее медицинское учреждение для проведения необходимых измерений.

Младенцы в грудном возрасте отчаянно делают вид, что ничего не понимают. На самом деле им лень принимать на себя проблемы и тяготы этого несовершенного мира. В животике у мамы было гораздо спокойнее. А тут: то жарко, то холодно, то светло, то темно, то есть не дают, то кормят через силу. Бардак, а не мироздание. А то ещё придумали взвешивать на Страшных Весах.

Я с детства был смышлённым парнем и рано начал изменять мир. Когда меня уложили на металлическое корытце и врач отошла к столу записать мою фамилию перед взвешиванием, я исхитрился и своей красивой розовой пяткой нажал на рычажок, отпускающий гирьки. Весы от неожиданности крикнули и издали металлический щелчок. Врач обернулась. Мама испуганно подняла руки и показала пустые ладони. Лицо у неё было как у школьницы, только что попавшейся со шпаргалкой.

Врач подошла и посмотрела на дело моих пяток. И засердилась. Неправильно отпущенные на свободу гирьки набрали скорость и обрушились всей бездушной массой на беззащитный рычаг. Не выдержав такого грубого отношения, рычаг пал духом и был сломлен. Взвешивание стало невозможно.

Все, конечно, отнесли это на дело случая, и в общем-то правильно. Это дало мне возможность ещё пару лет прожить совершенно беззаботно. Но взвешиваться я до сих пор не люблю. Хотя незаметно ломать рычаги весов перестал. Потому что теперь меня тоже интересуют цифры.

ИРИСКИ

Когда я был маленький, я очень любил ириски. Это были такие коричневые квадратики, аккуратно завёрнутые в гладкие разноцветные бумажки. Эти конфетки были собраны по десять штук и упакованы в прямоугольные длинненькие тубусы с изображением корабля на глянцевой поверхности. Они назывались «Ледокол». Я собирал их зимой в лесу. Да-да, все собирают в лесу грибы, ягоды и преимущественно летом, а я любил собирать ириски зимой.

На выходные мы с папой садились на станции Каланчевская на электричку, доезжали до станции Дедовск, шли минут 40 пешком и оказывались на нашей даче в садоводческом товариществе с советским названием «Тимирязевец». Старенький картонный домик, сарайчик, берёзы. Шесть соток, из которых две занимал пожарный пруд.

Отопления не было. Мы иногда (когда они доставались в заказах родителям на работе) жарили сосиски на костре, резали огурцы, помидоры, пили крепкий чай с сахаром и лимоном из термоса. На морозе это было как-то по-особенному вкусно.

А потом начиналось самое интересное — мы шли гулять в лес. Лес я любил с самого раннего детства и всегда обожал в нём гулять. Хотя теперь у меня закрадывается мысль, что, может быть, я и полюбил-то лес из-за этих ирисок. Лес был большой, дремучий и в нем никого кроме нас не было, но папа прекрасно ориентировался, знал все тропинки и просеки, никогда не боялся заблудиться.

Первое время мы шли молча, я ждал. Папа говорил, что по опушкам ириски обычно не растут. Потом я не выдерживал и потихоньку бросал взгляды под ёлки, заглядывал под кусты, тайком откидывал снег в надежде увидеть вожделенные квадратики.

Наконец, папа говорил:

— Илюш, а ну-ка посмотри под той ёлкой.

Всем известно, что ириски растут только под большими раскидистыми ёлками. Я стремглав мчался под указанную ёлку и — о чудо! — прямо в снегу обнаруживал ириски. Потом я уже сам искал и собирал их, собирал, собирал. Только иногда папа указывал на какое-нибудь особо ирисочное место. А так я всё находил сам, папа мне почти не помогал.

К концу нашей прогулки ирисок набирался целый пакет, целый огромный пакет самых настоящих ирисок, и я был абсолютно счастлив. Возвращались домой поздно вечером, долго тряслись в электричке, потом ехали на автобусе. Домой папа вносил меня уже спящего на руках. Мама укоризненно качала головой: опять ириски собирали, странники вы мои. Вместе с мамой они раздевали меня спящего и укладывали в кровать. Но пакет с ирисками я крепко прижимал к груди, и всю ночь мне снились огромные ириски под махровыми раскидистыми елями.

ЖВАЧКА

Во времена моего детства в СССР не было никакой жевательной резинки. Ну, то есть на самом деле был в Таллине завод «Калев», который выпускал какое-то подобие жевательной резинки, но это было там, у них. Прибалтика была почти за границей. Потом в магазине «Олень» на Ленинском стали продавать жвачку в виде сигареток. Но это было значительно позже, когда я пошёл в школу. А в описываемые времена я даже в школу ещё не ходил.

Моя мама работала в театре. И вот однажды ей какая-то народная артистка, приехавшая только что из-за рубежа, подарила пачку настоящей французской жвачки. Она была великолепна. Длинная пачка (сантиметров пятнадцать!), она

хранила целых тринадцать изумительных пластинок. Запах от них исходил покрепче запаха ванильного мороженого, продававшегося в цирке, послаще аромата новогодних мандаринов и посильнее амбре, которое издавал настоящий кожаный ремень моего друга, подаренный его папой-лётчиком на день рождения. Мне хотелось запихнуть их все сразу в рот и умереть абсолютно счастливым. К сожалению, там не было вкладышей (они очень ценились), но зато сама пачка была ярко-красной, и блестящая поверхность её была вся расписана красивыми надписями на иностранном языке.

Это было настоящее сокровище. Мне было шесть лет.

В то время у меня были шикарные клетчатые штаны на лямках, сшитые мамой из кусочка ткани, оставшейся от костюма Карлсона. Эти штаны я носил не снимая. Впереди был квадратный прямоугольник, к которому на груди пристёгивались лямки двумя огромными пуговицами. И вот в этом импровизированном кармане, у сердца, я и носил целый день свою «прелесть».

Вечером я пошёл в туалет и отстегнул две огромные пуговицы. Моё сокровище змейкой скользнуло в унитаз и скрылось в недрах канализационной системы. Жить дальше было незачем.

Всю ночь прорыдал я у мамы на груди. А наутро она пошла на работу и, презрев гордость, у той же народной артистки выпросила ещё одну пачку жвачки для своего бестолкового сына.

С тех пор я очень не люблю комбинезоны, подтяжки и штаны на лямках, а к их владельцам всегда отношусь крайне подозрительно. Зато люблю Францию, Париж и особенно французское розовое анжуйское.

ЛИЛИПУТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Мама работала в театре художником по головным уборам. Однажды ей довелось делать какие-то шляпы для цирка лилипутов. Мы тогда жили в старом доме в Коптельском переулке, и к нам на примерку приехала руководитель этого цирка Майя Боровинская. Она была очень миниатюрная — ростом чуть больше метра. И очень симпатичная, прямо как куколка, только живая. Мама примеряла Майе шикарную шляпу, они напряжённо работали.

Майя мне понравилась. Она была совсем как дети в песочнице, где я часто играл, но гораздо симпатичнее, и от неё шёл обворожительный запах. Только она была на высоких каблучках и с макияжем. Мне было четыре с половиной года. Я подошёл к Майе, ласково взял её за руку и повёл в свой угол, где принялся показывать ей свои самые лучшие игрушки. Мама смутилась, ситуация была не совсем удобная. Всё-таки руководитель цирка. Неизвестно, как она отреагирует, лилипуты болезненно относятся к своему росту, просят их называть не лилипутами, а маленькими людьми. Но Майя приняла неожиданную ситуацию с юмором, что для лилипутов, кстати, большая редкость. Мы немножко с ней поиграли, а потом она поехала руководить своим цирком.

КАК Я ЧУТЬ НЕ СПАЛИЛ ЦЕЛЫЙ КУРОРТ

Моя бабушка Мария Михайловна очень много курила. И не признавала ничего, кроме Явы Явской. То есть сигареты марки «Ява», произведённые именно на заводе «Ява». Дело в том, что сигареты этой марки производились также на заводе «Дукат». Видимо, они были хуже. А спички у бабушки были необычные. Вернее, сами спички были обычными, но у неё был стальной чехольчик с монограммой, который одевался на обычный коробок спичек, превращая его в стильную

и значительную вещь. Вот этот коробок я и взял, уходя играть после обеда.

Мне было лет семь или восемь. Всё лето мы с бабушкой жили у старинной её подруги Марии Яковлевны, в дряхлых сарайчиках километрах в пяти от Анапы. Это был самострой. Ветхие, собранные из случайных досок строения, являлись прибежищем для нескольких семей приезжающих, согласных на урезанные бытовые условия в обмен на близость моря и дешёвизну отдыха.

В тот день стояла обычная южная летняя жара. Воздух маревом переливался над землёй. Земля плавилась. Пахло выжженной травой, листьями диких маслин и морем.

Мне давно хотелось попробовать поджечь сухие коричневые корни маслин, которые я насобирал в близлежащих дюнах. Мальчишки говорили, что они горят, как бенгальские огни, выпуская искры и шипя огненной змеей.

За нашими сарайчиками был небольшой пустырь, заросший травой выше человеческого роста. Трава высохла до порохового состояния. Я зашёл в центр этого пустыря, разгрёб местечко от травы, сдвинул несколько камней и на них положил корешки. Чиркнул спичкой.

Мир вокруг вспыхнул весь и сразу. Я моментально оказался в центре сплошного моря огня. Каким-то чудом я выскочил из этого ада и помчался в ужасе — куда глаза глядят. Тем временем бушующее пламя стремительно двигалось в сторону деревянных домиков отдыхающих.

Прибежав на берег моря, я упал на песок и заплакал. У меня была абсолютная уверенность, что жизнь моя закончилась, потому что спалил свою бабушку, её подругу Марью Яковлевну, других отдыхающих и весь курортный посёлок Бемлюк-2.

Несколько жутких часов я провёл на берегу моря, не решаясь возвращаться назад. Вечерело. Вдалеке всё ещё поднимался в небо чёрный столб дыма. Как не отдалял я этот миг, но надо

было возвращаться на пепелище, вдруг всё-таки кто-то выжил после огненного ада, устроенного мною.

Пустырь выгорел дотла, до мелкой чернильной пыли. Сарай устояли под натиском огня. Только стена ближнего сарайчика немного обуглилась от чудовищного жара, потому что жильцы вовремя бросились поливать её водой и несчастья не произошло.

Несожжённая бабушка бросилась ко мне:

— Ты где был?! Я так волновалась, — она трясла меня за плечи. Голова моя болталась, как яблоко на трясущейся ветке.

Вечером я не выдержал и с крокодиловыми потоками слез всё рассказал бабушке.

— Молодец, что рассказал. Надо быть честным, но я и так всё знала, — бабушка улыбнулась и достала из кармана обтрёпанного халата обгоревший чехольчик от коробка спичек с монограммой.

БЮСТ

Памятники я не люблю. Не нравятся они мне. Особенно памятники Ильичу. Нет в них полёта мысли. Я их и крушить-то начал одним из первых. До перестройки ещё, в школе когда учился.

Дело было на уроке музыки. Урок проходил в актовом зале нашей довольно-таки средней школы. Пели мы, пели, и вдруг учительницу посреди урока вызывают к директору. Мы, третьеклассники, понятное дело обрадовались такому повороту событий, и давай играть в прятки! А на сцене нашего актового зала стояла здоровенная тумба, обтянутая кумачом. На ней унылым монументом — бюст вождя октябрьской революции. Хорошо помню тот трагический момент. Двое моих друзей уже спрятались в тумбе, счёт ведущего заканчивался, а мне было прятаться совершенно некуда. Ну, я к ним пытался

пристроиться. Они не пускают. А я настойчивый такой, пёр изо всех сил, очень проигрывать не хотелось. Ну и поднажал, слышался треск, а потом и чудовищный грохот.

Тут учительница наша возвращается. Входит в зал, и вдруг из-за тяжёлого бархатного занавеса к её ногам выкатывается что-то большое и белое, в чём она с ужасом узнаёт бюст великого вождя с проломленным черепом.

Разбирательства были серьёзные, родителей к директору таскали. Политику пришить нам, третьеклассникам, пытались — дело-то было в 1978 году, перестройкой и не пахло ещё. Но обошлось. Купили им нового вождя, даже больше прежнего. Он стоил месячную зарплату папы.

ГИПС НА ДЕРЕВЕ

Большая часть моего летнего детства прошла на даче в Дедовске, в пятнадцати километрах от Москвы. У нас был участок, стандартные шесть соток в садовом товариществе. Их выделили моему деду Дмитрию Яковлевичу за его заслуги перед родиной и партией. Он был крупным чиновником в Министерстве сельского хозяйства и специалистом по льну. А также секретарём партийной организации.

Дачная мальчишеская жизнь богата приключениями. Одним из самых главных занятий был футбол. Однажды мы пошли играть сразу после дождя. Трава ещё не высохла, и мяч быстро стал мокрым и тяжёлым. Естественно, в игре все хотели быть нападающими и никто не хотел быть вратарём. Я был одним из самых младших, поэтому на ворота поставили меня.

И вот, стою я на воротах. И тут удар прямо мне в лицо, я успеваю поднять руки и вдруг чувствую ужасную, дикую, невозможную боль. Я бросаю мяч и бегу, бегу, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг, прочь от ворот, от футбола

и предательски тяжёлого мяча. И когда силы мои кончаются, падаю ничком на траву и вою раненым зверем.

Старшие ребята смеются, потом, видя, что я не встаю, встревоженные подбегают ко мне. У меня дико болит рука, и я не могу пошевелить ею. Я лежу и тихо скулю. Кто-то говорит: надо ему спирта налить, он обезболивающий. Откуда-то появляется спирт, и мне наливают целый стакан. Я выпиваю стакан спирта, и мой 14-летний организм отказывается дальше функционировать.

Совершенно пьяного, со сломанной рукой меня приносят домой и сдают на руки родителям. Родители, конечно, в шоке. Делать нечего. Немного протрезвев, идём с папой пешком километров пять в город Дедовск (никаких машин в нашей семье тогда не было), там больница. Меня качает и тошнит.

Огромный краснорожий дядька-хирург хватает мою несчастную руку и вправляет её, я чуть не теряю сознание от боли. Накладывают гипс.

После этого играть в футбол, понятное дело, я уже не мог. Поэтому переключился на более спокойные игры: карты, домино, шахматы.

Проходит время, рука болит всё меньше. Кожа под гипсом ужасно чешется, и я потихоньку чешу её ручкой ложки. Но гипс должны снять только ещё через две недели. Да и не спешил я, честно говоря, его снимать, ведь благодаря ему мне удавалось отлынивать от всех дачных дел, которые мне поручали родители.

А в то время мы целыми днями играли с друзьями в карты. Мы играли в дурачка по одному рублю партия. Кстати, я в то лето проиграл огромную по тем временам сумму — сто пятьдесят рублей. Надо заметить, что мой отец, ведущий инженер завода «Рубин» с двадцатипятилетним стажем, получал в то время около двухсот рублей в месяц. Впоследствии половину моего долга мне подарили друзья на день рождения,

а половину я им отдал через год, заработав деньги рабочим по саду в музее-усадьбе В. Д. Поленова.

И вот однажды сидим мы под черёмухой, режемся как обычно в дурака. А с гипсом, надо сказать, карты держать крайне неудобно. Ну, я аккуратно взял и снял его. И повесил рядом на дерево.

В это время возвращался с работы мой отец. И видит следующую картину: сижу я, играю с азартом в карты, а рядом гипс висит на дереве. Мне было мучительно стыдно, и мои отговорки от домашних поручений закончились.

В тот раз он меня крепко пожурил, но с тех пор, когда он не очень верил моим словам, он саркастически говорил: «Да-да, гипс на дереве...».

БЕСЦЕННАЯ МАКУЛАТУРА

Пятый класс. Я, Колька по кличке Николая и Тёма Никитин поздним вечером, часов в одиннадцать, подходим к высоченному бетонному забору на улице Мусоргского. За забором пункт приёма макулатуры. Тёма подсаживает меня, я влезаю на забор, затем лезет Колька. Вместе мы помогаем залезть Тёме. Теперь надо пройти путь по кромке забора метров десять. Мы медленно идём, балансируя и громко дыша. Вокруг чёрная-пречёрная ночь. Где-то воеет милицейская сирена.

Наконец, мы спрыгиваем и оказываемся среди бумажного моря. Теперь можно достать фонарики. Начинается лихорадочный поиск сокровищ. «Искатель», «Техника Молодёжи», «Наука и техника». Иногда попадаются бриллианты — иностранные журналы. Наконец, мы понимаем, что улов превышает наши возможности по эвакуации. В полной тишине дёргаем друг друга за рукава, разговаривать нельзя, чтобы не разбудить сторожа. Собираем журналы в сетки-авоськи, полиэтиленовые пакеты тогда ещё были редкостью.

Тёма взбирается на забор, ему подаются сетки с добычей. Потом забираются остальные. Подобно вьетнамским разносчикам бананов идём в ночи по узкой полоске забора, балансируя литературным грузом. Надо ещё придумать, где дома спрятать барыш, чтобы не наткнулись родители.

КОПТЕЛЬСКИЙ

До восьми лет я жил в Коптельском переулке, около института Склифосовского, практически на Садовом кольце. Как и многие в те годы, мы жили в коммуналке на четыре семьи. Справа от входной двери жила брюзгливая старуха Мария Михайловна (тёзка моей бабушки), которая никогда не гасила свет в туалете. Дальше жили семья Тупиц. Не в плане их интеллектуального развития (они оба были профессорами), а фамилия у них была такая. Потом они поменяли её на Короленко. Инка Короленко была старше меня на два года и стала первой моей настоящей любовью. Она научила меня целоваться.

Прямо жили мы, а справа от нас — Левкоевы. Старшего Левкоева звали Игорь Иванович, он был большим учёным, химиком, участвовал в изобретении шосткинской плёнки. На институте кинематографии висит памятная доска его имени. Очень любил читать за едой. Однажды жена принесла ему первое, второе и ушла за напитком на кухню, а он, зачитавшись, вместо киселя съел миску клейстера, приготовленного для заклеивания окон.

Жена его Рита была физиком. Она носила шикарные парики, потому что рано облысела. Дело в том, что она была в группе учёных, которые на заре атомного проекта работали с радиоактивностью. Тогда никто не знал, что это очень опасная деятельность. Радиоактивные образцы были очень дорогими, пропажа их грозила тюремным сроком. Поэтому Рита

проводила опыты в институте, потом клала радиоактивный образец в свою сумку и ехала на метро домой. А утром привозила его опять на работу.

Несмотря на близость шумного Садового кольца, район был тихий, патриархальный. Первые два класса я закончил в пятиэтажной кирпичной школе старого образца в Докучаевом переулке. После этого стало известно, что наш дом предназначен под снос, и нам дали новую отдельную трёхкомнатную квартиру в Отрадном. Кстати, дом до сих пор стоит как ни в чём ни бывало. Только покрасили заново. Несколько раз я специально проезжал мимо, но так и не решился зайти. Побоялся увидеть свою постаревшую первую любовь.

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЛИ ДЕТИ. ДЕТИ, КОТОРЫЕ ИГРАЛИ В ИГРЫ

А в Отрадном была совсем другая Москва. Жилые дома для москвичей, переехавших из центра, соседствовали с общежитиями рабочих ЗИЛа, приехавших из глубинки. Их звали лимитчиками. Молодые здоровые парни и девки, оказавшись далеко от дома, куролесили от души. Напившись, парни ходили стенка на стенку с мужиками из Старого Отрадного. Бились цепями и колами. Милиция окружала, но не вмешивалась. Лишь время от времени оттаскивала крайних и грузила в воронки. Потом они как-то быстро все переженились и несколько остепенились, побоища прекратились. Но некоторые так и остались подростками, правда уже с пивными животами.

Нынешнему поколению трудно себе представить, но в начале восьмидесятых у нас, детворы, не было никаких электронных средств для убивания времени и все свободное

время проводилось во дворе. Поэтому существовало огромное количество дворовых игр.

Самая популярная в нашем районе игра называлась «банка», хотя исходя из её содержания можно было бы придумать куда более эпическое название. Другое название этой игры — «пекарь». Играли в неё так. Обыкновенная пустая консервная банка ставилась в центр начерченного на асфальте мелом круга, диаметром около метра. От круга отсчитывалось пятнадцать шагов и прочерчивалась линия. У каждого игрока была палка. Длина её могла быть любой, ограничением служил сам процесс игры. Слишком короткой палкой трудно было попасть в банку, да и салить игроков такой палкой было не эффективно. Слишком длинную палку трудно кидать, и быстро убежать с ней было тяжело.

В начале игры все игроки по очереди кидали свою палку с носка ботинка на дальность. Тот, у кого палка оказывалась дальше всех от банки, становился водящим. Водящий занимал место неподалёку от банки, но так, чтобы ему не засветили палкой, а все остальные игроки кидали по очереди палки, пытаясь сбить банку. Если кто-то сбивал, то водящий ставил опять банку в круг, а сбившему присваивалось следующее воинское звание. После того, как все кинули свои палки, игроки должны были забрать свою палку, а водящий пытался кого-нибудь осалить палкой. Иногда в пылу борьбы доходило до синяков и даже до крови. Бывало, сходились и в рукопашной. Тот, кого осалили, становился водилой (водящим). Но салить можно было только, когда банка стоит в круге. Если кто-то сбил банку, то водила должен был сначала поставить банку, а уж потом салить кого-то.

С каждой вновь сбитой от черты банкой ты становился старше по званию, у тебя изменялись права, с каждым новым званием ты становился при броске ближе к банке.

Солдата можно было салить всегда.

Ефрейтора тоже можно было салить всегда, но за исключением рук и головы.

Сержанта салили, как и ефрейтора, но он должен был взять свою палку последним.

Лейтенант был единственным игроком, которого можно было салить как при стоящей в кругу, так и при сбитой банке.

Майора можно было салить только с палкой в руках.

Полковника можно было салить только без палки. Если он взял палку в руки, ему уже ничто не грозило.

Генерала нельзя было салить вообще. Если кто-то дошёл до генерала, то игра становилась кошмаром для водящего. От генерала полностью зависело, кому водить и сколько. Генерал мог просто стоять в кругу и сбивать банку сразу, как только её ставил водила. Если генерал сбивал банку, кидая палку из-за черты, то он становился водилой. Однако он мог салить кого угодно и когда угодно.

Частенько мы заигрывались до темноты и приходили домой грязные и с синяками, за что получали от родителей.

Кроме банки мы играли в пробки. В пробках было две разновидности игры. В первой использовались только пивные пробки. Участники ставили столбец пробок крышкой вниз, внося их поровну в зависимости от ценности пробки — крышка от чешского пива была в четыре раза дороже крышки жигулёвского без надписи, других было мало, со всяким картинками ценились гораздо дороже. В то время в Москве продавалось только два вида пива — «Жигулёвское» и «Золотой Колос», последнее было дороже, поэтому крышки от него ценились выше.

С пяти шагов участники пытались попасть по столбику кусочками кафельной плитки. Мой друг Максим Минченко рассказывал, что у них в компании вместо плиток требовались биты из свинца, без них в игру не принимали, поэтому все овладевали искусством курочить броню толстого

многожильного телефонного кабеля (она была из свинцового сплава) и отливали их в виде шайб, расплавив в большой стальной ложке на костре. С первого раза почти никогда не попадали. Тот, кто оказывался ближе всех или попадал по столбику, начинал игру. Осколок плитки надо было выпустить из рук так, чтобы он, ударив по пробке, перевернул её картинкой вверх. Тогда пробка забиралась. Промах — переход хода.

Во второй разновидности играли пробками от шампуней, кремов, любых тюбиков, одеколонов. Самой дешёвой считалась бесцветная пробочка от зубной пасты. Самая дорогая — пробка от одеколона типа «Тройной» или «Шипр» — большая, как напёрсток, с полукружьями по нижней части, как слоновьи копыта, из-за чего и сами пробки назывались «слоники». Белый слоник стоил 6 простых, жёлтый — 8, красный — 10, зелёный — 12. Оранжевые были самыми редкими — 15 белых пробок. Ещё были «плохие» пробки — у которых диаметр был больше высоты. Такими не играли.

Играющие бросают по пробке на землю и на «камень-ножницы» скидываются, кому начинать. Пинком ноги надо попасть своей по вражеской пробке. Простой пробкой по белому слонику надо попасть шесть раз подряд. Слоник имеет два хода против простой пробки. Слоник по слонику должен попасть число раз, равное разнице в цене. Попадание — дополнительный ход. Если в результате удара пробка встаёт на бок — дополнительный ход. Если вверх ногами — два дополнительных хода. Белый слоник против простой пробки всегда ходит шесть раз, а если слоник встал на попа — 12, встал вверх ногами — 18 раз. Естественно, играется только на асфальте.

Другой дворовой игрой была игра в танчики напильниками. С напильника снималась деревянная ручка, для игры нужно было само полотно. Каждому игроку рисовался на земле круг —

город, с которого начинается наступление в сторону противников. Зажимая острие между разными пальцами рук или ладоней, нужно было метнуть напильник так, чтобы он острием воткнулся в землю. Если воткнулся — рисовали танк. Ход делали с условной линии имеющихся танков. Когда танки встречаются — начинали сбивать танки соперника бросками напильника, зажатого между пальцами рук. Воткнул в танк — сжёг его, стираешь ногой с земли рисунок, попал в башню — значит, захватил — дуло в сторону соперника перерисовываешь. Задача: дойти до города соперника и захватить его. Видов бросков было около пятнадцати. Например, просто взять напильник за тупой конец и броском воткнуть в землю — рисовался солдат. Тоже самое, но держа за острие большим и указательным — лёгкий танк (круглая башня), зажал острие между средним и указательным — тяжёлый танк.

Если был мяч, то играли в штандер-стоп. Все стоят в кругу. Ведущий бросает мяч вверх с криком «штандер», все разбегаются, водящий ловит мяч с криком «стоп». В этот момент все застывают. Водящий оценивает позицию, выбирает жертву, называет количество шагов. Делает их и выбивает мячом. Если выбил — тот становится водящим.

Ещё была игра в ножички. Чертил на земле круг и делился поровну на всех участников. Потом все по очереди кидали ножички. Если твой ножичек воткнулся и остался стоять, то ты имел право прирезать территорию по линии ножичка к своей.

Ещё мы играли в фантики. Принимались в игру фантики исключительно от иностранной жвачки, впрочем, нашей ещё и не было тогда. Игра совмещалась с коллекционированием — были малоценные, ими обычно и играли. И был «золотой фонд», в частности вкладыши от подушечек «Дональд». Летали они плохо, зато, проигравшись, можно было поменять один «Дональд» на десяток Spearmint'ов. До сих пор у меня дома

бережно хранятся пять альбомов со старинными жвачными этикетками.

На деньги играли в чику. Проводишь черту, ставишь монетки в столбик и с расстояния метров примерно десять кидаешь свинцовую битку. Если попал в стопку, говорят «чика» — и все монетки твои. Если нет, то первым разбивает тот, у кого чика попала ближе всего к столбцу. Чикой нужно перевернуть монетку. Если перевернул — монетка твоя.

Ну и, конечно, старая добрая трясучка. Тут всё просто: игроки скидываются по одинаковому количеству мелочи, и один из них трясёт монетки между ладонями, а второй говорит «орёл» или «решка». Дальше ладони расплющиваются и открываются. Угадывающий забирает все монетки, оказавшиеся в той позиции, которую он назвал. Эта игра как никакая другая вызывала зависимость, и некоторые проигрывали крупные суммы.

ПЕРВЫЙ РАЗ ПЕРВЫЙ ШНАПС

Впервые родители дали мне попробовать шампанского на новый 1970 год. Мне было тогда два года. После первого же глотка я решительно бросил пить. Если бы я так делал и дальше, жизнь моя могла сложиться совершенно иным образом. После этого случая я не пил двенадцать лет. Уникальный случай в моей биографии. Этот прецедент частично может быть объяснён тем, что у меня было много других интересов: друзья, компании, девочки. Но в один чудесный день все эти другие интересы собрались вместе и привели меня обратно к рюмке. Сейчас расскажу, как это произошло.

Так получилось, что в школе я всегда дружил со старшими ребятами. В основном это были мальчики и девочки на два класса старше меня. То есть, я был в седьмом, а они были уже совсем взрослыми — в девятом классе. Каким-то образом мне

удалось с ними подружиться. Думаю, сначала я втёрся в доверие к девочкам, для них я был милым блондинистым семиклассником. А уже потом, потом их кавалерам деваться было некуда, если они хотели проводить время с девчонками. И они стали брать меня с собой в походы, проводить через кордоны на школьные дискотеки и в разные другие интересные, но запрещённые для младших классов места. Даже в летний трудовой лагерь в Молдавию я поехал единственный из семиклассников (брали только с восьмого класса, но меня отстояли перед учителями мои друзья).

Самым большим моим другом был Сашка Басистый. Он был большим ловеласом и настоящим Дон Жуаном для девчонок, а мне досталась роль его слуги Лепорелло. Однажды у него случился день рожденья, и на него он пригласил меня. Это была большая честь — семикласснику попасть на день рожденья к девятиклассникам. Я был на вершине счастья.

В назначенный день, с трудом удержавшись, чтобы не припереться первым, я появился на празднике. В квартире царила оживлённая суета: девочки резали салаты, мальчики разводили папин спирт вишнёвым компотом.

Дальше всё пошло по обычному сценарию: мальчики быстро нажрались, девочки были этим не довольны, но всё же танцевали с мальчиками. Я, как боец не подготовленный, напился быстрее всех и с трудом отправился домой, дабы окончательно не потерять лицо.

Путь мой был тернист и извилист. Дорога не слушалась, деревья бросались на меня, а здания норовили перепутаться друг с другом. Домой я заявился в два часа ночи. Родители были на ногах. Мама ничего не сказала и ушла спать. А папа тихо сказал: «Запомни, ты пьёшь мою кровь...».

БУЛЬ-БУЛЬ

В детстве я собирался учиться играть на пианино. Именно так — я собирался, а не кто-то пытался меня заставить. В третьем классе у меня неожиданно появилась тяга к фортепиано. Меня завораживал чёрный блеск инструмента, контраст клавиш, сияние медных педалей. К музыке я был в общем-то равнодушен. Родители долго выпрашивали меня, пытаясь определить степень, силу и, главное, долговременность моих желаний. Я был убедителен в своём порыве, пылко описывал волнующие перспективы и убедительно вещал о годах упорных занятий. Родители посоветовались и купили пианино. Инструмент был не простым — известной марки «Беккер». Да ещё на нём играл кто-то из великих, кажется Гилельс.

Однако обучение не пошло, и буквально через пару лет я бросил занятия. Заставлять что-то делать у нас в семье было не принято.

Инструмент пылился у меня в комнате. Мама требовала соблюдать к нему субординацию. Мне категорически запрещалось что-либо класть на него, но я постоянно об этом забывал, поскольку место в моей комнате было в дефиците. Однажды я нашёл ему ещё одно применение — придумал прятать от родителей в отделение со струнами всякие запрещённые предметы.

Шло время. Я был в девятом классе, когда мама решила собрать у нас дома гостей. Повод я не помню, но кажется, это была какая-то премьера или сдача спектакля. Собралась артистическая интеллигенция. После краткого фуршета кто-то предложил помузицировать. Стали упрашивать усатого дядьку что-нибудь сыграть. Он долго отнекивался, наконец сел, откинул крышку, занёс руки с длинными тонкими пальцами над клавиатурой. И... забулькал. Я покрылся холодным потом. Накануне я упрятал в пианино две бутылки водки, предназначенные для распития с моими друзьями, и совсем забыл об этом.

Гости смеялись, мама краснела, папа гневался, я сторал от стыда. Водку конфисковали и немедленно выпили в назидание молодому поколению.

Семейный Остров

ДВА ЦЫПЛЁНКА

Первой моей машиной была ржавая «копейка» огненно-рыжего цвета. Мы звали её Цыплёнок. Хотя по возрасту это был скорее древний бройлер. Мой тогдашний начальник купил себе новую машину, а эту ему жалко было выбрасывать. Вот он и премировал меня ею, чтобы деньгами не платить.

Ездить учили меня в основном друзья. Для каждого из них это было серьёзное испытание, связанное с риском для жизни. Из-за плохой координации движений меня ещё в школе выгнали из фехтовального кружка, когда я чуть не заколол тренера. В автошколе я ходил всего несколько занятий, это было необходимо для допуска к экзаменам на права.

Первый раз сдавать на права я приехал в МРЭО на Текстильщиках ранней осенью 1991 года. Накрапывал мелкий дождь, ветер носил по площадке сухие листья, кандидаты в ряды водителей жались в углу. Преодолев кордон из коллег по несчастью, я обнаружил белоснежно белую «Волгу», на которой предстояло проходить экзамен. Инструктор оказался толстым милиционером с будёновскими усами, концы которых при разговоре совершали замысловатые фигуры. Живот его так растягивал синюю форменную рубашку, что он был похож на беременного гиппопотама. Гиппопотам был с бодуна.

Я сел в машину и пристегнулся, отжал ручной тормоз, взял ключи и приготовился заводить машину. Странно, но отверстия для ключа не было на обычном месте. Я заглянул пониже, осмотрел рулевую колонку, сам руль, оглядел даже торпеду. Дырка для ключа определённо отсутствовала! Меня прошиб холодный пот. Надо было что-то делать. Когда от безысходности я полез под руль, гиппопотам очнулся и с неудовольствием спросил меня:

— Вы что-то ищете?

— Ищу, — обречённо сказал я. Зажатый в моей руке ключ стыдливо совершал режущие-колющие движения.

— И что же? — ощерился гиппопотам.

— Куда ключ вставить, — пролепетал я, понимая всю глубину собственного ничтожества. Наверное, я был похож на жалкого цыплёнка.

— Молодой человек, — злобно сказал гиппопотам, — если вы не знаете, куда вставлять ключ зажигания, то как же вы будете водить машину?

Потом я узнал, что у «Волги» ключ зажигания вставляется не как у «Жигулей» — справа, а слева — с другой стороны руля. Позже я сдавал на права ещё два раза и к счастью никого не задавил. Потом, как и все, купил права.

В первый свой самостоятельный рейс я выехал ранним весенним утром 1992 года. Цвела сирень. Вредные бабушки норовили броситься под колеса. Вертлявые дети опрометчиво готовились переходить дорогу. Неприятные водители вокруг осуществляли броуновское движение.

Путь мой лежал из Отрадного на улицу Профсоюзную. Карту я проштудировал, как методы математической физики перед комиссией по студенческим делам. Семья провожала меня со страхом. Мама совала в карман яблоки, отец тайком положил в карман двадцатипятирублёвку, бабушка пила валидол.

Путь до Садового кольца я преодолел довольно успешно. Неприятно было, что машина всё время глохла. Но меня всю дорогу поддерживали пронзительными гудками едущие сзади водители.

Я лихо свернул на Садовое кольцо и стремительно помчался по нему с чудовищной скоростью 40 км/час. Нечего и говорить, что я старался держаться правой стороны улицы, слева машины неслись слишком быстро для моего стиля вождения. Незаметно для себя я проскочил въезд в туннель и был вынужден выехать на улицу Горького.

Ужас обуял меня. Построенная заранее и выученная схема движения рушилась на глазах. Дальше открывалась кошмарная неизвестность. Знаете, когда с вами случается что-то нехорошее, то в первый момент появляется жгучее желание любой ценой вернуть ситуацию в нормальное русло. Это как будто ты стоишь на перроне, прощаешься с девушкой и стесняешься ей сказать все правильные слова, чтобы она не уезжала, чтобы ещё осталась с тобой, двери закрываются, поезд трогается, и ты понимаешь, какой ты идиот и сколько всего ты не сказал. И бежишь вдоль перрона и кричишь все эти самые правильные слова, но она уже не слышит тебя, а только грустно улыбается на твои беззвучные гримасы. И ничего уже не вернуть.

Свернул я на улицу Горького, чуть проехал и вижу, что слева выезд опять на Садовое. И я, ничтоже сумняшеся, через две сплошных поворачиваю налево, пересекаю улицу Горького и собираюсь двигаться к Садовому кольцу. И тут вижу милиционера. Он от такой наглости чуть свисток не проглотил. Машет палкой, как синица хвостом ранней весной. Делать нечего, останавливаюсь. А глушить машину боюсь, она же потом может не завестись. А там уклон градусов двадцать как назло, ручник не удержит — это точно.

Короче, нашёл выход — мотор не глушу, поставил на нейтралку и упёр её колесом в бордюр. Выхожу, даю документы. Сам выгляжу цыплёнок-цыплёнком.

— Здравствуйте. Что же это вы, товарищ водитель, прямо через две сплошных поворачиваете?

— Не заметил, — говорю. Самое смешное, что это была чистая правда.

— Как это — не заметили? Вы сколько уже за рулём?

— Один день...

— Один день? — милиционер рассмотрел документы, — действительно один день... Ну что же, ради первого опыта и для

разнообразия делаю вам устное замечание, езжайте дальше осторожно. И следите за знаками. Счастливого пути!

И вручает мне документы! Это был первый и последний правильный гаишник в моей жизни. Больше не попадалось.

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мы сидели с моей молодой женой у её родителей в гостях и мирно пили чай.

— Илья, мне нужна твоя помощь...

— Конечно, Рем Борисович.

Когда тебя просит о помощи отец твоей жены, у тебя остаётся небольшой манёвр для ответа.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне украсть мусорный бачок.

— Какой мусорный бачок, Рем Борисович? — я привык к неожиданным выкрутасам своих многочисленных родственников и волноваться пока не начинал.

— Ну, такой знаешь зелёный, для мусора.

— А где вы хотите его украсть? — осторожно поинтересовался я, ещё надеясь на несложную миссию.

— Да на соседней улице. Они же у каждого дома стоят. Мы у нашего подъезда брать не будем, это подозрительно, — глаза моего тестя радостно горели.

— А, позвольте спросить, — я внимательно подбирал слова, чтобы не обидеть отца моей жены, — зачем вам эта... мусорная ёмкость?

— А-а-а, — тесть заговорщицки понизил голос, хотя мы были вдвоём, — я в гараже выкопал яму. Мы туда установим бак, и там можно будет хранить картошку!

Картошка зимой — это стратегический продукт для наших родителей. С советского детства и на всю жизнь. Я понял, что мне не отвертеться.

Стемнело. Осенней ненастной ночью подцепили мы прицеп к стареньким «Жигулям» тестя и отправились на дело. В соседнем дворе при свете мрачной луны отсвечивала мечта хранителя картошки. Мы споро выскочили из машины и принялись переваливать через борт прицепа огромный железный бак, благо он был пустой. Эта сволочь была довольно тяжёлая. Изрядно попыхтев, мы все-таки загрузили его в прицеп. Отряхнувшись, мы собирались уже отправиться в путь, когда появились милиционеры.

Подъехав с выключенными фарами, они ждали, пока мы загрузим муниципальное имущество, и только после этого врубили дальний свет.

— Здравствуйте, уважаемые, чего поделываем?

— Да, ничего, — ловко увернулся от прямого ответа Рем Борисович.

Я глухо молчал, испытывая странное злорадство, что все мои опасения осуществились в реальности. Жертве полагается быть обиженной и гордой.

— Ну, так уж и ничего? А это что?

— Мусорный бачок, — сказал Рем Борисович тоном, исключаям всякие сомнения, что это подводная лодка или космический корабль.

— А куда же вы его увозите? — задал милиционер вопрос, который, как ему казалось, был убийственным в деле уличения нас в преступной деятельности.

— А в нашем дворе бачков мало, вот мы и решили перевезти к нам ещё один, — Рем Борисович старался казаться отчаянно убедительным. Я заметил, что руки у него трясутся.

Нас отвезли в отделение. Усталый майор учинил нам допрос. Было видно, что ему скучно возиться с такими глупыми преступниками. Однако бачок стоил больше ста рублей, это уже тянуло на статью уголовного кодекса. Могильной тюрьмой дохнуло на меня от погон усталого милиционера. Наконец,

после двух часов разбирательств, определения наших мест работы, выяснения наших учёных званий (мы были оба кандидаты наук) и звонков участковому нас отпустили, обязав вернуть бачок на законное место и больше никогда (слышите: НИКОГДА) не быть замеченным возле каких-либо бачков с неясными целями.

Усталые и убитые мы пошли домой, купили водки и выпили её на кухне. Женщины, как ни странно, приняли нас как героев. Да мы ими и были, просто мы были невезучими героями. Так я окончательно был принят в семью моей жены.

НА КЛАДБИЩЕ

Урну с прахом выдают в крематории только при условии предоставления справки о наличии места на кладбище. Пришлось ехать. Приезжаю на Ваганьковское кладбище. Церковь с куполами, Владимир Семёнович в смиренной рубашке, рядом круглосуточный магазин ритуальных принадлежностей. Интересно, что и кому в нём может потребоваться купить ночью...

Захожу в контору, народу никого. За столом сидит мужик в голубом костюме с искрой, как на Чичикове. Только не брусничного, а небесного цвета. Сверкающая металлическая нить, используемая в ткани, создавала эффект огненных точек.

— Здравствуйте. Мне нужна справка о наличии места.

— У вас удостоверение есть?

— Есть, — протягиваю ему книжицу в коричневом переплёте.

— Знаете, где могила?

— Ну, вообще не очень, был когда-то давно...

— Так может её уже и нет. Как же я вам выпишу справку о захоронении? В воздух? —короткие усики искро-голубого весело топорщатся.

— А разве у вас нет чёткой нумерации? По номеру в удостоверении нельзя найти могилу?

— Ха, — искро-голубой улыбнулся мне, как несмышлёному, — в удостоверении указан только номер участка, а на вашем (он заглянул в удостоверение) 56-м участке больше 2000 могил!

— Ясно. А что же делать?

— Идите, ищите. Может, найдёте. Если таблички сохранились...

Я вышел на улицу. Следом за мной покурить вышел искро-голубой.

— Вот вам сколько лет? — вдруг спросил он.

— Сорок три, — отвечаю настороженно.

— Вот, сорок три, а вы уже о памятнике подумали?

— О каком памятнике? — напрягся я.

— О своём памятнике, о своём, — глаза его заволкло дымкой, сквозь которую он смотрел на мой несуществующий монумент.

— Да рано вроде... — неуверенно проговорил я.

— Да нет, пора уже, — он вернулся на землю, в голос появились деловые нотки, — вот вы курите?

— Нет, — сказал я, чувствуя себя несколько виноватым.

Искро-голубой немного расстроился.

— Ну, хорошо, но вы же едите?

— Бывает, — говорю.

— Вот! — обрадовался он, — а если бы ели чуть меньше, то к старости могли бы накопить на отличный памятник!

Я представил, как в детстве покупаю школьный завтрак не за двадцать пять копеек, а за пятнадцать с тем, чтобы гривенник опустить в копилочку в виде гробика.

— Раньше люди заботились о своей памяти, ставили хорошие памятники, — мечтательно проговорил искро-голубой, — сейчас родственники из-за границы приезжают,

а постамент на месте, любо дорого посмотреть. А у нас многие даже родительские могилы не навещают, не говоря уже о дедовских. Только жрут и пьют всю жизнь.

Как человек без памятника я чувствовал себя неудобно. Тем более, что поесть я люблю. Не говоря уже о выпивке.

— Менталитет, — говорю, чтобы что-то сказать. Я в последнее время, когда не знаю, что сказать, всегда говорю это слово.

— А надо как на Западе, — размечтался собеседник, — если двадцать лет никто не платит за могилу, то тело эксгумируется, а участок отходит кладбищу!

Перед его взором возникали золотые замки, купленные на деньги от продажи освободившихся могил. В оформлении строений угадывались элементы похоронной архитектуры.

Попрощавшись со служителем, я зашагал по тенистым аллеям кладбища. Был яркий солнечный день, щебетали птички, покойники лежали смиренно, каждый в своей оградке.

Обращали на себя внимание памятники, изображавшие умерших. Они были представлены в трёх масштабах: уменьшенные копии, один к одному и монументы. Монументов было мало. То ли дорого для потомков, то ли Церетели пока не освоил эту нишу, но великанов почти не было.

Уменьшенные копии выглядели игрушечными. Их кукольный вид навевал мысли о детстве покойника. С ними хотелось поиграть.

Самыми страшными были памятники в натуральную величину. Я представил, как такой памятник смотрится ночью в тусклом свете кладбищенского фонаря. Не хотелось бы встретиться.

Я побродил между оградками с полчаса и нашёл нужную могилу. Таблички были на месте: шесть штук, прямо братская могила какая-то. Самая старая — прадед. На могиле было довольно прибрано. Оградку недавно покрасили. Все это

наверняка сделал покойник, когда ещё был жив, больше было некому. Я представил его мысли о вечном в процессе этой уборки, меня передёрнуло. Сфотографировав таблички на могиле, я зашагал обратно в контору. В душе появилось радостное чувство выполненного долга. Кроме того, я чувствовал значительное преимущество себя, как живого человека, перед покойниками. Вкус жизни, так сказать.

Искро-голубой посмотрел фотографии, спросил об оградке, быстро оформил документы. Рядом какая-то женщина одновременно оформляла документы на умершего и по телефону покупала машину. И то, и другое не ладилось.

— Скажите, а сколько урн можно захоронить в одну могилу?

— Сколько родственников хватит.

Я прошёл в кассу. Передо мной крашеная в блондинку полная женщина выговаривала мужу:

— Вот так ты всегда, всё себе да о себе, даже могилу себе!

— Тася, — смущённо оправдывался тот, — это чтобы тебе не ездить документы оформлять.

— Ага, конечно, ты вот скоро умрёшь, сам на кладбище поедешь, что ли, себе место оформлять? Эгоист!

Я заплатил в кассу, забрал документы, вышел на улицу. На душе отчего-то было светло. Теперь можно и в крематорий.

ПРОМАЗАЛ

Умер Коля Фирстов. Он был очень талантливый кузнец. Говорили, что заново открыл секрет булатной стали, утерянный с давних времён. Он делал из металла потрясающие вещи. Через полгода планировалась его выставка оружия на западе. А он взял и умер. Пятидесяти не было.

О его смерти я узнал поздно, уже после похорон. Жаль, говорят на похоронах были мои старые друзья. Хотелось повидаться, со многими не виделись лет двадцать. Мы с женой

поехали на девять дней. Была ранняя весна. Снег ещё лежал, но солнышко уже начало пригревать. Коля жил в деревне Бёхово, недалеко от музея В. Д. Поленова. Купил участок, построил там дом, кузню.

К сожалению, жизнь раскидала нас, мы не виделись много лет, я только один раз заезжал к нему примерно за год до его смерти. Тогда мы посидели, повспоминали старое. Договорились о новой встрече, но... дела, дела. Все бежим куда-то, торопимся, иногда пропуская важное. Я так и не заехал к нему.

Мы с супругой приехали, когда все уже собрались. Было довольно тепло и столы выставили на улицу перед домом. Мы никого не знали, было неловко. Даже с его последней женой мы были незнакомы, в наш последний визит она была в отъезде. Мы присели на краешек скамьи, нам принесли тарелки.

Налили водки. Выпили, не чокаясь. Постепенно втягивались в разговор. Я почувствовал необходимость рассказать о нашем общении с Колей, вспомнить старые времена. Казалось, надо оправдаться, обосновать наше присутствие, чтобы мы не выглядели случайными людьми, зашедшими на халяву выпить водки. Я встал.

— Я помню Колю, как человека мужественного, настоящего и надёжного, — с чувством начал я.

Внимательные глаза смотрели на меня. Мужчины подцепили на вилки грибочки. Женщины подкладывали мужьям закуску.

— Я хочу сказать, что Коля был каким-то настоящим и честным во всем, — продолжал я.

Послышались приглушенные смешки. На лицах появились улыбки. Кто-то прикрывал рот рукой.

— И он никогда не врал, был честным и со своими, и с чужими, — вёл я свою линию.

Смех нарастал, люди за столами откровенно переглядывались, прыскали в кулаки. Несколько удивляясь реакции присутствующих, я продолжал.

— И давайте выпьем за его честность и правдивость, за его жизнь, которую он прожил честно!

И тут случилось невообразимое. Люди хохотали, утирали слезы, смех душил многих. Одна девушка пыталась выйти из-за стола, но силы её покинули, и она завалилась в сугроб, не переставая смеяться. Похоронное собрание гоготало. Несколько ошарашенный наступившим неожиданно всеобщим весельем, я выпил свою рюмку и сел на место. Жена недоуменно посматривала то на меня, то на смеющихся людей.

— Послушайте, товарищ, — обратился шёпотом я к сидевшему рядом мужичку, который уже отсмеялся и теперь закусывал солёными огурчиками с картошкой, утирая слезы, — а чего все так развеселились-то?

— Покойник был мастер приврать, — с полным ртом отвечивал мой сосед, — любил сочинять разные истории и выдавать их за правду. Даже в бытовых делах, мягко говоря, любил приукрасить, а уж что касается своих успехов, так тут только держи его. Рассказывал такие небылицы, что хоть святых выноси. В общем, с его честностью ты малость того, братушка, промазал с тостом.

Уже потом, трясаясь в электричке домой, я осознал, что мои юношеские иллюзии были основаны исключительно на восторженном восприятии в таком возрасте самых обычных вещей.

ПАСХА

Моего дядю по маминой линии зовут Роберт Варакин. В детстве он с бабушкой на Пасху ходил в церковь святить куличи. Долгое время он думал, что на куличе пишут ХВ для

того, чтобы в церкви их кулич не перепутали с другими куличами, для этого и подписано — Хлеб Варакиных.

ПРИВЕТ, РОМАЛЫ!

Жилье наше на севере Москвы в Отрадном было удивительным. Мы жили на втором этаже, а на первом жил настоящий цыганский табор. У них даже был свой цыганский барон. Его звали Роман, и все его зубы были золотыми. Маленький, тщедушный, с толстенной золотой цепью на впалой груди, он обладал огромной властью среди цыган. И периодически стрелял у меня деньги на опохмел.

Как-то я зашёл к нему по какой-то надобности. Крысы у них в квартире бегали прямо по комнатам. На полу расположилась шайка цыганских детей, сравнимая по численности со средней группой в детском саду. Жена готовила на плите, глаз её светился лиловым синяком. Стушевавшись, я ушёл.

В нашу квартиру крысы забирались по стояку в туалете. Отец боролся с ними как мог. Потом отступил, сдал коридор. Двери в комнаты подбил снизу планками, обитыми жестью. Крысы по ночам злобно грызли углы жести, но в комнаты прорваться теперь не могли.

Потом я женился. Новый статус не позволял далее мне оставаться безучастным к крысиной экспансии. Я пошёл на ближайшую стройку и своровал цемент. Во дворе намешал раствор, набил в него пивных бутылок. Мне говорили, что цемент крысы грызут, но битые бутылки им не поддаются.

Набеги прекратились, но время от времени появлялись крысиные приведения, следы их представали на кухне в виде погрызенных ножек у табуреток и многочисленных черных комочков.

Прошло время, и мы решили продать эту квартиру, одновременно купив квартиру на Юго-Западе. Там был

университет, в котором мы учились, там жили почти все мои друзья, там протекала наша бурная студенческая жизнь. Ездить каждый день через всю Москву было неразумно.

Некоторое время мы подбирали новую квартиру, искали покупателя. Наконец, вариант нашёлся, мы оформили документы, вывезли мебель. В тот год нам жутко не везло: у нас сгорела новая квартира (сразу после ремонта), наши вещи затопило в подвале и я потерял работу. Мой друг Михалыч говорил, что у нас только землетрясения не случилось.

Тем не менее, старую квартиру мы всё-таки продали, и пришёл момент передачи ключей новым жильцам. Мы договорились встретиться с покупателем на квартире. Я приехал чуть раньше в наш бывший дом. Так просто — походить по комнатам, посмотреть, не осталось ли чего, проститься с этим жилищем. Всё-таки мы прожили там восемнадцать лет. Восемнадцать таких разных, весёлых и грустных, лет. Тут я закончил школу, сюда я привёл молодую жену, здесь у нас родилась первая дочка.

Открыл входную дверь в квартиру, вошёл. Посреди кухни сидела огромная рыжая крыса и бесстрашно смотрела на меня. Взгляд у неё был даже не наглый, а какой-то хозяйский. Он как бы говорил: чего припёрся? Новые жильцы вот-вот должны были появиться. Увидеть крысу они не должны были ни в каком случае. Их реакция на такой фильм ужасов была предсказуема.

Лихорадочно заработала голова. Я осторожно прикрыл входную дверь и двинулся на кухню. Плотно затворил кухонную дверь за собой. Крыса неторопливо и неохотно проследовала под мойку и скрылась там. Я огляделся и обнаружил старую швабру в углу кухни.

И началась гладиаторская битва. И содрогнулись стены от увиденного. И напитался воздух страшными звуками.

Я метался по кухне, как дикий Тарзан, выбрасывая швабру, как трезубец. Крыса бегала по всем шести поверхностям кухни,

включая потолок. Побоище было кровавым, мы буквально бились не на жизнь, а на смерть. Но все-таки человек не зря забрался на вершину эволюции. Мне удалось одержать победу в этом поединке.

Усталый, опустился я на пол, прикрыл глаза. Кровь гулко стучала у меня в висках. Колени тряслись.

И тут прозвенел входной звонок.

ГОНКА РАЗВООРУЖЕНИЯ

Пока я грузил тяжёлую панцирную сетку от старой кровати, Серёга начал разбирать антресоли наверху. Я подошёл помочь. Тут под ноги мне плюхнулся тяжёлый зелёный брезентовый мешок.

— Прости, не удержал, — сказал Серёга и вытер пот, градом катившийся по его лицу. Мы с Серёгой — зятья, женаты на родных сёстрах. Нынче по долгу родственных отношений мы разбираем гараж нашего тестя, предназначенный для продажи. Рем Борисович — человек запасливый, за многие годы в гараже скопилась масса «нужных и необходимых» вещей. Сломанные вешалки, сторевшие лампочки, использованные автомобильные фильтры. Прицеп, который мы грузили в данный момент, был восьмым по счету.

Я наклонился над мешком, развязал шнурок. Из открывшегося верха вытащилась подозрительно заострённая труба. Диаметр примерно 10–12 см, наконечник покрашен в красный цвет. Я потянул за наконечник и вытащил натуральную ракету длиной около метра с четверным хвостовиком на конце.

Точно такие изображали в руках Дяди Сэма на советских плакатах.

— Что это, Рем Борисович?!

— Это — ракеты, — охотно пояснил тесть, как будто речь шла о стиральном порошке или туалетной бумаге.

— То есть как ракеты? — растерялся я.

— Ну, так. Это я с полигона привёз из Усть-Камчатска. Мы на них зонды запускали. Думал, может быть пригодятся для чего...

— Они что, заряжены?! — спросил Серёга.

— Не, не заряжены, — Рем Борисович отвёл глаза в сторону.

— Как же вы их провезли? Как вас в самолёт-то пустили?

— Да, это было в 68 году. Я показал накладные от института, меня и пропустили...

— И что с ними теперь делать?

— Выкидывать. Хотя, конечно, жалко. Могли бы пригодиться...

Да, пенсионер с ракетами — это больше, чем пенсионер. Легко сказать — выкидывать. А если остановят? На прошлой неделе террористы как раз взорвали два дома на Каширском шоссе. Быть пойманными с ракетами на борту в такое время нам как-то не хотелось...

— Может, их закопать? — предложил Серёга.

Я окинул взглядом асфальтированную дорогу между гаражей. Вдалеке на возвышении торчала будка сторожа. Представил, как мы долбим асфальт и заинтригованный сторож подходит посмотреть, что случилось. И тут обнаруживает, что мы закапываем першинги в его родном гараже.

— Нет, — сказал я, — захоронение вооружений будем производить в следующий раз. Сегодня произведём утилизацию ракет в места сбора мусора. Авось, никто не заметит стингеры среди остальных выкинутых сокровищ. Мы осторожно положили мешок с ракетами в прицеп, накидали сверху какого-то хлама и двинулись в путь.

— Вы там это, поосторожней... — крикнул нам вслед бывший владелец арсенала. Мы выехали из гаражей, проехали по улице,

завернули в какой-то двор, остановились возле помойки. Скинули брезент с прицепа, стали выгружать. Первым делом на дно мусорного бачка лёг мешок с ракетами.

Неожиданно за нашими спинами послышался скрипучий старушечий голос.

— Вы почему в нашем дворе свой мусор выкидываете?

Сухонькая старушенция с фиолетовыми буклями была настроена воинственно.

— Мы двор перепутали, — неуклюже соврал я.

— Так я вам и говорю, езжайте в свой, оглоеды, — затрясла головой старушка. Шея её была настолько тонкой, было страшно, что у неё отвертится голова и покатиться по асфальту, рассылая проклятия.

— Бабуль, ваше-то какое дело? — не сдержался Серёга.

— Ах, моё какое?! — затряслась эта шапокляк, — я вам покажу какое моё дело, я вам сейчас покажу какое...

Пылая праведным гневом, она полезла в сумочку, достала клочок бумаги и стала на нём записывать номер нашей машины. У меня перед глазами встала картина, как при погрузке в мусорную машину грузчик обнаруживает мешок с ракетами, приезжает милиция, сквозь оцепление прорывается наша старушенция с высоко поднятым над головой клочком бумаги, на котором записан номер моей машины.

Мы с Серёгой переглянулись и стали грузить мусор обратно. День сегодня не задался. Борьба с гонкой вооружений оказалась нелёгкой задачей.

Вырулив из двора, мы поехали, заглядывая во дворы и ища достаточно вместительную помойку. Нам долго не везло. Наконец Серёга усмотрел в каком-то дворе полупустой контейнер. Я уже собрался туда завернуть, как навстречу нам вырулила милицейская машина. Мы встали друг напротив друга.

Милицейская машина посигналила, дверь её распахнулась и из неё вывалился толстый майор с внешностью Карабаса-Барабаса.

— Так, молодые люди, что везём? — спросил он, плотоядно глядя на прицеп, закрытый брезентовым чехлом.

— Мусор, — сказал я, глядя ему в переносицу широко открытыми глазами. Мне всегда кажется, что такой взгляд позволяет поверить в мою честность. Ну, или хотя бы глупость.

— Мусор, — не поверил майор и поправил потёртый автомат на плече, — давайте посмотрим на ваш мусор.

Мы ослабили верёвки, откинули край брезента. Майор заглянул, пошарил рукой среди старых вещей, вытер руку о куртку.

— Это откуда столько дерьма?

— Тесть гараж продал. Вот, освобождаем.

— А сам тесть где? — подозрительно прищурился майор и зачем-то понюхал воздух.

— В гараже разбирается, — сказал Серёга.

— В гараже... — задумчиво протянул Карабас-Барабас, обошёл прицеп, откинул полог с другого конца прицепа и протянул руку к зелёному мешку, — а это что?

— Это лучше не трогать! — тревожно сказал я.

— Почему это? — заинтересовался майор.

— Там... это... лучше не открывать!

— Да ладно, — оскалился майор. Он был похож на питона, учуявшего встревоженного кролика.

— Не надо! — заорал я, — там... там... тамдохлая кошка!

— Чего-о?! — недоверчиво протянул майор, но рука его остановилась.

— Дохлая, разложившаяся кошка! Если открывать, то только с противогазом. У вас есть противогаз?

— Какой противогаз! — заорал майор и лицо его стало цвета перезревшей вишни. Он схватил мешок и развязал верёвки.

Серёга втянул голову в плечи. Я подумал о родителях.

Майор выхватил мешок из прицепа и высыпал его содержимое на мостовую. Из него посыпались какие-то старые автомобильные детали.

— Шутка, — сказал Серёга с похоронным выражением лица.

— Идиоты, — сказал майор, — так это же строительный мусор, его здесь выкидывать нельзя, везите на свалку, благо она рядом.

— Рядом? — протянул Серёга растерянно.

— Да за кольцом сразу направо, там указатель. Впрочем, я в ту сторону сам еду, езжайте за мной, провожу.

Мы с трудом развернулись (я чуть не въехал прицепом в урну) и поехали за милицейской машиной в сторону МКАДа.

— У моряков это называется «взять за ноздрю», — резюмировал Серёга.

Карабас довёз нас до самых ворот свалки и даже помигал поворотником, указывая на её ворота. Делать нечего, нам пришлось заехать внутрь. Мы припарковались.

— Пойду узнаю, — сказал я и отправился в бытовку, стоящую у ворот.

Внутри сидел сухонький старикашка в очёчках. Он читал газету «Спид-Инфо» и время от времени смеялся тихим скрипучим смехом.

— Дедуля, сколько стоит мусор выкинуть?

— Какая организация? — дед с неохотой отложил газету.

— Никакая. Частным порядком.

— С частными лицами не работаем.

— А за денюжку?

Старичок прищурился.

— Кассового аппарата нет.

— Да мне чек не нужен.

— А почём мне знать, что ты не из ОБХСС?

— В этом вы можете быть уверены. Её упразднили в 92 году.

— Ну, ещё откуда-нибудь, — дед Щукарь сверлил меня рентгеновским взглядом.

— Да ниоткуда мы! — раздосадовано сказал я, — тестю гараж освобождаем!

— Воруете, — понимающе кивнул старичок, — чего за мусор-то?

— Да хлам всякий.

— Ладно, идём, посмотрим.

Мы вышли к машине. Серёга откинул полог, старичок заглянул в прицеп и весело крикнул.

— Ладно, давайте пятихатку и ежайте на сортировку.

— На какую сортировку? — недоуменно спросил Серёга.

— На обыкновенную, мусор сортировать.

— Зачем? — спросил я.

— Вы прямо как сейчас родились. Знаете сколько в мусоре полезных вещей можно найти? Вы ж, бестолковые, выбрасываете всё, что под руку попадётся. А мы живём на этом. Стекло сдаём, металлолом — на переплавку, радиоприборы — на детали. Кстати, ваш номер машины записал, если что важное найдём, документы там какие или ключи, так это мы позвоним. Народ даже вознаграждение платит за находки. Вы телефончик оставите?

— Тьфу, — Серёга начал закрывать прицеп чехлом.

— Спасибо, дед, мы передумали, — грустно сказал я и полез в машину.

Мы развернулись и выехали за ворота, оставив хранителя помойки в некотором недоумении. Боеприпасы не отпускали нас. На перекрёстке я свернул направо, и мы стали удаляться от города.

— Ты куда? — спросил Серёга.

— На кудыкину гору, — сказал я, — в лесу закопаем и дело с концом.

— Логично, — сказал Серёга.

Мы свернули на какой-то просёлок, проехали метров сто вглубь леса и остановились. Лес темной стеной обступил нас. Мохнатые еловые ветки нависали над головой. Вдали угрюмо куковала кукушка. Мы выбрались из автомобиля. Серёга стал развязывать верёвки. Я полез в багажник за сапёрной лопаткой, которую возил на случай застревания в сугробах.

— А где? — растерянно спросил Серёга.

— Что — где?

— А где ракеты-то?

Ракет не было.

— Странно. Серёг, а ты от машины не отлучался?

— Вообще, отлучался. Ты когда ушёл, я в кусты отбегал.

— А у машины кто-нибудь вертелся?

— Да был какой-то бомж, но он сразу ретировался, когда я подошёл.

— Ясно. Нас обокрали...

— Да, но у них наш номер машины, — встревожился Серёга.

— У кого у них-то? Номер у сторожа, а украл какой-то бомж. Он сторожу ни за что про это не скажет, а сам попытается толкнуть эти ракеты кому-нибудь.

— Ракеты толкнуть?! — Серёга в ужасе воззрился на меня.

— Да не волнуйся ты, там заряда — даже курятник не хватит взорвать, — улыбнулся я, — ладно, поехали.

Лучшее отношение к природе — это когда природа не замечает твоего присутствия. Не желая засорять лес мусором, мы отвезли его до ближайшего контейнера в городе. Благо в этот раз нам никто не помешал это сделать. Поставили машину у дома, поднялись к Рему Борисовичу.

— Ну, спасибо вам, ребята, — тесть налил нам по рюмочке, — а ракеты, конечно, жалко...

ДУНЯ

Я приехал к маме в деревню рано утром. Было морозно, снег был молочно чистым, сквозь белёдые облака пробивалось тусклое зимнее солнце. Я наносил дров из сарая, наполнил все ведра водой из колодца, расчистил от снега дорожки. Сели пить чай.

— Илюш, а я ведь кошке имя дала.

Кошку я подобрал два года назад зимой на деревенской улице, и была она в то время маленьким черным комочком. С тех пор на маминых харчах она капитально отъелась и стала вальяжной упитанной пантерой с блестящей чёрной шерстью и ярко-жёлтыми куинжевыми глазами. Почему-то до этого кошке не дали никакого имени, а звали просто — Кошка.

— Любопытно. И какое же?

— Дуня.

— Прекрасно.

Ну, Дуня так Дуня. Вполне деревенское имя для кошки. Я давно привык не задавать маме лишних вопросов, чтобы не получать ответов, не совместимых с жизнью.

— А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что к ней ходит абсолютно рыжий кот, которого я зову Чубайсом.

Как известно, есть такой режиссёр, актриса и продюсер Дуня Смирнова, которая вышла замуж за другого одиозного персонажа приватизации — Анатолия Чубайса.

**Остров
Дружков-Пирожков**

ЗВЁЗДОЧКИ

Однажды Шафранову пришла повестка в военкомат. Естественно, как любой нормальный человек, он опустил её в мусорное ведро и забыл. Однако через неделю пришла ещё одна. Её постигла та же участь. Через неделю — ещё одна. Наконец, ему это надоело, и он решил сходить. Ради любопытства, ведь он к тому времени уже вышел из призывного возраста.

Приходит. Его приглашают прямо к военкому. Тот поднимается из-за стола, торжественно жмёт руку:

— Товарищ Шафранов, поздравляю вас, вам присвоено следующее воинское звание — старший лейтенант.

«Ничего себе», — думает Шафранов.

Ну, вечером, понятное дело, грандиозная пьянка, друзья поздравляют, звёздочки обмыли, звание отметили. Такой повод, сами понимаете. Даже погоны подарили ради прикола, кто-то не поленился в «Военторг» съездить.

Через неделю Шафранов обнаруживает в своём ящике... ещё одну повестку.

«Ого, — думает, — неужели капитана дали?!» Идёт в военкомат, его сразу к военкому. Тот поднимается из-за стола:

— Товарищ Шафранов, просим извинить, вам ошибочно присвоено звание старшего лейтенанта.

Ну, вечером, конечно, опять пьянка. Друзья собрались. Дело как же — друга разжаловали...

ЧУНИ

1990-ый год мы встречали у Серёжи Зотина в новой квартире. Настолько новой, что в ней не было даже мебели. Однако нам это совсем не мешало, ведь мы были студентами. Мы сидели на каких-то подушках, пили шампанское, играли на гитарах, жгли бенгальские огни — и нам было хорошо.

Немного за полночь Михалыч по своей старинной привычке уснул прямо посреди всеобщего веселья. Всё бы ничего, но Михалыч имеет обыкновение храпеть как самолёт, прогревающий двигатели перед взлётом. Я был свидетелем, когда целый плацкартный вагон не спал всю ночь, слушая его трели. Будили его раз пятьдесят, но он каждый раз успевал захрапеть быстрее всех, не оставляя никому шанса уснуть.

В общем, через некоторое, не очень продолжительное время храп Михалыча стал нарушать гармонию новогоднего вечера. Тогда Серёжа Зотин, большой выдумщик разных идей, предложил положить Михалыча в лифт, чтобы он там временно покатался и не мешал отмечать праздник. Я выступил против. Мне казалось, что нехорошо так поступать с бесчувственным телом друга. Да и в милицию его могли забрать, в начале 90-х с этим было строго, с пьяными не церемонились, да и вытрезвители работали исправно. Мы с Серёжей немного поспорили (минуток пятьдесят примерно) и не пришли к консенсусу.

Потом, как часто бывает на весёлых праздниках, я на что-то отвлёкся, и, когда опять вспомнил о Михалыче, его уже не было среди друзей. Не было и моего противника. Страшная догадка пронзила мой возбуждённый мозг. Я бросился спасать друга на лестницу и в дверях столкнулся с довольным Зотиным. И сразу понял, что он осуществил свой коварный план, и бедный Михалыч уже запущен в неконтролируемое путешествие между этажами.

Первое, что мне пришло в голову, нажать кнопку вызова лифта. Как ни странно, такое простое действие сразу привело

к положительному результату. Приехал лифт, двери открылись, и я увидел следующую картину. Вдоль стены лежал полосатый матрасик с подушечкой, на котором мирно посапывал Михалыч. Рядом стояла табуреточка, на которой расположились рюмочка водочки, кусок чёрного хлебушка и огурчик на тарелке. Картину довершала малюсенькая наряженная ёлочка.

Взвалив бесчувственное тело, я как раненного бойца вытащил друга из лифта и дотащил до квартиры, где положил в незанятую комнату мирно почивать. Я чувствовал себя героем, выполнившим свой долг. Умиротворённый, я присоединился к общему веселью и скоро забыл о Михалыче.

Через некоторое время я решил проведать, как он там, мой друг. Михалыча на месте опять не было! Это начинало надоедать, но я уже знал, что делать. Пошёл в лифт, вытащил Михалыча и вернул на место. Однако Зотин был тоже упрямым шутником, и борьба за Михалыча продолжилась.

Перегрузив Михалыча раз пять или шесть туда-сюда, мы несколько подустали, всё-таки в нём было килограмм восемьдесят пять, не меньше, и решили выпить. За рюмкой наш высокоморальный спор продолжился, но компромисса мы так и не достигли.

Отдохнув, я уже как на работу отправился к лифту. Вызвал, приехала кабина, открылись двери. Матрасик был пуст. «Забрали!» — подумал я в ужасе, вскочил в лифт и поехал на первый этаж. Вышел на улицу. Какая-то пьяная компания запускала фейерверки. Мороз щипал за уши. Михалыча нигде не было.

Удручённый, вернулся я в квартиру. Рассказал всем о пропаже Михалыча. Со свойственным молодости цинизмом все выпили за него, и веселье продолжилось. Решили идти за ним в ближайшее отделение милиции наутро, поскольку сейчас уже мало кто умел ходить. Да и забрать могли всех в таком состоянии.

Часа в три ночи в квартире раздался звонок. На пороге стоял покачивающийся, как дерево в непогоду, Михалыч. На ногах его были чуни, сделанные из картонных коробок, которые он нашёл где-то в подъезде.

— Холодно ходить в носках по плиточному полу, очень холодно, — бормотал он.

Оказалось, он проснулся в лифте, выпил приготовленную рюмку водки, которая стояла на табуретке, закусил огурчиком и вышел как ни в чем ни бывало, двери закрылись, лифт уехал.

Оказавшись на каком-то этаже в одних носках, Михалыч стал думать, что дальше делать. Номера квартиры Зотина и даже этажа, на котором она находилась, он не помнил. Сотовых телефонов тогда, не поверите ли, не было. Оставался один путь. Он сделал чуни из картона и двинулся в путь. Зотин жил на одиннадцатом этаже, Михалыч вышел на третьем. В общем, ему пришлось последовательно обойти все квартиры с третьего до одиннадцатого этажа прежде, чем он попал обратно к нам. В каждой квартире на этом пути народ встречал его весело. Практически везде смеялись и наливали. Пытались позвать в гости. В одном месте даже нарядили Дедом Морозом и водили в хороводе вокруг ёлки.

Когда мы открыли дверь, первое, что сделал Михалыч, это снял чуни и надел свои зимние ботинки. «Братцы, думал, совсем потерялся...» — сказал он и радостно засмеялся.

ОПЕРАЦИЯ «БЕЛОЧКА»

И в этот момент Шафранов вдруг ясно осознал, что разработанная операция летит псу под хвост. Долгое планирование, обсуждения, разработка, перелёт через Атлантику, сотни баксов, истраченных на операцию, и сама её идея — всё это было вмиг перечёркнуто его мимолётной ошибкой, как только он на минуту отвлекся от операции. Всё

летело к чертям. Джип Старины Зотина равнодушно удалялся, перечёркивая все планы...

А началось всё двумя днями ранее, когда мы прибыли в аэропорт для отправки. Сначала отменили самолёт, на котором мы должны были выдвинуться из Москвы. Имя предполагаемого крылатого друга было Fokker. Название ассоциировалось со Второй мировой и было подозрительным. Подозрения оправдались — самолёт не полетел. Мы с Михалычем загрустили, ведь более позднее прибытие ставило под угрозу всю нашу операцию. Наконец, часа через три авиакомпания разобралась в собственных проблемах, и всех пригласили на посадку. Михалыч и я неприметно погрузились на борт в числе прочих пассажиров, и самолёт направился в сторону Северной Америки.

Мы летели с двумя пересадками — в Вене и в Торонто. Причём в Вене из-за переноса рейса у нас было всего 25 минут на пересадку. Но миссия была слишком важна, чтобы опаздывать, и мы успели на рейс. Самолёт взял курс на Торонто.

Над Атлантикой было страшновато, самолёт трясло. Мы забоялись безбрежно раскинувшегося где-то внизу необъятного океана и решили выпить для смелости. Однако правила запрещали принимать алкоголь во время полёта. Тогда нами был изобретён Универсальный Хобот. Мы вставили бутылку коньяка в рукав куртки, а саму куртку положили между сидениями. Теперь можно было комфортно и без опасений быть застигнутыми врасплох стюардами отхлёбывать коньяк.

А вот в Торонто начались приключения. Шафранова неожиданно задержали на таможне. То ли пушистые усы Михалыча привлекли сотрудников, то ли его славянская внешность не давала им покоя, но его остановили, задали пару вопросов и вежливо попросили пройти в комнату досмотра. Напрасно я пытался сказать, что это мой шеф, что он не знает английского, что я его помощник и буду очень полезен

в общении. Красивая канадская девушка в форме таможенника вежливо объяснила, что у них есть собственные переводчики с русского, помощь не требуется, и настойчиво попросила меня пройти дальше на выход. Было понятно, что спорить с ней не стоит.

Я вздохнул, перехватил в другую руку ручку чемодана и зашагал дальше по коридору. Пройдя до его конца, я обнаружил, что прямо передо мной находится выход в город, а указатель налево сообщает о том, что туда должны направляться транзитные пассажиры. Пришлось остановиться и терпеливо ждать, пока отпустят моего напарника.

Мимо непрерывным потоком шла цветастая толпа пассажиров и лениво выплёскивалась в город. От пластиковых стен веяло тотальным безразличием. Искусственное освещение подчёркивало равнодушие окружающей среды. Никому ни до чего не было дела.

Скользя от скуки взглядом по стенам, я заметил, что транзитный коридор как бы огибает зону досмотра пассажиров. То есть не исключено, что у зоны досмотра был ещё один выход, который, минуя обычный путь, позволял выйти пассажирам прямо к гейтам. В этом случае Шафранов может не догадаться, что его ждут в транзитном коридоре, он спокойно выйдет прямо к рейсам и, не обнаружив напарника, направится на посадку. Решив проверить свою теорию, я пошёл вдоль транзитного коридора, чтобы посмотреть, есть ли там второй выход.

А в это время освобождённый из таможенных пут Михалыч прошёл прямо по коридору и, не замечая указателя на транзитные рейсы, преспокойно вышел в город. Ну, то есть не совсем в город, а в общий зал, где находятся и встречающие, и провожающие, и будущие пассажиры. Бурлящая толпа втянула Михалыча, двери за ним захлопнулись, и мы оказались отрезаны друг от друга правилами безопасности аэропорта.

Шафранов быстро понял свою ошибку, попытался сунуться обратно, но вежливый полицейский не пустил его.

Не обнаружив второго выхода из зоны досмотра, я спокойно возвратился на прежнее место и продолжал терпеливо ждать друга, не подозревая, что тот уже прошёл мимо и теперь через общий зал направляется к посадке.

Немного покрутившись у стоек регистрации, Шафранов решил, что я уже прошёл на посадку и отправился туда же. Ситуация усугублялась тем, что в Канаде другой стандарт сотовой связи и наши сотовые телефоны не работали.

Добравшись до нужного гейта, Шафранов и там меня не обнаружил. Странно, подумал он, почему это Гукер меня не дождал. Вечно он торопится. Решив, что я уже в самолёте, он прошёл на посадку и дальше — в самолёт. Но и в самолёте Гукера не оказалось. Вернуться назад не было никакой возможности. Заревели двигатели, самолёт с Михалычем вырулил на старт и, легко оторвавшись от земли, улетел в Ванкувер. Ну, наверное, Гукер на другом самолёте отбыл, подумал Шафранов и заснул.

А в это время я второй час торчал у выхода из транзитного коридора. Начиная подозревать что-то неладное, я попытался вернуться в зону досмотра и узнать что-либо о своём друге. Однако это не удалось. Политика у канадских таможенников (как, вероятно, и у таможенников всего мира) простая: никакой информации. Ну, то есть вообще никакой: задержан ли человек или не задержан, находится ли он в зоне досмотра или нет, нашли у него что-то или отпустили с миром. Был человек — и нету больше никакого человека. Ирония ситуации заключалась в том, что все явки и пароли, телефоны и адреса в Ванкувере были только у меня, а у Михалыча не было ни одного телефона, ни одного адреса.

Тем временем я бегал по всему аэропорту в Торонто, давал объявления по радио, ругался с таможенниками, нашёл русскую

девушку Татьяну, которая работала в службе безопасности аэропорта, и через неё пытался что-то выяснить. В конце концов, я позвонил резиденту Кузину и доложил, что мол так и так, замели дружка нашего Шафранова — может героин кто подбросил, может политическая провокация, а может и шпионский скандал.

Резидент немного подумал и ничего не сказал конкретного. Тут и время разговора кончилось, оплата разговора была повременная. В аэропорту были такие телефонные таксофоны, в которые надо было кидать 25-центовые монеты. Ушлые канадские киоскёры наотрез отказывались менять деньги просто так и требовали что-то купить. Накупив сначала всякой дряни, я пришёл к выводу, что самый правильный в такой ситуации продукт для размена денег — это пиво.

Разменяв очередную порцию монет и попутно освежившись пивом, я опять позвонил резиденту Кузину и спросил, что делать. Ответ резидента был короток, но мудр: сидеть дальше в Торонто не имеет смысла, лети в Ванкуверск. За этим ответом скрывалась не только житейская мудрость резидента, но и большая проделанная работа. Дело в том, что в перерыве между двумя разговорами резидент позвонил своему муниципальному депутату, поднял его с постели и потребовал, чтобы тот связался с таможенной службой аэропорта в Торонто и выяснил, куда делся наш товарищ. Изумившись канадским реальностям (попробовал бы простой избиратель поднять российского депутата с кровати по такому вопросу), я с интересом поинтересовался, что удалось выяснить. Ничего — был ответ резидента. Депутату тоже не выдали никакой информации строгие таможенные сотрудники. В общем, резидент дал мне команду лететь в Ванкувер. Если Шафранова замели всерьёз, то ему уже не поможешь. Если нет, то он и сам разберётся.

Скрепя сердце, я пошёл менять билет. За стойкой сидела необъятных размеров негритянка с ярко покрашенными губами. Бюст её мощно раскинулся на большей половине стойки регистрации. Опасливо приблизившись, я на своём неуверенном английском изложил ситуацию. В душе я подозревал, что сейчас получу взбучку за пропуск рейса и меня заставят покупать новый билет за полную стоимость. Деньги у меня были, но их было мучительно жалко. Услышав мой русский акцент, негритянка неожиданно расплылась в улыбке и сообщила, что её сестра учится в институте им. Патриса Лумумбы в Москве. Ни один фестиваль дружбы народов не укрепил так связи между нациями, как прекрасный Лумумбарий. «Через пятнадцать минут рейс, ты успеешь?» — спросила дочь африканского этноса. «Не вопрос», — ответил я, получил новые билеты и побежал на посадку. Даже успел прихватить в дьюти-фри несколько бутылок пива.

Погрузившись в кресло самолёта, я открыл бутылку пива и стал мучительно переживать, что предательски бросил друга на произвол судьбы. Оставить товарища в лапах торонтовских таможенников — это было настоящее предательство. Самолёт набирал высоту.

А в это время Михалыч приземлился в Ванкувере, получил багаж, вышел на площадь перед аэропортом и стал думать, что ему делать дальше. Как говорилось ранее, никаких координат резидента Кузина он не знал. В гостинице не оказалось мест. Сотовый телефон не работал. Жизнь зашла в тупик.

Но не так просто загнать в угол Дениску Шафранова, простого дубнинского паренька, выбившегося в люди. Немного пораскинув мозгами, он быстро сообразил позвонить в Москву моей супруге, которая тоже была в деле и сразу выдала все явки и пароли. После этого он дозвонился до резидента Кузина, и тот забрал его из аэропорта.

Сев в самолёт, рядом с собой я обнаружил симпатичную девушку. Недолго думая, предложил ей пива, и она неожиданно согласилась. Разговорились. Девушку звали Дженни, она работала тренером по спортивным танцам в Париже и сейчас летела в гости к друзьям в Ванкувер. Аромат Парижа кружил голову. «А я вот друга в Торонто бросил», — расстроено сказал я. И стал прочувствованно рассказывать, какой классный у меня друг, как мы долго и тесно дружим и как я отвратительно поступил, оставив его одного в мрачной торонтовской таможне. Поговорив о друге минут пять и подробно рассказав, какой он замечательный, я вдруг заметил, что Дженни замолчала и не принимает участия в разговоре. Что-то сломалось, расстроилось в общении. «Что же случилось?», — лихорадочно думал я. И тут меня пронзила ужасная догадка: она думает, что я голубой!

Помолчали ещё немного, и тут, не придумав ничего лучше, я выпалил:

— Я не голубой!

Дженни в ужасе отодвинулась от меня и вцепилась в подлокотники кресла. «О, господи, кажется, нарвался на харрасмент», — подумал я. Самолёт шёл на посадку.

Быстро добравшись на такси до апартаментов резидента Кузина, я упал в объятия друзей. Так завершилась предварительная часть операции.

Утром следующего дня подъем был назначен на 7:30. Оставался час до момента выхода Старины Зотина из дома. Было необходимо, чтобы Шафранов успел туда добраться и занять позицию. В это же время я выдвигался в сторону офиса Старины, чтобы там провести вторую часть операции.

По тревоге был поднят резидент Кузин, который вызвал для друзей два такси, а сам отбыл на работу, дабы не вызвать подозрения у Зотина. Ырка, жена резидента, очень удивилась,

что все заговорщики и сам резидент смогли встать. Но мастерство не пропьёшь: операция началась по плану.

Прибыв на место, Шафранов занял позицию у выезда из дома Старины Зотина и принялся ждать. Он переоделся спортсменом и должен был пробежать перед машиной объекта, как будто он поутру просто бегаёт трусцой в своём районе.

Ранее утро было прохладным. Пустынность улиц подчёркивало отсутствие заборов на участках. Медицинская чистота асфальта создавала ощущение нереальности происходящего. Шафранов размялся, пробежал туда-сюда мимо дома Старины Зотина и немного замёрз. Он уже начал приседать и размахивать руками, когда неожиданно автоматические ворота стали быстро подниматься, оттуда выскочил чёрный джип, повернул налево и стал стремительно удаляться в противоположную от него сторону.

Вот тут-то Шафранов и понял, что их операцию постиг крах, все их усилия напрасны и план накрылся.

Но не таков был Михалыч, чтобы так просто сдаться. Собравшись с духом и призвав на помощь всё своё мужество, бросился он через заросли по направлению к главному шоссе, на которое в конце концов должен был выехать Старина Зотин на своём джипе.

Между улицей, на которой располагался дом Старины, и основной магистралью была лесополоса шириной метров около двадцати, густо поросшая ёлками, кустарниками, ежевикой и малиной. И вот Шафранов, расцарапывая ноги в кровь, обдирая локти и отмахиваясь от веток, ополоумевшим медведем понёсся через эту чащобу. Продираясь через заросли, он лихорадочно думал, как бы принять спокойный и независимый вид, когда он выскочит на тротуар. Ветки хлестали по лицу, колючие кусты царапали обнажённые ноги, руки с ловкостью обезьяны раздвигали густые джунгли. Он был похож на Тарзана, только белоснежная майка и короткие

шортики несколько искажали впечатление. Спустя несколько минут Михалыч выскочил на шоссе с другой стороны. Это был последний шанс спасти операцию, и он, влекомый законами дружбы и товарищества, с честью использовал его.

И вот вылетает он на главную магистраль и с ужасом видит, что джип подъезжает к перекрёстку со стороны зотинской улицы, но поворачивает не к нему, а опять в противоположную сторону. И резво уносится вдаль.

«Вот и всё, товарищи», — подумал Шафранов. Алес и полный капут. Усмешка судьбы и ирония смысла. Порой поражаешься жестокости и бесчеловечности жизни.

Делать нечего, грустный Михалыч побрёл по улице в сторону своих оставленных вещей. Тяжёлые думы одолевали его. Как рассказать о случившемся друзьям? Как объяснить свой провал? Может быть, есть какая-то возможность исправить положение?

И вдруг прямо на него выруливает огромный чёрный джип, останавливается, плавно опускается тонированное окно — и из него, указывая на Михалыча пальцем, обалдевший Старина Зотин кричит: «Шафранов!!!».

А надо сказать, что у Шафранова была чёткая инструкция: не заговаривать с объектом *ни при каких обстоятельствах*. Ну, то есть вообще, что бы ни случилось, не произносить ни одного слова. Эта установка чётко сидела в его сознании. Но в такой критической ситуации и ничего не ответить было нельзя — слишком неожиданно для него это случилось и слишком настойчиво Старина Зотин обращался непосредственно к нему. Поэтому от неожиданности Шафранов неуклюже показал на себя пальцем и издал такой неопределённый звук: «Э-э...». Зотин ещё раз громко и настойчиво сказал «Шафранов!!!», пытаясь докричаться до ошарашенного человека на тротуаре. Понимая, что дальше тянуть нельзя, Шафранов зачем-то отряхнулся и как ни в чём ни бывало побежал трусцой прочь.

Первый эпизод операции был реализован и в душе гремели праздничные литавры. Получилось!

А Старина Зотин, изрядно ошарашенный происшедшим, поехал дальше на работу.

// сообщение Старины Зотина в форуме //

Случай на дороге

Отвёз я сегодня детей в школу и еду на работу. Только вывернул от школы, смотрю, вдоль дороги идёт Шафранов. Ну, я потрянул головой и сказал себе «бред» (откуда Шафранову взяться в Sunshine Hills Delta?). И хотел было поехать дальше, но, посмотрев ещё раз, понял, что не могу обознаться — это точно Шафранов. Совершенно очевидный, ну то есть 120 процентов.

Я тут же потерял всякую деликатность, открыл окно, показал на него пальцем и заорал: «Шафранов!!!» Мужик, разумеется, меня не узнал (ну, откуда Шафранову взяться в Sunshine Hills?), но сделал это так похоже на Шафранова (показал на себя пальцем и сказал «э?», я такой жест у Шафранова тысячу раз видел), чем ещё больше убедил меня, что передо мной именно он. Я даже подумал, может я так сильно изменился? Я ещё более настойчиво показал на него пальцем и ещё раз громко произнёс: «Шафранов!» Мужика это почему-то не убедило, и он отказался признать очевидное. Тут и до меня дошло, что при всем сходстве поведение явно неадекватное. Я быстро пробормотал «Sorry, my mistake» и поехал дальше, мучаясь совестью за то, что бросаюсь на прохожих с воплями.

Но как похож... Это даже не сходство — это полный двойник... Близнец, просто...

В то время как Шафранов геройски спасал операцию от провала, я продвигался на такси в сторону офиса Старины. Разговорился с таксистом о жизни в Ванкуверске, о ценах,

о погоде. Таксист был простецким парнем и, как водится, обо всём имел суждение. Ничто не предвещало неприятностей: адрес офиса был обозначен и времени было достаточно.

Прибыли на место, я расплатился и вышел из такси. Оказалось, что офис Зотина расположен в одной из двух гигантских башен, торчащих из середины огромного торгового центра Метротаун. Сотни магазинов, магазинчиков и магазинищ были напиханы в хаотичном порядке внутри необъятного здания. И в этом муравейнике мне предстояло найти тот единственный лифт, который вёл на офисный этаж Старины. Я пустился в лихорадочные поиски. Добрые и отзывчивые канадцы охотно показывали дорогу в самые разные стороны. Проплутав около часа я, наконец, нашёл нужный лифт.

На самом деле по плану операции всё и должно было произойти в этом лифте. По плану Старины Зотин должен был, прибыв в Метротаун, зайти в лифт, обернуться к выходу и тут обнаружить меня, спокойно стоящего перед лифтом. Тут двери должны были закрыться и лифт уехать, увозя с собой недоумевающего Старину на его этаж.

Но я безнадёжно опоздал ко времени прибытия Зотина на работу. Поэтому мне пришлось подниматься на этаж, на котором был расположен офис Старины. Поднимаясь в лифте, я рассчитывал осмотреться по прибытии на этаж и придумать какой-нибудь план ненавязчивого дефилирования перед Стариной в рамках проведения операции.

Однако выйдя из лифта, я неожиданно оказался прямо перед стойкой, за которой сидела секретарша-китаянка, которая вопросительно посмотрела на меня и спросила, чем она может помочь. Пришлось лихорадочно соображать на ходу, и я спросил, можно ли видеть мистера Зотина.

Секретарша набрала внутренний номер и попутно спросила, как меня представить. В это время я мучительно соображал, что

делать. Не было сомнений, что сейчас появится Зотин, и надо было как-то ретироваться, иначе операцию ждал провал, ведь самая соль её была в неопределённости, в невозможности удостовериться в происходящем. Не мог же я спокойно вызывать лифт, когда Старина будет стоять рядом и наверняка задавать какие-то вопросы, которые у него появятся.

Пытаясь найти решение, я наклонился к секретарше и, чётко разделяя слова, спросил, есть ли у них тут запасной выход. Та несколько удивилась, даже отодвинулась вместе со стулом и переспросила: «Что-что, какой выход?» Времени оставалось совсем мало, я несколько угрожающе навис над стойкой и медленно, но очень членораздельно повторил свой вопрос. Секретарша, видимо, немного испугалась и указала на слабо заметную дверь около лифта. И правда, слева от лифта была неприметная дверь, ведущая, вероятно, на лестницу!

И тут появился Старина Зотин собственной персоной и, протянув руку, радушно сказал: «О, привет!». Времени на раздумья не было. Я развернулся и стремглав бросился через неприметную дверь на лестницу и по ней вниз, вниз, через многие этажи, потом по проходам, мимо магазинов и удивлённых людей, мимо уборщиц и полицейских, бегом, бегом, прочь. Наконец, я выскочил на улицу и затерялся в спасительном потоке людей, текущих по своим делам. Второй эпизод операции был выполнен.

//сообщения Старины Зотина в форуме //

Это уже белочка

Либо это хуже, чем белочка, либо послезавтра меня ожидает сюрприз (а послезавтра у меня, как известно, день рождения).

Потому что только что я, кажется, видел Гукера. Он удрал при моем появлении, но тут уже сомнений быть не может. Мне позвонила секретарша и сообщила, что ко мне пришёл

посетитель. Я вышел к вахте, но Гукер (там обнаруженный) исчез при моем появлении.

Так что, либо это действительно был Шафранов, либо меня скоро вылечат. Но тогда уж пусть и Венди (нашу секретаршу) лечат, ведь я думаю, она тоже Гукера видела.

Свиньи они, эти галлюцинации

Работать из-за них не могу. Пойду, прогуляюсь что ли по району. Может, свой класс из средней школы № 43 встречу в полном составе.

Странно, никого не встретил

Только какие-то иностранцы вокруг ходят и по-нерусски говорят... Очень странно... Интересно, а в мою страховку входит психотерапевт?

Остаток дня мы всячески разлагались. Съездили на пристань и купили свежих огромных рыжих креветок. В «Ликер Сторе» купили ящик «Будвайзера» и сели у резидента Кузина во дворе играть в шахматы. Вечером жарили мясо барбекю, легли поздно. Основная часть операции была завершена, но требовалось заключительная увертюра. Так сказать, финальный штрих картины мастера.

На следующий день мы вместе с резидентом Кузиным и его женой Ыркой приступили к разработке сценария последнего эпизода операции, а именно: как появиться у Старины Зотина на дне рождения.

Было рассмотрено несколько вариантов. Среди них был такой. Резидент Кузин незаметно проводит нас во внутренний двор Старины Зотина и там, как ни в чём ни бывало, они садятся играть в шахматы. В доме идёт веселье, Старина Зотин через некоторое время выходит на балкон освежиться. И видит мирно играющих у него во дворе Гукера и Шафранова. И вот тут

он должен испытать недоумение в третий раз. Мягко говоря, недоумение. Скорее, выпасть из реальности. Усомниться в реальности происходящего. Особенно, если остальные гости откажутся признавать, что тоже видят московских друзей. Резиденту придётся, конечно, провести пред этим с ними работу.

Но, в конце концов, мы остановились на другом варианте.

Наступил вечер, и канадское солнце медленно опускалось на верхушки пихт. Цикады безумствовали. В воздухе висела атмосфера раннего лета.

Заговорщики прибыли в Sunshine Hills Delta вечером около половины шестого. Метрах в ста от дома Старины мы с Михалычем залезли в багажник кузинской машины и затаились. Свернувшись двумя калачиками, мы лежали в тесноте, а в свете фонарика поблёскивала бутылка водки «Смирнофф» на подносике, три рюмочки и букетик гвоздичек. Резидент Кузин подъехал к зотинскому дому и они с Ыркой как ни в чём ни бывало пошли в дом. Радостно обняв юбиляра, Кузин с Ыркой поздравили его с днём рождения и отошли в сторону, погрузившись в беседу с кем-то из гостей.

Старина Зотин несколько опешил, но виду не подал. Действительно, в связи с недавними событиями он ожидал, что на дне рожденья у него появятся гости из Москвы, но прибыть они могли только с резидентом Кузиным. Однако резидент вот он, здесь, сидит довольный и пьёт пиво, а с ним никто не приехал, а это значит, что предыдущие события требовали какого-то объяснения. Проще всего было подойти к Кузину и задать прямой вопрос, но Старина решил не спешить. Кто его знает, как там дело повернётся, надо было все обдумать. На всякий случай он решил пока никому ничего не говорить и попробовать самому разобраться в сложившейся ситуации. Доложить окружающим о своём сумасшествии он всегда успеет.

Тут автор для сохранения связности повествования должен сделать одну ремарку. Дело в том, что за день до этого Старина Зотин позвонил резиденту и попросил привезти с собой на день рождения несколько табуреток. Гостей ожидалось много, и стульев на всех не хватало. Резидент Кузин, конечно, согласился помочь другу, ещё не подозревая, какую роль эти табуретки сыграют в осуществлении операции.

Прошло время, и веселье вошло в своё обычное русло. Кто-то степенно беседовал под большим деревом, кто-то рассматривал в доме книги, кто-то играл на гитаре. Гости всё прибывали, Старина Зотин был задумчив. Через некоторое время резидент Кузин подошёл в Старине и как бы между делом говорит: «Я там привёз табуретки, которые ты просил, забери их из багажника».

«Поможешь принести?» — спросил Старина. «Не могу, спина с утра болит, принеси сам», — ответил коварный резидент. Пришлось Старине Зотину самому идти за табуретками в машину.

Машина стояла в тени деревьев недалеко от ворот. Подойдя к машине, Старина снял её с сигнализации, вставил ключ, повернул его и тут...

Багажник открылся, и из него, как два чёртика из табакерки, выскочили мы с Михалычем с полными рюмками водки, гвоздичками в руках и радостно хором заорали: «Старина, с днём рождения!!! Третьим будешь?!».

Никогда ни до, ни после этого резидент Кузин не видел, чтобы взрослый упитанный человек не очень спортивного склада с места отскакивал на три метра назад...

БОРЬБА БОРЬБЫ С БОРЬБОЮ

Была корпоративная вечеринка. Далеко за полночь мы с Шафрановым всё-таки отбыли домой. Наутро звоню, чтобы справиться, как он добрался.

— Привет, Михалыч.

— Привет тебе.

— Ну, ты как?

— Нормально, только родственники понаехали. Заставляют в Измайлово ехать.

— Ну, борись, всеми имеющимися способами.

— Борюсь всеми *имеющими меня* способами.

ШОУ ТРУМЕНА

Старина Зотин вышел из ресторана, поставил на машину початую бутылку пива и достал сигареты, чтобы закурить. Но не успел. Машина оказалась милицейской. Менты обалдели от такой наглости.

Мы были на свадьбе Сергея Тузина в городе-герое Минске. Весть о том, что Зотина забрали, моментально разнеслась по всему ресторану. Вся компания вывалила из ресторана и первомайской колонной направилась в сторону отделения милиции, куда увезли Старину.

Прибыв на место, свадебная процессия расположилась вокруг входа в милицию и принялась горланить лозунги.

На крыльцо вышел усталый майор, оглядел всех собравшихся и задумчиво произнёс:

— Да, а Зотин-то из вас самый трезвый...

Через некоторое время Старину отпустили. Мы куда-то двинулись, весело распевая удалые песни. И тут я неожиданно потерялся. Количество волшебных веществ в моем организме превысило некоторую норму, и я обнаружил себя посреди чужого города, без копейки денег в кармане и без малейшего понятия, где живут мои друзья. К встрече с милицией я был

тоже не готов — паспорт у меня отсутствовал. Сотовых телефонов в советские времена не было.

Уныло побрёл я куда глаза глядят, устало покачиваясь на ветру. Положение было совершенно безнадёжное, к тому же становилось холодно. Я совершенно не знал, что делать, куда идти и где ночевать. Перспектива провести ночь на улице, пока все веселятся и гуляют, была унылая.

И тут произошло Чудо. Подъехала машина, открылась дверь, и заплетающийся язык Тузина произнёс:

— Гукер, ты чего бродишь тут? Садись, поехали!

Надо сказать, что именно в этот день утром, когда мы ждали свадебные машины, мы смотрели фильм «Шоу Трумена». Так вот, со мной произошло настоящее шоу Трумена — было полное ощущение, что всё подстроено заранее.

ЛОПАТА

На второй день свадьбы Тузина в Минске была запланирована поездка в деревню ремёсел под названием Дудутки недалеко от Минска. Для гостей сняли автобус. Весело, с песнями и плясками тронулись мы в путь. По дороге осмотрели старинную мельницу. На втором этаже остановились у бойницы. Выл ветер. Под куполом копошились то ли летучие мыши, то ли вчерашние грехи. Михалыч достал фляжку с коньяком, всегда висевшую у него под мышкой, как кобура у мента.

— Хлебом-то как пахнет! — восторженно закричал он и открутил пробочку.

— Тут лет сто как муку не мелят. Да и хлеб пекут в пекарнях, а не на мельнице, — осторожно проговорила девушка-экскурсовод.

— А хлебом всё равно пахнет! Душистым русским хлебом! — сказал Михалыч.

— Мы в Беларуси, — сказал Зотин, забирая у Михалыча фляжку и делая несколько больших глотков. К своему удивлению он тоже почувствовал отчётливый запах свежего хлеба.

До Дудуток ехали ещё минут сорок. В автобусе было тепло, все разомлели.

Прибыли. Первым экспонатом оказался старинный закопчённый самогонный аппарат, из которого что-то капало. Аккуратный белорус в косоворотке и телогрейке подкладывал в костёр под баком дрова. Рядом на столике, укрытом белоснежной скатертью с орнаментом, стояли чистые бутылочки с самогоном и закуска — бутерброды с белым хлебом, сливочным маслом и свежими огурцами.

— Первач? — деловито поинтересовался Михалыч у белоруса, — на ячмене?

— На бульбе, — испугался белорус и налил Михалычу в кружку из стеклянной бутылочки.

— Э-э, отец, ты нас не проведёшь, — хитро засмеялся Михалыч, выплеснул самогон и подставил кружку под краник из бака.

— Ну, за белорусский самогон, — прокричал он и залихватски выпил. Белорус крикнул. Экскурсовод отвернулась.

Страшная гримаса перекосила лицо Михалыча, он покачнулся, Зотин крепко взял его под руку.

— Хороший, — осипшим голосом сказал Михалыч и осел на руку Зотина. Он стал похож на тушёный баклажан.

— Красавец, — сказал Зотин и повёл друга вслед за экскурсией.

В гончарной мастерской Михалыч уснул на лавочке с горшками, и Зотин еле растолкал его, чтобы идти дальше. В кузне Михалыч спал стоя. Огромный бородатый кузнец

в засаленном фартуке разогрел горн, взял тонкий прут арматуры и спросил у присутствующих:

— Ну, ребята, кто угадает, что я сейчас сделаю?

Тут Михалыч неожиданно проснулся, посмотрел на кузнеца мутным взглядом и громко сказал:

— Лопату!

Экскурсия грохнула хохотом. Кузнец покраснел.

КАК ТУЗИН ЕСТ КРЕВЕТКИ

Новый 2007 год встречали мы в славном городе Минске, вернее в восьмидесяти километрах от Минска, в пансионате «Надежда», что на Вилейском водохранилище. К третьему января удалось нам выбраться, наконец, в сам Минск. Гостеприимный Тузин устроил нам шикарную экскурсию по Минску, после которой приземлились мы в ресторане «Печки-лавочки» — усталые и голодные. В числе прочего заказали мы пиво с креветками. Принесли, едим. Все уже давно расправились со своими порциями, а Тузин сидит, ковыряется и приговаривает: «Смотрите, как медленно я креветки ем, я просто чемпион по самому медленному поеданию креветок».

Тут и горячее принесли, а к нему лаваш. И вдруг моя непосредственная дочка Настя со свойственной юности прямокой заявляет: «А лаваш плесневый...»

Стали рассматривать лаваш — и действительно, присутствует небольшая плесень. Повисла нехорошая пауза. Минчанам было неудобно, что они нас привели в ресторан с плесневым лавашем, хотя и ежу понятно, что они в этом не виноваты. А нам было неудобно за минчан, что им неудобно. Короче, я готов был сам съесть этот лаваш, чтобы только выпутаться из этой макабрической ситуации.

И тут Тузин, чавкая своими все ещё не съеденными креветками, прошамкал:

— Смотрите, как я медленно креветки ем, даже лаваш заплесневел...

КАК МИХАЛЫЧА ПЕРВЫЙ РАЗ ЗАБРАЛИ В ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

Усталый, но довольный возвращался Шафранов поздним вечером из «Фазана» (был такой известный пивняк на Киевской в наши студенческие времена). Идти было тяжело, путь был неблизкий. Михалыч решил поймать машину и поднял руку.

Остановился жёлто-синий милицейский газик.

Немного смутившись, Михалыч всё же спросил:

— До Братеево довезёте?

— Конечно, садись! — сказали менты. И отвезли его напрямиком в вытрезвитель.

КЕШЬЮ

Шафранов давно мечтал увидеть, как растёт орех кешью. И вот как-то поехал он отдыхать на Мальдивские острова. Прилетели. Едут на микроавтобусе в гостиницу. А Михалыч уже успел разговориться с переводчиком и даже между делом сообщить о своей давней мечте по поводу кешью.

Где-то по пути микроавтобус вдруг останавливается, переводчик выпрыгивает и через непродолжительное время протягивает Михалычу продолговатый фрукт неправильной формы, сообщив, что это и есть тот самый кешью, который Михалыч хотел увидеть.

Ну, все попутчики рассматривают заморское чудо и втайне завидуют Михалычу. Фрукт состоял из двух частей: верхней большей части из мякоти, похожей на нашу грушу (тоже, кстати,

съедобной), и зелёной маленькой пипки внизу, в которой собственно и находился орех.

Ну, Михалыч повертел-повертел иностранский фрукт и начал орех доставать. А как достанешь — ни ножа, ни другого инструмента нет. Пришлось откусить зелёную пипку. Тут-то всё и началось! Внутри этого отростка оказался какая-то кислота, настолько горькая, что у Михалыча глаза на лоб полезли. Жжёт невероятно, а ни воды, ничего нет — едут-то по пустыне. Ни плюнуть, ни прополоскать. Короче, ужас...

В общем, сжёг себе Михалыч всю слизистую, несколько дней не чувствовал вкуса. Мучился страшно. Зато узнал, как кешью растёт.

А переводчик потом удивлялся — это только диким русским может прийти в голову кешью зубами доставать...

СОВЕТСКИЙ ЦИРК

Честно говоря, накануне в субботу нажрались мы с Шафрановым. Утром в воскресенье встали — колбасит не по-детски. Жены злые, дети капризничают. Короче, полный караул и фиаско по жизни. Стал я думать, как бы пивка тяпнуть, да так, чтобы в семье голову не откусили, жена оттаяла после вчерашнего, ну и детей порадовать — все-таки выходные, папа с мамой дома. И я придумал такой способ. Это наш советский цирк!

Позвонил — билеты есть. Позвал Михалыча с семьёй. И мы всем кагалом, с жёнами и детьми, отправились в это заведение. Билеты взяли без проблем, правда, остались самые дешёвые — под куполом цирка, но нам это и надо было. Взяли мы пива баночного, сели с Михалычем на последний ряд, а тут и представление началось. Музыка громкая, клоуны, звери там всякие. Лепота. Шумно, весело. После первой баночки-то нас попустило. Кричим во весь голос «Ур-ра! Браво!». И ещё разные

другие весёлые слова. Даже танцевали одно время, только с пивом неудобно — плескается сильно.

А в антракте пошли с обезьяной фотографироваться. Нам дрессировщик говорит: «С пивом — нельзя, она отберёт и сама выпьет, дюже пиво любит, да ещё и вас поцарапать может, если отдавать не будете». Но негоже рыцарям уклоняться от приключений, мы все равно настояли, чтобы нас с пивом и обезьяной сфотографировали.

Второе отделение вообще весело прошло. А как мужик на лошади с российским флагом поскакал вокруг манежа, так мы с Михалычем вскочили и заорали во весь голос: «Ур-ра товарищу Путину!».

Короче, оттянулись по полной. И похмельное угрюмое утро превратилось в замечательный волшебный праздник. Для всей семьи, между прочим. Так что я категорически рекомендую это мероприятие с похмелья — наш советский цирк.

ЗУБНАЯ ПАСТА

Раньше мы со Стариной Зотиным любили шалить. Бывалоча, хлебом не корми — дай пошалить где-нибудь. И вот однажды зовёт нас Танька Ведерникова на день рожденья по старой дружбе. Делать нечего — едем.

Ну, выпили, поболтали. Все разбрелись кто куда. А надо сказать, устройство квартиры у неё располагает к шуткам: из ванной окно прямо в кухню выходит. И вот мы со Стариной улучили момент и все умывальные принадлежности, одеколоны и прочее переложили из ванной в холодильник.

А у Татьяны в то время новый знакомый появился. И он первый раз с нами в одну компанию попал. Весь вечер смотрел на нас с широко открытыми глазами — люди мы необычные: поём, пляшем, анекдоты слагаем.

И вот встаёт утром этот новенький — и в холодильник — поесть чего-нибудь решил. Смотрит — тюбики красивые. Думает, видимо, творог или ещё что-то вкусное. И — на хлеб. Поел. Чем-то запил. Ну, а как пузыри-то пошли изо рта — тут он и понял, что дело неладно. Позавтракал зубной пастой!

Он потом долго у Ведерниковой спрашивал: «Таня, а зачем они зубную пасту в холодильник положили?»

МЕТРО

Самым удобным и дешёвым (что для студента было немаловажно) видом транспорта было, конечно, метро.

Частенько после студенческих вечеринок возвращался я усталый домой. Конечно, в этом не было ничего страшного, но было одно неудобство. Периодически я засыпал и проезжал свою станцию, попадая то на конечную, а то и вообще в депо. Всё бы ничего, но возвращался я обычно на одном из последних поездов, да ещё и последний автобус мог уйти, так что ночью мои промахи мимо станции приобретали трагический оборот — приходилось пешком идти от метро «Ботанический сад» до Отрадного, где я жил, а это километров пятнадцать. Ночью, зимой, в стужу и ветер.

И тогда я придумал способ, как точно выходить на своей станции. Я прислонялся к двери и спокойно засыпал стоя. Поезд останавливался на следующей станции, двери открывались, я вываливался, просыпался, оценивал совпадение станции с моей и, если критерии не совпадали, заходил обратно и опять спокойно засыпал, стоя у двери.

Так интеллект победил железо.

НЕВЕСТА, БАЙДАРКА И ШЕРСТЮК

Нашу с Викой свадьбу мы праздновали у мамы в деревне на берегу Оки. Во дворе поставили длинные деревянные столы. Заливисто играл патефон. Водка была в трёхлитровых банках.

В середине свадьбы друзья ненавязчиво обратили моё внимание на то, что вообще-то пропала невеста. Это событие не только не огорчило меня, но даже несколько порадовало. Не нужно было каждые пять минут развлекать гостей церемонией целования под громогласные крики «горько».

Но мои дружки были настойчивы. Я немного поискал невесту по саду, надеясь, что проблема как-нибудь сама-собой рассосётся. Однако мечты не сбылись. Наконец, надо мной сжалились и намекнули, что невесту лучше всего искать на берегу Оки.

Гомоня и перешучиваясь, весёлая процессия двинулась в сторону реки. На берегу все построились глупым полукругом и торжественно вручили мне собранную байдарку. В то время я был уже байдарочником со стажем, мы с будущей женой были заядлыми водниками, но своего судна у меня не было. Подарку я обрадовался, но осторожно поинтересовался, зачем они её собрали прямо здесь и сейчас, неужели просто, чтобы показать подарок во всей красе?

И тут мне показали на другую сторону реки, где в белоснежном платье и белых лаковых туфельках томилась моя невеста. Рядом с ней топтался доморощенный охранник — Лёшка Шерстюк.

Надо заметить, Ока в наших местах достаточно широкая, метров триста, если не больше. И с достаточно быстрым течением. Я был в черных лакированных ботинках, отглаженном костюме-тройке и белоснежной рубашке с галстуком.

Однако настоящему индейцу завсегда везде ништяк.

Я бодро сел в байдарку и стал выгребать под углом к течению с таким расчётом, чтобы оказаться около фигурок

на той стороне реки. Плыть одному в пустой байдарке через быструю реку не так-то просто. Пустое судно имеет высокую осадку и очень неустойчиво на воде. Однако других вариантов жизнь в этот раз мне не предложила.

Наконец я приплыл на тот берег и стал причаливать. Моя молодая невеста и мой хороший друг весело смеялись. С шутками и прибаутками они стали усаживаться в байдарку. Лёшка, как джентльмен, пропустил Вику вперёд и помог ей сесть.

И тут пошутить решил уже я. Удостоверившись, что Вика села, я вдруг стал резко отгребать от берега, желая оставить Шерстюка одного на этом берегу. Мы стали отплывать, и Шерстюк явственно увидел, что сейчас он останется совершенно один на пустынном берегу, вдали от веселья, алкогольных напитков и вкусной еды.

И тогда он прыгнул!

Оказалось, что пышное белоснежное платье со многими юбками неплохо держится на воде. Я увидел, как моя невеста, похожая на игрушечную бабку, которой укрывают чайник, медленно уплывает вниз по течению.

Лакированные ботинки и костюм-тройка — не самый лучший наряд для спасателя. Утопая по колено в иле, я бросился за моей невестой и, загребая короткими саженками, догнал её чуть ниже по течению.

Вылив воду из лодочек и ботиночек, отжав брюки со стрелками и очистив запонки на рукавах рубашки от тины, усталые, но довольные жених и невеста, а также их провожатый погрузились в лодку и отбыли на другой берег реки, где их ждала помиравшая от смеха публика.

АРБУЗ

Как-то на дне рождения Иры Данелии встали мы грустные и кюхельбекерные с утра. Похмельные утра вообще отличаются полётом мысли, расслабленностью, неожиданными поворотами и случайными фантазиями. Плюс — пониженный интеллектуальный уровень. Плюс — повышенная коммуникабельность и нервы навыпуск. Ну, короче, есть в них своеобразное очарование, что там скрывать. Хотя, конечно, это для тех, кто понимает...

Ну, так вот. Встали, выпили по первой, немного разгладили морщины и протёрли зенки. Сидим, болтаем помаленьку. Я тут Лёхе Длину и говорю:

— Как ты думаешь, сможешь арбуз рукой разбить?

— Могу, конечно, — отвечает Длин.

— Зря ты так уверен. Это же сфера, самая совершенная фигура в природе! Обладает повышенной прочностью благодаря экономичной форме. Думаю, слабо тебе...

А надо заметить, Длин — мужчина атлетического телосложения, под два метра ростом и с неслабой мускулатурой.

— Да точно смогу, — говорит Длин.

Однако в его голосе появляются нотки неуверенности.

— Да не сможешь, — говорю, — вот яйцо в кулаке невозможно же раздавить. Так и арбуз не разобьёшь. Это же сфера! Даже руку сломать можешь. Если сильно вдаришь, конечно.

Тут Длин ещё больше засомневался, но отступить уже вроде как неудобно. И девушки опять же смотрят.

— Давай, — кричит, — арбуз!

Короче, Леха Длин берет арбуз, ставит его на пень, размахивается и ка-как трахнет по нему со всей дури кулаком!

Ну, арбуз, понятное, дело разлетелся на тысячи маленьких метеоритов, сам Длин весь в брызгах арбуза, в кровавой каше зрители. Все хохочут. Только тут Лёха понял, что его развели. Но не обиделся. Смеялся.

А чего обижаться-то?

В АРМИИ

Как уже говорилось, Лёша Длин обладал атлетическим телосложением, что иногда порождало неожиданные ситуации. Он, как и я, попал на тот единственный курс физического факультета МГУ, который призвали служить в Советскую армию. Прибыл на место службы. На первом построении командир спрашивает:

- Ну, ты откуда?
- Из Москвы.
- А где учился?
- В Московском университете.
- На каком факультете?
- На физическом.
- Ну, это-то я и так вижу...

ПЫЛЬ В КОРОБКЕ ПЕРЕДАЧ

Поехал как-то Лёха Длин машину ремонтировать. Ну, мастера посмотрели и говорят: «У вас пыль в коробке». А Лёха к тому времени уже тёртый автомобилист был, знал все эти сервисные штучки по разводу клиентов на деньги. Тем не менее, пыль в коробке, это знаете ли вам не шутки! Бог его знает, к чему это может привести. И вот от всей этой проблемы, свалившейся ему на голову, Лёха пришёл в крайнее волнение и решил позвонить своему старинному другу, а по совместительству автомеханику, Иванычу. Набрал номер и крайне взволнованным голосом говорит:

— Иваныч, привет, представляешь — у меня пыль в коробке! Чего делать-то Иваныч???

А Иваныч отвечает ему каким-то особенно спокойным голосом:

— Ничего страшного, это не критично...

— Как же не критично, ведь пыль же, надо что-то делать? Что мне делать, Иваныч?

— Ничего не делать, — говорит Иваныч совершенно без эмоций, — я потом посмотрю...

Тут Лёха понимает, что тон Иваныча какой-то не совсем адекватный ситуации и решает поинтересоваться:

— Ты там Иваныч вообще можешь разговаривать-то? А то я насел на тебя с этой коробкой. Ты где вообще?

— Я в венерологическом диспансере, прохожу обследование, — говорит Иваныч замогильным голосом.

И тут Лёха вдруг отчётливо понимает, что пыль в коробке передач — это не такая уж и страшная проблема, если разобраться...

ВИТЯ И ПЕТЯ

Однажды мы о чем-то беседовали с Витей Пенкиным, и я спросил у него:

— А ты читал...

— Не читал, — оборвал меня Витя, — я книг вообще не читаю.

История, как известно, повторяется дважды: сначала в виде трагедии, потом в виде фарса.

Зашёл как-то разговор у нас с Петей Ревокатовым о спиртном.

— А ты пробовал...

— Пробовал, — оборвал меня Ревокатов.

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ

Ревокатовы решили вести домашний учёт. Среди статей расходов запомнились «Пиво светлое» и «Пиво тёмное».

Как-то Петя с похмелья купил жвачку.

— Записывай в статью «Пиво», — говорит Катя, — ты же с похмелья её жевал.

— Нет, — сказал Петя и записал в статью «Еда Пети».

СПАСИТЕЛЬ

Однажды Володя Меликов ехал с работы, как всегда около трёх часов ночи. Вдруг видит: бредёт по дороге Петя сильно навеселе. Володя, понятное дело, останавливается. Петя бросается к нему, сильно обрадованный:

— Вовка, привет! Как хорошо! Ты меня до дому довезёшь, а то я забыл, где я живу.

КЛАССИКА

— Катя, дай мне сигарету.

— Петя, а ты уверен, что хочешь курить?

— Катя, ты дура!

— Я не дура, Петя. Я — твоя жена!

ИВАНЫЧ

Что уж там, все мы любим выпить в той или иной степени. Но есть экземпляры, которые делают это не уныло, по-дежурному, а с огоньком, с выдумкой, искромётно.

Таков Иваныч — друг Лёхи Длина. Иваныч невысокого роста, коренастый, матёрый. С ним хочется немедленно уйти в разведку. Немногословен, но афористичен. Все делает

основательно, в том числе и глупости. Чудачит. Работает автомехаником.

Ехали мы как-то большой компанией на Селигер кататься на сёрфинге. Остановились поменять проколовшееся колесо. Менял хозяин, все остальные ждали. Иваныч завёл беседу про предстоящую пьянку.

— Я, — говорит Иваныч, — мазаться не люблю. Рюмки там всякие, стопки...

— А как же ты любишь? Стакан сразу засосать? — улыбнулся Лёха.

Лёха Иваныча знает давно и предчувствует необычное продолжение.

Иваныч молчит. Смотрит вдаль. Долго смотрит. Наконец, когда все уже говорят про другое, Иваныч произносит:

— Я люблю так: вмазал в самом начале стакан водки — и целый вечер бодрый, весёлый...

— И что, потом вообще не пить? — интересуется Лёха.

— Вообще, — твёрдо говорит Иваныч, — но ближе к вечеру разве что ещё стакан принять. И все.

— Ну, ты, Иваныч, красавец, — восхищённо говорит Лёха, — но ты всё-таки береги себя...

Приезжаем. Находим место. Раскладываем быструю закуску. Наливаем по-первой, после дороги, с приездом. Радостное ощущение предстоящего праздника. Иваныч и вправду наливает полный стакан водки и выпивает залпом. Девушки опасливо жмутся к соснам.

Следующий кадр таков. Я обнаруживаю Иваныча на берегу озера. Иваныч стоит, покачиваясь над самым обрывом, и смотрит в бинокль, держа его обеими руками. Напряжённо смотрит. В одном направлении. Вдаль.

— Иваныч, что там?

— Пространство...

Последний кадр такой. Все сидят у костра, поют песни, жарится шашлык. Иваныч спит на коврике калачиком. Ноги Иваныча заботливо укрыты чехлом от палатки.

Утром Лёха спрашивает:

— Иваныч, ну что, как всегда — стакан?

— Нет, — задумчиво говорит Иваныч, — где-то я не вписался. Что вообще-то не меняет целесообразности концепции...

ИГРА

Продавщица принесла мне селёдку, хлеб, бутылку водки.

— И пакетик дайте пожалуйста.

— Не давайте ему пакет, — вдруг послышался сзади чей-то нарочито грубый голос.

Я обернулся. Макс Старостенко собственной персоной стоял за мной в очереди и широко улыбался. Оба-на, подумал я, ну ничего себе встреча.

— Макс, привет, а ты что тут делаешь?

— Да дача у меня тут недалеко, платформа «118-й км».

Мы пожали друг другу руки и обнялись. Я был смущён и растерян. Не знал, как себя вести. Мы не общались лет шесть.

— Да ты что! Класс! А у меня дача вообще в двух шагах. В Велегоже, знаешь? Поехали ко мне в гости, — сказал я.

— Да я не один, — сказал Макс, — мы тут с другом едем камин класть ко мне на дачу.

— Ну, и друга бери с собой. Заедешь, посмотришь хоть, как я живу.

— Ну, поехали. Только ненадолго.

Мы сели по машинам и тронулись. События шестилетней давности встали у меня перед глазами.

Вадика Бунькова я знал много лет. Познакомились мы на какой-то продуктовой выставке, то ли в Красноярске, то ли в Новосибирске. И он, и я тогда работали в компаниях,

занимающихся оптовой торговлей кофе. В чужом городе после работы делать особо нечего, вот мы и гуляли вечерами, чтобы утром на выставке предстать невыспавшимися экспонатами перед нашими клиентами. Потом через некоторое время Вадик уволился из своей компании, и я взял его менеджером по продажам. Мы дружили семьями, вместе отмечали праздники и дни рождения, ходили в лес на пикники. Потом наша фирма закрылась. Я ушёл работать в банк, а Вадик исчез на продолжительное время из моего круга общения, растворился в суматохе большого города.

И вот после многих лет отсутствия как-то он позвонил мне. Поздоровались, поохали, произнесли дежурные «как дела», договорились о встрече. На следующей неделе он приехал в гости, и мы душевно попили пива с креветками. Сидели, вспоминали былые дни, знакомых. Вадик упомянул, что сейчас без работы. Мне нужны были в то время продажники, а Вадика я знал по прошлой работе как неплохого менеджера. Естественно, я пригласил его работать в нашу компанию. Но была одна заковыка. Дело в том, что мои учредители в то время не приветствовали приглашение друзей и знакомых, считали, что это способствует круговой поруке и организованному противодействию непопулярным мерам руководства. Это потом-потом они объявили всех своих родственников «генетически умными» и напринимали их на работу, а тогда это не приветствовалось.

Однако Вадика я знал много лет, он был фактически моим другом, и я решил лично поручиться за него, чего никогда ранее не делал. Все-таки я был вторым лицом в холдинге, и моя рекомендация много значила. Вадика взяли на работу, и он начал трудиться в отделе продаж. Особо, правда, не блистал, но и не был самым худшим. Так, крепким середнячком по показателям продаж. И вот через три месяца произошло

событие, которое перевернуло все мои представления о людях и отношениях между ними.

А случилось вот что. Как-то пришёл я на работу раньше обычного. Или пробок на дороге не оказалось, или время перепутал — не помню уже. Ну, сижу, разбираю бумаги в своём кабинете, как вдруг — звонок. Один из учредителей звонит и голосом, не предвещающим ничего хорошего, просит зайти к нему. Странно, думаю. Учредитель, в такое время на работе, сам просит зайти. Начинаю перебирать последние дни и не нахожу никаких возможных поводов. Делать нечего, иду к нему. В кабинете он не один, с ним второй учредитель. Третий присутствующий — руководитель службы безопасности. Ни фига себе, думаю, расклады.

— Илья, ты говорил, что давно знаешь Бунькова?

— Да, достаточно давно.

— И ты близко его знаешь?

— Да, достаточно близко.

— И ты поручился за него?

— Да, я много лет с ним работал, он неплохой менеджер.

А что случилось?

— Да уж, неплохой, — презрительно улыбнулся один из учредителей, — твой неплохой менеджер ворует у нашей фирмы деньги.

— То есть как?!!

— А вот так, системно, — учредитель подозрительно смотрел мне прямо в глаза. Я понял, что речь не только о моем поручительстве, а и о том, что я могу тоже участвовать в этом. Кровь бросилась мне в голову. Я почувствовал, что мучительно краснею. Я хотел что-то сказать, но язык отказался подчиниться. Наконец, я выдавил из себя:

— Я клянусь, я ничего не знаю об этом.

— Ты же говорил, что вы близко общаетесь?

— Да, близко. Но если бы я узнал об этом, Буньков на следующий день у нас бы не работал.

— Похоже, Илья Геннадьевич ничего не знал об этом, — проговорил руководитель службы безопасности, — нет никакой переписки с ним, да и по телефону — никакой информации не передавалось.

— А как он воровал-то? — спросил я.

— Схема была простая, — с гордостью за свою работу по обезвреживанию преступника сказал руководитель службы безопасности, — Буньков переводил неостребованные долги фирмам на свою компанию в 1С и потом отгружал на эту компанию товар, закрывая эти долги.

— В общем так, Буньков вчера уже написал письменное признание, но деньги пока не вернул. На звонки и смс не отвечает. Дома не появляется. Ты заставишь его вернуть деньги. Срок — неделя. Если не будет денег, возбуждаем уголовное дело. Это все.

Я вышел из кабинета в полном шоке. Вадик, как он мог? Всё это время мы общались, вместе пили пиво, ходили в лес... Помимо того что это просто аморально, так он не мог не понимать, что подставляет меня по полной. Подло, мерзко, отвратительно. Разъедающее душу чувство гадливости захлестнуло всего меня.

Тем не менее, надо было выполнять распоряжение учредителей, ибо в противном случае стояла под вопросом моя дальнейшая работа в компании. Впрочем, она и так стояла под вопросом. Я набрал телефон Вадика. Никто не брал трубку. Раз, другой, третий. Так, что же делать... Надо было как-то достать этого подонка, но как?!

И тут я вспомнил о Максе Старостенко, с которым Вадик дружил, когда мы все работали в компании по продаже кофе. Макс ответил сразу. Я рассказал ему всю историю про Бунькова. Потом попросил связаться с ним и убедить его мне позвонить,

иначе он, дурак, натурально сядет в тюрьму. Макс сразу проникся и обещал срочно всё сделать. Как только я повесил трубку, в кабинет заглянул руководитель службы безопасности.

— Геннадич, я тебе ещё одну информацию хотел передать. Может, это тебе поможет. Фамилия директора фирмы, на которую переводился товар, — Старостенко.

— Ясно, — сказал я, — а имя этого директора случайно не Максим?

— Максим, — руководитель службы безопасности удивлённо поднял брови, — а ты откуда знаешь?

— По старым связям выяснил. Ладно, буду разбираться. Если что узнаешь — проинформируй.

— Договорились.

Я ещё несколько раз набрал Бунькова, но он не отвечал. Больше никаких идей в голову мне не пришло, и я решил заняться работой. Работа, однако, не шла. Все валилось из рук. Наконец, ближе к полудню раздался звонок. Это был Буньков.

— Привет, — сказал он сдавленным голосом.

— Привет, надо встретиться, — разговаривать с ним мне было противно, и я перешёл сразу к делу.

— Давай...

— Вечером, около твоего дома, в 6 часов я буду ждать тебя в машине.

— Хорошо.

Я повесил трубку. Во рту был какой-то кислый привкус, как будто я облизывал медную ручку двери. На душе было погано. Ровно в шесть вечера Вадик сел в мою машину и протянул руку, которую я проигнорировал.

— Рассказывай. Если честно всё расскажешь, как на духу, я постараюсь тебе помочь.

— Илюх, я не хотел...

— Мне всё равно, хотел ты или не хотел. Была б моя воля, я бы вообще с тобой больше не встречался. К сожалению,

ситуация сложилась иначе. Давай не будем терять время, — я поморщился, — меня интересуют только факты.

— Я уже всё написал в объяснительной.

— Ты хочешь сесть в тюрьму?

— Нет.

— Тогда рассказывай. В противном случае — я пошёл.

— Все началось ещё три года назад.

— Короче. Ближе к нашим дням.

— В общем, я коротко... Иначе будет не понятно... Короче, я тогда зарабатывал тем, что играл на бирже. Проиграл довольно крупную сумму. Продал квартиру, чтобы рассчитаться. Были деньги. Как-то зашёл в казино, чтобы попытать счастья. И затянуло.

— Ты что, играешь?

— Илюх, это как болезнь. Ничего не могу с собой поделывать. И с твоей фирмой... Я не знаю, как это получилось...

— Ты мне знаешь это, дурочку-то не валяй!

— Да я не валяю, честно. Из дома всю мебель продал, ребёнок сидит на одних пельменях, да и те — жена покупает на свою зарплату, которую от меня удаётся спрятать.

— Это, конечно, всё печально, Вадик, но ситуация такова, что если ты не вернёшь деньги или товар, то у тебя есть все шансы избавиться от своей пагубной привычки лет на пять. Сроку у тебя — до конца недели. Думай.

Я завёл двигатель. Мне было жаль Вадика, но злость на его слабоволие, на его алчность и глупость были сильнее жалости. Кроме того, я всегда считал, что мужик должен отвечать за свои поступки. Вадик вышел из машины. Больше я с ним никогда не встречался и с ним не разговаривал.

Прошло несколько дней. Вадик больше на связь не выходил и на звонки не отвечал. Меня опять вызвали к руководству. Оказалось, что возбудить уголовное дело невозможно. Поскольку, товар Вадик отгружал с чёрной компании,

документы от которой нельзя было представить в милицию. Я ещё несколько раз пытался до него дозвониться и даже ездил к нему домой, но всё было тщетно. Постепенно история забылась.

Мы с Максом приехали ко мне на дачу. Пожарили шашлыки, выпили водки.

— Илюх, я давно хотел объясниться...

— Я знаю. Какова же была твоя роль в той истории?

— Вадик попросил прогнать через одну из моих фирм товар, ну я и оформил документы. А о сути дела узнал только от тебя.

— Чего ж не сказал мне сразу?

— Ну, я хотел сначала с ним переговорить, узнать от него, в чём дело.

— Узнал?

— Да нет. Он перестал на связь выходить. А потом уже и тебе звонить было неудобно.

— Ладно, проехали...

Мы пожали друг другу руки и выпили ещё по рюмке водки.

БОССЫ

Мы были по делам в Китае с Лёхой Лепским, и у нас совершенно кончились деньги. Мы поехали их снимать в банкомат, но банкомат категорически отказался выдать нам хоть какую-то сумму. После того, как нам не удалось снять денег, мы приехали в офис к господину Цзян Цзонгу, нашему очень богатому китайскому партнёру.

Нас милосердно накормили пельменями. Как и все сотрудники после еды, мы с Лёхой отнесли посуду на кухню.

— Может, помоем посуду? — тихо говорю Лёхе. — А то как-то неудобно.

Лёха подумал и сказал:

— По-моему, это нельзя делать. Мы же боссы. Мы можем только денег просить.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

В столице фейерверков Люянге расположено около полутора тысяч фабрик по производству фейерверков. Около восьмидесяти процентов мирового производства всех фейерверков производится именно здесь. Население около миллиона человек, деревня по китайским меркам.

И вот наш партнёр дал нам гида, который назвался именем Марк. Подозреваю, что его китайское имя звучало несколько иначе, но Марк — так Марк. Гид думал, что он умеет говорить на английском и уверенно нам что-то рассказывал. Я с трудом разбираю отдельные слова, но общий смысл не улавливал. Мы ехали по извилистой горной дороге на одну из фабрик, и я, устав разбирать его речь, увлёкся видами из окна. Через некоторое время я обнаружил, что Лёха о чём-то увлечённо беседует с гидом, они прекрасно друг друга понимают и даже чему-то смеются. Прислушавшись, я понял, что ничего не понимаю из их беседы. Самое смешное, что Лёха тоже не очень сильно говорит по-английски. Тем не менее, они отлично общались на своём особенном английском языке, который мне был практически не понятен.

КАК ЯСЬКИ РАЗВЕЛИСЬ

Наша подружка Таня Майорова вышла замуж за Андрея Ясько. Как это часто бывает, все их звали одним именем — Яськи. Однажды Саша Люлька шёл с приятелем по ГЗ. Попросил подождать, пока зайдёт к своим знакомым. Зашёл. Там ему сообщили новость, что Яськи развелись. Выходит, весь такой

грустный. Приятель интересуется, что случилось. Саша сообщает, что вот, мол, Яськи развелись. Пауза. Приятель:

— Ну, может какие-то химические средства помогут, dust, например...

Он подумал, что яськи — это какие-то насекомые и их там, в комнате, развелось много...

ПРОИСШЕСТВИЕ

Андрюха Никитин остановил машину на Садовом, напротив ларька, и вышел купить сигарет. Было раннее субботнее утро. Несмелое солнце окрашивало дома в розовые оттенки. Редкие прохожие спешили по своим делам. Андрюха купил свой любимый Camel, открыл пачку, вытащил сигарету. Солнышко припекало. Воробьи дрались около урны за хлебные крошки. Андрюха выкинул плёнку от сигаретной пачки и направился к машине. Машины не было.

«О, господи!» — подумал Андрюха. Кровь запульсировала в голове. Стало душно. Он принялся судорожно оглядываться вправо и влево. Машины не было нигде. Украли? Эвакуировали? Так быстро? Как это возможно? Отошёл-то вроде только на пару минут...

И тут он увидел свой автомобиль. Его бравое транспортное средство медленно пересекало Садовое кольцо поперёк и уже преодолело середину пути, переезжая через две сплошные линии. Впереди у него было ещё шесть полос до противоположной стороны Садового. Редкие машины осторожно объезжали странно двигавшийся транспорт без водителя.

Первым рефлекторным желанием было броситься на помощь своему автомобильчику, вскочить на ходу, остановить любой ценой. Но тут Андрюха увидел, что на той

стороне у бордюра стоит такси и его бравый автомобиль направляется прямо ему в бок.

Из окна таксомотора выглядывало недоумённое усатое лицо в кепке с глазами-блюдцами. Это лицо не могло понять, что это за корабль-призрак надвигается на него с совершенно неожиданной стороны, угрожая въехать ему прямо в бочину. Андрюха остановился. «Торопиться не надо», — подумал он. На лбу у него выступил холодный пот. Догоревшая сигарета обожгла пальцы. Его автомобиль медленно проехал оставшееся расстояние, чудом объехал замершего в ужасе таксиста и тяжело ткнулся в бордюр около него.

Таксист открыл дверь и вышел из машины. На лице его отразилась богатая гамма чувств. Не каждый день к вам через всё Садовое приезжает машина без водителя. Андрюха побежал к переходу.

Подходя к машине, он замедлил шаг.

— Добрый день, — виновато улыбнулся он, — никто не пострадал?

— Твоя машина? — исподлобья спросил таксист.

— Моя, — радостно приговорил Андрюха.

— Идиот, — сказал таксист и зашагал к своей машине.

— Ага, — засмеялся Андрюха и сел за руль.

У него было чувство как у лыжника, мимо которого только что сошла лавина.

РОБОТЫ

Веселье в лесу было в разгаре, когда я встретил Александра Чилингира. Как полководец, который осматривает поле битвы, не замечая свистящих ядер, Чилингир неспешно прохаживался среди молодёжи. Шёл второй день фестиваля «Коллекции приключений».

— А знаешь ли ты, дорогой Гукер, что кругом одни роботы?

— Роботы? — удивился я. — Ну... знаю. А где?

— Везде, друг мой, везде. Все вокруг нас — роботы!

Чилингир был легендой. Он был из когорты физтехов-стэмовцев, породивших в своё время целую волну физтеховского искусства.

— Конечно, Чел, вокруг нас роботы, — сказал я и отхлебнул из горлышка водки.

— А знаешь ли ты, как отличить робота от человека? — Чел тоже отхлебнул водки, сморщился и заел зелёным листочком с дерева.

— Ну-у-у, роботы металлические, а люди — живые, ежу понятно.

— Неправильно, — уверенно сказал Чел, — неправильно! Слушай, я тебя сейчас научу... Роботы, — он понизил голос и с опаской огляделся вокруг, — роботы не пьют водку!!!

— Ах, вот в чём дело, — включился я, — понятно...

— Роботы не пьют водку, — повторил Чел трагическим шёпотом, — и наш долг перед человечеством — найти себе подобных... *человеков*. Вперёд!

Мы двинулись среди костров. Везде пели и пили. Праздник был в разгаре.

— Пойдём, — сказал Чел, — тут одни знакомые, они уже наверняка роботы, пойдём на другой берег.

Речка была неширокая, метра три-четыре. Через неё лежало бревно. Чел смело вступил на него, неловко балансируя, прошёл два шага, покачнулся и грузно плюхнулся в воду. Но и там не потерял своей значительности.

— Проклятые роботы, — спокойно сказал он, стоя по колено в воде, — бревно чем-то скользким намазали.

— Наверное, машинным маслом, — прокричал я и тоже двинулся по бревну.

Удача мне сопутствовала больше: я плюхнулся в воду у самого берега. Выбравшись на берег и выжав носки, мы

хлебнули волшебной жидкости из бутылки. Занималась заря.

— У каждого есть свои обязанности, — сказал Чел, — они же и его недостатки.

Мы двинулись дальше через лес. Навстречу нам попался абсолютно пьяный и уставший от своего пьянства студент. Его штормило. Он с разбегу воткнулся в круглое брюхо Чилингира и утонул в нём, как в подушке. Чел обхватил его за плечи и поставил перед собой. Студент вихлял, казалось, все кости у него на хорошо смазанных шарнирах.

— Скажи мне, дорогой друг, ты человек или робот?

— Человек, — булькнул студент и попытался вырваться. Но вырваться от Чилингира было невозможно.

— А раз ты человек, то должен уметь пить водку!

Чел протянул бутылку водки. Глаза студента загорелись, и он потянулся к бутылке. Отхлебнув, он упал.

— Человек, но фиговый, — изрёк Чел.

Переступив через тело, он величественным жестом протянул руку мне.

— Идём, дорогой товарищ, поищем другие одиночества. Роботы среди нас! А мы — среди них!

Мы зашагали по лесу и скоро вышли на поляну, заполненную кострами. Отовсюду неслись песни под гитару. На сцене, сколоченной из брёвен, группа «Манго-Манго» исполняла песню «Я — луноход один, до свидания Земля».

— Вот видишь, — Чел грустным взглядом обвёл поляну, — человечество умирает. Роботы захватили власть и скоро нам конец. Выпьём напоследок?

— Конечно, — ответил я. А что ещё я мог ответить?

Мы выпили. Кругом горлопанили пьяные студенты-роботы. Мир катился в тартарары. Незаметно наступило утро. Я очнулся в своей палатке. Ноги болели. Видимо, вчера мы прошли немалое расстояние, спасая человечество.

Чела нигде не было. Зато кругом были роботы. Роботы ругались на меня, называли алкашом, говорили, что сегодня день рожденья тёщи, что надо ехать и надо всё делать. И конца этому было не видно...

Но всё это было не страшно. Конечно, мир был не совершенен, зато я знал врага в лицо. Предупреждён, значит — вооружён. Спасибо тебе, Чилингир, дружище!

СИЛА САМОУНИЖЕНИЯ

Как-то была очередная встреча в лесу. Приехал Андрюха Серёгин. Один локон волос у него был мелирован — то есть покрашен под седину. Андрюха привлекал моё внимание своим видом. Я долго ходил вокруг, потом подошёл и спрашиваю:

— Серёгин, зачем ты волосы покрасил?

— Да так просто, — не ожидая ничего плохого, ответил Серёгин.

Я отошёл и опять походил вокруг. Потом опять подхожу:

— Ну, а всё-таки, зачем это тебе, а?

— Гукер, отвали, — резонно сказал Серёгин, начиная раздражаться.

Я отошёл и опять походил немного. Через некоторое время подошёл в третий раз.

— Серёгин, хочешь, я перед тобой на колени встану?

— Зачем?!!

— Чтобы сравняться с тобою в ничтожестве!

Иногда я бываю очень трогательным...

СПРАВОЧНИК ГАИ

Воскресенье на дне рожденья Гукера. После весёлых пятницы и субботы. Те, кому ехать за рулём, тихо скучают.

Наконец, Черенков не выдерживает и произносит: «Надо, все-таки надо выпить сухого красного вина типа „Алиготе“, рекомендованного во всех справочниках ГАИ для тех, кому с похмелья садиться за руль». И немедленно выпивает.

ЧАЙНИК С БУДИЛЬНИКОМ

Вечерело. Мы то останавливались, то снова начинали грести. Не знали, где оставшиеся две лодки с нашими друзьями. Степа курил. На рукав его шинели упал кусочек пепла от сигареты, и Степа медленно смахнул его в воду.

Потом уже не гребли, куда уж там. Мы и так оторвались от наших. Река медленно влекла нас мимо заросших берегов. Каждый из нас был тих и старался уловить плеск весел или разговор позади. Но было очень тихо. Деревни кончились. Мы то вплывали в какой-то дремучий лес, то выплывали на луговую равнину, изрезанную нашей рекой.

— Кажется, мы оторвались, — сказал я.

— Да и хрен с ним, — сказал Степа.

Было видно, что он устал переживать, пережил уже эту нашу ситуацию и внутренне смирился. Степа первый раз шёл на байдарках. Но я же был капитан, я должен был держать ситуацию.

У нас были продукты всей группы. Это сильно осложняло дело. Наши друзья остались без еды. Но не могли же мы идти обратно вверх по реке. Это было невысказано.

Смеркалось и готические фигуры ёлок стали отбрасывать на воду причудливые тени.

Неожиданно чуть впереди я заметил какую-то фигуру.

— Смотри, кто-то стоит, — сказал негромко я.

— Где?

— Да вон, там.

Мы стали вглядываться в сумерки. На берегу, прямо у воды вполоборота к нам стояла тёмная фигура в длинном плаще и капюшоне. В ней было что-то зловещее. Стало как-то неуютно.

— Давай спросим у него.

— Спросим чего?

— Ну, чего-нибудь спросим. Нельзя же так просто проплыть мимо.

— Эй, товарищ, у вас спичек не найдётся? — закричал Стёпа.

Незнакомец даже не пошевелился. Он был совершенно по-неживому неподвижен. Вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Было что-то мистическое во всём этом: безмолвный лес, тишина, серые сумерки, молчащий незнакомец. В лесу хрустнула ветка. Или скрипнуло дерево, кто там его разберёт...

— Да это ж коряга! — весело закричал Стёпа и плюнул далеко в сторону незнакомца. У меня отлегло от сердца, стал очевиден весь комизм ситуации. Мы слегка воодушевились, хотя было не с чего.

— Надо вставать, — сказал я, — иначе совсем стемнеет.

— Согласен, — уронил Стёпа, и его окурок описал красивую дугу, плюхнувшись в воду.

Как назло берега были безлесными. Наконец, мы зачалились, вытащили байдарку, сели покурить. Стёпа был в шинели и кирзовых сапогах. На груди светилась тельняшка. Я был в дождевом плаще и зелёных резиновых сапогах. На моей груди на ленточке болтался красный будильник.

Перед нами было поле, за ним лес. Ставить палатки на поле было совершенным безумием. Далеко ходить за дровами, да и чувствуешь себя неуютно. Лес, он свой, родной. Он скрывает недостатки и прячет от лихих людей.

— Повесим нашу майку у реки — они и заметят нас, — сказал Стёпа.

— Ок, — сказал я. Мне было жаль, что эта мысль пришла не мне в голову.

Мы повесили красную майку и двинулись через поле. Нашли место среди разлапистых ёлок. В несколько заходов отнесли байдарку и перетащили вещи. На реке осталась болтаться портовым флагом одинокая майка.

Солнце село, и в лесу стало темно. Мы были какие-то нервные, на взводе. Правильно ли мы поступаем? Где там в ночи наши друзья? Что они будут есть? Лягут спать голодными или всё-таки догребут до нас? И заметят ли майку в темноте?

— Надо было поставиться у кромки леса, чтобы они нас заметили, — сказал Степа.

— Нафига? Если уж они высадятся, то найдут нас по-любому.

— Найдут — не найдут, — Стёпа сорвался на крик, — самый умный, да?

— Да, умный, — руки у меня тряслись, — да, да, да! Да!

Мы стояли друг напротив друга, сжав кулаки.

Я развернулся и ушёл в лес. Я ненавижу всех. И этот чёртов поход, и дураков — наших друзей, неизвестно где потерявшихся, и Стёпу, и себя. Где эти идиоты?

Весь мир был глупым и бестолковым.

Перекипев, я вернулся. Степа был хмур и неприветлив. Мы поставили лагерь, напилили дров. Разговаривать друг с другом не хотелось.

Пришли на берег, закурили. Невозмутимая река несла мимо свои тёмные воды. Степа взял гитару.

*Переведи меня через Майдан,
Через глухое торжище лесное...*

Песня надрывно плыла над пустой рекой. Мы пели долго.

Наконец, стало совсем темно.

— Они не придут уже, — сказал Степа.

— Видимо, да, — ответил я.

Мы двинулись в лагерь. На душе было мерзопакостно. Мы чувствовали себя предателями. Сложили нодью — три бревна, два внизу, одно сверху. Такая нодья горит всю ночь, давая тепло.

Наскоро поужинав, легли спать. Мы ещё дулись друг на друга и разговаривали скупно. Я лёг на коврик у костра в спальнике. Бревно за моей спиной служило экраном и согревало спину. Ночью нодья разгорелась, мне стало жарко, и я во сне отодвинул бревно спиной почти на метр.

* * *

— Эй, бандерлоги, вы куда так втопили?! — разбудил нас утром весёлый крик Шерстюка.

Мы бросились обниматься. Всё было нормально, все были живы, они даже поужинали вчера шалой консервой, завалившейся у кого-то в рюкзаке. После завтрака все блаженно развалились у костра. Солнце заливало все вокруг пленительным весёлым светом.

— Так, Чайник с Будильником идут теперь позади всех, — строго сказал Нефедов и посмотрел на нас.

— Есть, товарищ командир, — улыбнулись мы со Стёпой и посмотрели друг на друга. Мы были счастливы.

ЭХ-МА

Как-то осенью отправились мы в очередной байдарочный поход. Речка, по которой мы шли, называлась Льянка — один из притоков Мсты. У нас было три байдарки: Нефёдов со Зверевым, Длин, Никитин и Юра Степанов и мы с Викой. Юра Степанов шёл первый раз на байдарках. У него был холодный

гидрокостюм без носков. Синие ноги просвечивали между штанами и кроссовками.

Было уже довольно холодно, временами шёл снег. На вёслах намерзали наледи, и они становились тяжёлыми, как лопаты с налипшей глиной. Речка Льянка — неширокая, где-то три метра шириной, где-то пять. Но течение довольно быстрое. А ещё она довольно извилистая, одни повороты. И масса деревьев понатыкано, в том числе и в русле реки.

За первый час хода Длинская байдарка кильнула три раза. Каждый раз приходилось вылавливать вещи в гермомешках, вытаскивать лодку на берег, отливаться, опять грузить в лодку вещи и только после этого идти дальше. Остальные лодки при этом потешались и давали массу необходимых советов.

Наконец, после третьего кия Длин сказал: «Всё, больше с Юркой не поплыву, он приносит нам несчастье, пусть пересаживается к кому-нибудь». Юра грустно молчал. Решили, что Юра сядет к Нефёдову. Нефёдов был корифеем водного туризма, ходил речки шестой степени сложности на катамаранах, водил большие группы в водные походы. В общем, он был самым опытным из нас и негласным командиром группы.

Картина была следующая: первым в байдарке довольно низко сидел Серёга Зверев с веслом. Дальше расположился Юра спиной по ходу движения с гитарой в руках. Весло у него отобрали. Завершал картину огромный Нефёдов на месте капитана, возвышавшийся горой над всем судном. Он был похож на рубку атомного ледокола. Распевные команды его разносились далеко по реке.

Пошли дальше. Первыми теперь шли Длин с Никитиным, за ними нефёдовская тройка, завершали караван мы с Викой.

И вот встречается нам на реке прижим к правому берегу, а над ним косо наклонившееся над рекой дерево. Течение

довольно сильное. Длин с Никитиным заблаговременно прижались к левому берегу и без проблем прошли поворот.

Вес нефёдовской байдарки был гораздо значительнее. Их было трое, да и Шура Нефёдов весил килограмм сто двадцать. Понятное дело, их прижимает под правый берег. В результате Зверев наклоняет голову и проходит под бревном. Юру бревно стучает по затылку, он инстинктивно наклоняется и тоже проплывает под бревном. А вот Шуре Нефёдову бревно приходится ровно посередине груди.

— Эх-ма, — говорит Шура и могучим усилием начинает приподнимать бревно, чтобы пройти под ним.

Но бревно здоровое, в результате не оно приподнимается, а байдарка благодаря усилиям Шуры начинает медленно погружаться под воду. Никогда не забуду печальные глаза Юры, который медленно погружался в воду с гитарой в руках.

В результате они, естественно, кильнулись. Юра плыл по реке, высоко держа гитару над водой. Шура чертыхался.

Вытащили всё и всех на берег. Развели костёр, стали сушиться. Невдалеке я заметил деревню. Никитин забыл картошку, которая была у него в раскладке, и тушёнку теперь есть было не с чем. Решили сходить в деревню и поменять тушёнку на картошку.

Дверь нам открыла древняя старушка в платочке. «Господи помилуй, свят-свят-свят», — вскрикнула она и в ужасе прикрыла рот рукой.

Я оглядел нас. Капроновую одежду мы оставили у костра сушиться и были в резиновых гидрах с ног до головы. Лица от усталости были у нас инопланетянские. Глаза горели от голода. Руки от холода тряслись, как у зомби.

Стыдливо мы изложили своё предложение. Старушка суетливо запричитала и повела нас внутрь избушки. Среди её взволнованного шёпота я расслышал «что ж вы так себя

мучаете, соколики», «совсем в городе жрать нечего стало», «молодёжь нынче то ли с жиру бесится, то ли от слабоумия».

Посадив нас за стол и налив по кружке молока, хозяйка ушла в погреб за картошкой. Мы выпили молоко и плотоядно принюхивались к кастрюле на столе. Наконец я не выдержал, потихоньку открыл кастрюлю и быстро затолкал холодную картофелину в рот. Мои подельники с ужасом наблюдали за мной. И тут вошла бабушка.

— Ох, сынки, совсем оголодали, берите, берите, — она ссыпала нам оставшуюся варёную картошку из кастрюли в полиэтиленовый мешок.

Возвращались мы как герои.

После стоянки мы двинулись дальше. Длинновские каны, в которых мы готовили еду и кипятили чай, переложили к нам с Викой в байдарку, как в самую надёжную, и мы немедленно их утопили при очередном киле.

Погода стала портиться, и мы решили сняться у ближайшего шоссе на мосту. Через пару лет, когда мы ещё раз проходили эту речку, мы узнали, что именно за этим мостом начинаются настоящие пороги.

ПИСТОЛЕТ

Макс Минченко просыпается после очередной попойки у меня дома.

— Макс, чайку?

— Лучше пистолет.

Я пошёл, взял газовый пистолет и принёс его Макс. Макс открыл лиловый глаз и с удивлением воззрился на пистолет. Потом попробовал передёрнуть затвор и зажал себе палец.

— А-а-а! — закричал Макс.

— Может, гранату? — спросил я.

— Трезвая скотина! — закричал Макс.

Так и текла наша неторопливая интеллигентная беседа...

КАРДИНАЛЬНО

Григорий Маркович Найдёнский — человек, очень похожий на моего дедушку Давида Марковича. Встречаясь с ним, я всегда испытываю тёплые чувства, даже с каким-то семейным оттенком. Мы дружим много лет, и нашей дружбе не мешает разница в возрасте (он старше меня лет на десять). Григорий Маркович невысокого роста, лысоват и очень остроумен. Когда-то он работал администратором театра на Таганке, потом ушёл в бизнес. Недавно он рассказал мне историю, которая с ним случилась в конце 90-х годов.

Он ехал около Кремля по мосту, впоследствии названном именем Бориса Немцова, и грубо нарушил правила дорожного движения. Махнул через две сплошные прямо перед храмом Василия Блаженного. В общем, повёл себя, как настоящий блаженный. Через несколько секунд в заднем зеркале автомобиля появилась машина с мигалками. Пришлось тормозить, хотя этого делать сильно не хотелось. Григорию Марковичу только что вернули права, а до этого он четыре месяца ходил пешком.

— Здравствуйте, ваши документы, — старший лейтенант был не в духе.

— Здравствуйте, — обречённо сказал Григорий Маркович и полез за документами.

— Так, нарушаем, — буднично пропел лейтенант, — через две сплошных, а за это полагается лишение прав.

«Второй раз четыре месяца не дадут, год минимум», — подумал Григорий Маркович.

— Товарищ лейтенант, может быть, предупреждение?

— Да нет, товарищ водитель, будем решать кардинально.

Неожиданно Григорий Маркович выпрямился, на устах его заиграла коварная улыбка, и, глядя пристально в глаза полицейскому, произнёс мефистофельским тоном:

— Ну, что ж, кардинально так кардинально! В следующий раз попадёте ко мне на приём, я тоже решу кардинально. Отрежу — да и всё, чего там возиться...

— А кем вы работаете? — напрягся милиционер.

— Кем-кем, венерологом, — устало сказал Григорий Маркович и вынул визитку, которую сам получил только вчера вечером от одного случайного знакомого на каком-то дне рождения.

Возникла неудобная пауза. Служитель порядка явно колебался. Наконец, он вздохнул, вернул права, забрал визитку и лихо козырнул на прощанье:

— Поосторожнее, товарищ доктор. Удачного пути!

— Бывайте, — сказал Григорий Маркович и жутко довольный собой покатыл дальше по своим делам.

«Надо будет заказать таких визиток, пригодятся», — думал он, насвистывая какую-то привязавшуюся мелодию.

Остров Чудесных Путешествий

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ГУКЕР

История Гойи — Повелителя Вселенной, случившаяся в плацкартном вагоне поезда много лет назад на пути в далёкий посёлок Мыс Каменный, что находится на полуострове Ямал за Полярным кругом

В 1986 году агитбригаду физфака послали на Ямал с благородной целью: убедить тамошнее начальство в клёвости и замечательности физфаковцев для того, чтобы оно организовало третий стройотряд на Ямале. Желающих поехать в него было предостаточно, поскольку в двух первых стройотрядах в то время студенты зарабатывали сумасшедшие деньги. И вот мы должны были приехать, дать несколько концертов, показать, какие мы классные, и отвалить восвояси.

Ехать мы должны были поездом до Салехарда, затем на автобусе до города Лабытнанги, а уже оттуда самолётом до маленького посёлка геологов на мысе Каменный. А, надо сказать, поезд до Салехарда идёт больше трёх суток. Ну, а нам-то что, народ мы были в то время заводной. Едем, песни поём, сказки рассказываем. Короче, весело. Да ещё у двух бойцов наших дни рождения один за одним случились: сначала у Маринки Пенкиной, а потом у Серёги Прушинского. Или наоборот — не помню уже, давно дело было.

Ну, понятное дело, в честь дней рождений случился банкет. Отмечать ещё с утра начали. Короче, днём я уже пришёл в замечательное расположение духа и, измученный долгой дорогой, прилёг отдохнуть. Просыпаюсь — темно уже, только редкие огни за окном проносятся. Ну, кое-как очухался, чувствую — жизнь возвращается. Опять же дружки-пирожки нарисовались. Решил продолжить праздник.

А дружки мои чего-то захандрили — мол, устали мы сил нет, пора спать ложиться. Я, честно говоря, от такого равнодушия сильно нервный сделался. Я, говорю, Гойя — Повелитель

Вселенной. Отставить спать, всем радоваться и безобразия нарушать. Это в моём воспалённом сознании проявилось таким образом стихотворение Андрея Вознесенского «Гойя — повелитель Вселенной».

Но дружки-пирожки не поняли моего чистого порыва. Сперва пытались меня вразумлять, мол ладно, Илюх, устали все, давай на боковую устраиваться. А я ни в какую. Отставить, кричу, меня звать этой собачьей кличкой «Илюха», я мол — Гойя, Повелитель Вселенной.

В общем, наутро я уже проснулся Гойей, был выгружен в городе Салехарде и оттранспортирован в город Лабытнанги, но кличка Гойя за мной закрепилась навсегда. А уже потом-потом товарищ Кузин переделал Гойю в Гукера, коим я и остаюсь в течение долгих счастливых лет.

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ СЕВЕР

На третий день мы прибыли в Лабытнанги, пересели на автобус и приехали в Салехард довольно поздно вечером. Надо сказать, к этому времени жажда меня мучила невероятная после весёлых железнодорожных праздников. Поэтому, когда, зайдя в гостиничный номер, я увидел на столе графинчик с водой, то я его взял двумя пальчиками за горлышко и залпом, не отрываясь, весь выпил. Всё было хорошо.

Переночевав, наутро мы поехали в аэропорт, сели на небольшой грузовой самолёт и прилетели на мыс Каменный. Встречали нас с распростёртыми объятиями. Ещё бы, артисты из Москвы приехали. Нам даже гонорар выдали вперёд: ящик водки и ящик тушёнки. Всё было хорошо.

Мыс Каменный представляет собой небольшой посёлок геологов, расположенный в тундре, недалеко от океана. В посёлке домов примерно тридцать, столовая, баня, клуб. Нас

поселили в двухкомнатной квартире с кухней, недалеко от клуба. Мебели там не было, только матрасы на полу, но в то время нас это не особенно смущало. Всё было хорошо.

Тут надо рассказать об одной особенности житья на севере. На улице было минус 45, пурга, метель, вьюга, а в домах батареи раскалённые, температура плюс 30, жара. Не знаю, зачем так сильно топят, может быть, так страхуются от отключения котельной. Ну, в смысле при аварии не сразу все от холода *окачурятся*. Помучаются чуток. Мы разместились, поужинали, легли спать. Лежим в трусах под одеялами, засыпаем. И тут я чувствую: всё перестало быть хорошо!

А надо вам заметить, что туалет типа сортир находился на улице, метрах в пятидесяти от дома, в тундре. Это сооружение представляло собой небольшой деревянный домик, стоящий в яме среди сугробов выше крыши.

К туалетосортиру была прорыта траншея, по которой страждущие пробирались к месту созерцания и раздумий. Впрочем, при минус сорока пяти особо не посозерцаешь.

Стены домика и даже потолок изнутри были покрыты причудливыми цветными сталактитами. Трудно представить, что двигало художниками, а самое главное, как им это удалось, но зрелище было впечатляющее. Экспозиция освещалась 150-ватной лампочкой, светившей как сто тысяч солнц, когда ты входил из чёрной тундры. Вниз вела дыра, ведущая прямо в вечную мерзлоту.

И вот посреди чёрной и вьюжной полярной ночи я чувствую — надо. Тренировочные штаны, байковая рубашка, ватные штаны, два свитера (один с горлом), валенки, овечий тулуп, шарф, шапка-ушанка. Подъём по полной выкладке. Дальше бодрым шагом (ха-ха, ещё каким бодрым, опаздывать нельзя) через тундру в цветной туалетосортир. И, товарищ, не поскользнитесь внутри, можно сверзиться в вечную мерзлоту. Потом назад, обмундирование долой, валенки

на батарею, в трусах под одеяло, спать. Только начал засыпать, чувствую — надо.

И так восемь раз. В ту ночь я узнал, что такое Русский Север.

А всё дело было в том графинчике, который я так сладострастно выпил в гостинице Салехарда. На Севере, товарищи, нельзя пить воду из-под крана. Не рекомендуется. Это я вам как знаток Русского Севера говорю.

ТАК И НЕ ПРИХОДЯ В СОЗНАНИЕ

Первый концерт в поселковом клубе. Открывается занавес. На авансцене на стульях лежит человек. Из глубины сцены к нему подходят трое со скорбными лицами. И один из них (Сергей Прушинский) должен был сказать: «После тяжёлой и продолжительной болезни, так и не приходя в сознание, к вам приехала агитбригада физического факультета».

Играем с жуткого похмелья, ибо за концерт заплатили вперёд. Водкой. Прушинский выходит и говорит: «После тяжёлой и продолжительной болезни к вам приехала агитбригада физического факультета».

В зале гробовая тишина. Видимо все напряглись: ребята так болели и всё-таки приехали. За кулисами все помирают с хохоту.

НА БУКВУ «С»

Показываем постановку о музее. Я играю сторожа. Вылетаю на сцену в ушанке, валенках, с фонарём и игрушечным пистолетом. Я должен застукать воров с картиной в руках, мол они украсть её хотели, а я их поймал.

Ну, вылетаю я на сцену и начинаю фразу: «Что, картинку хотели-с-с-с...». Тяну эту нескончаемую «с» и тут с ужасом понимаю, что в голове только одно слово, подходящее

по смыслу и начинающееся с буквы «с», но именно его-то и никак нельзя произносить со сцены. Тяну я эту «с», а сам совсем не знаю, что делать. За сценой — паника. Выносить меня уже собираются. Озвученная пауза из театральной превращается в какой-то свист прорвавшегося пожарного шланга. «С-стянуть!», — наконец нахожусь я. За кулисами все с облегчением вздыхают. Дальше пошло как по накатанной.

ДЕПУТАТЫ В МАЛИЦАХ

Возвращаемся обратно в Салехард. Ждём самолёт в аэропорту. Недалеко от нас прямо на полу расположилась группа ненцев в малицах — это такой народный северный костюм, цельношитая шуба из оленьих шкур с рукавами и капюшоном.

Ненцы мирно спят на полу, и тут появилась какая-то жирная тётка в форме и начинает на них орать, чтобы они не мешались на проходе и убирались к чёртовой матери. Ненцы покорно встали и перешли на новое место, снова расположившись на полу. Через некоторое время подошла какая-то другая дама с высокой причёской и снова начала гнать бедных ненцев. Ненцы опять перебрались на новое место.

Тут подскочил Егор, представитель администрации посёлка, и заторопил нас на посадку. Проходя мимо ненцев, он за руку поздоровался с одним из них. Мне стало интересно, куда могут лететь эти дети тундры.

— А ты знаешь, кто это?

— Кто?

— Депутаты Верховного Совета СССР от Ямало-Ненецкого округа. Летят на сессию Верховного Совета.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Сидели в аэропорту. Не спалось. Жёсткая лавка давила бока. Кости ныли. Наконец, я не выдержал и сел. Голова гудела. Я увидел Старину, пробирающегося между креслами. На часах было около трёх ночи. Аэропорт Салехарда был пустынен и тих. До рейса оставалось ещё четыре часа, и их надо было прожить. Старина подошёл и опустился рядом на лавку.

— Слушай, у тебя же мама шапками вроде занимается? — спросил он.

— Ну, да, — я вспомнил, что недавно рассказывал об этом.

— А ты в курсе цен на мех?

— Ну, так, в общих чертах, — сказал я. Мне не хотелось признаваться в том, что я ни бельмеса не разбираюсь в вопросе, несмотря на такую значительную маму.

— Там мужики пыжиков предлагают. Говорят, очень дёшево, — Старина нервничал и боялся, что выгодные пыжики уплывут у нас из-под носа, — пойдём, посмотришь.

Четыре часа времени до рейса надо было убить, и я встал с лавки. Мы двинулись на первый этаж.

— Слушай, а какие они — пыжики?

Я вспомнил песенку алкоголиков всех времён и народов «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил».

— Пыжики — это такие небольшие птички, — важно выдал я.

— Ха, — сказал Старина, — а откуда же мех?

Голова моя работала плохо, но надо было как-то выкручиваться, чтобы не потерять авторитет крупного мехового знатока.

— Дело в том, — я сделал паузу, соображая на ходу, что дальше говорить, — у пыжиков под перьями есть такой тёплый мягкий подшёрсток, который и называют мехом.

— Да? — удивился Старина, — интересно! А я всегда думал, что пыжики — это такие маленькие ушастые зверьки, которые живут в тундре. Век живи, век учись!

«Ага, — подумал я, — вот, например, я сейчас в первый раз увижу пыжиков...»

Мы подошли к трём явно похмельным мужикам. Один из них был чудовищно небрит.

— Специалист, — представил меня Старина.

— Покупать будешь? — один из браконьеров смотрел на меня с явным сомнением.

— Надо на качество взглянуть, — значительно, как мне казалось, выдавил я.

— Мех знатный, — сказал небритый.

Мы отошли в уголок. Небритый вытащил одну из шкурок. Размером она была с небольшого волка.

— Ого, — удивился Старина, — вот это птички...

— Неплохо, неплохо, — заторопился я, чтобы перебить его орнитологические изыскания. Но Старина весь набух вопросами, и остановить его было невозможно.

— А они яйца несут? — задал он следующий вопрос. Мы не ели уже больше пяти часов. В аэропорту всё было закрыто.

— Некоторые несут, — засмеялись мужики, — вам что, яйца пыжиков нужны?

— А что, мездра у него чистая? — я вспомнил случайное слово из маминых разговоров с заказчиками.

— Чистая, — сказал небритый и вывернул шкурку. Изнутри шкурка была кожаная и в катышках. Про катышки я не решился задать вопрос. Наверное, это правильные катышки, решил я.

— Цвет не очень, — протянул я, — ладно, сколько хотите за шкурку?

— Два миллиона, — сказал небритый, — деньги просто нужны. Вчера по пять продавали.

Это такие миллионные деньги были в перестройку.

— Надо посоветоваться, — сказал я со значением. И отвёл Старину в сторону.

— Старина, на мехе клейма нет, — я задействовал все резервы своей памяти и здравого смысла, — да и может быть ворованный. Я бы не советовал.

— А я всё равно возьму! Два миллиона — это не деньги. Десять бутылок водки, считай. А мех — его задорого продать можно! — страстно забормотал Старина и обернулся на раздавшиеся крики.

На наших глазах незадачливых коммерсантов вязала милиция.

СОЛОВЕЦКИЕ БУТЕРБРОДЫ

Кузнец дядя Миша был коренастым жилистым стариком. Плотный северный загар отдавал чем-то ковбойским. Руки были могучи, как стальной механизм. Когда мы пришли, он засуетился, стал резать хлеб и рассказывать какую-то нескончаемую историю. Дядя Миша был постоянным солдовчанином, а мы приехали реставрировать Соловецкий монастырь. Он любил нас за весёлый нрав, за молодость и за то, что у нас была водка, которая в 1990 году продавалась на Соловках по спискам. Бутылка в месяц на человека.

Мы поставили водку на стол и смотрели, как дядя Миша нарезает хлеб.

— Я вас сейчас научу сырые белые грибы есть.

Под водку есть можно даже мухоморы. Дядя Миша достал корзину с отборными белыми, очистил один, нарезал плоскими ломтями, положил на чёрный хлеб и посолил.

— Готово, молодёжь, налетай!

Мы хлопнули по рюмашке и закусили грибными бутербродами. Не трюфеля, конечно, но есть можно. Вдруг скрипнула дверь и в проём всунулась взъерошенная старушечья голова.

— Василич, ты всё водку трескаешь, а там косяк идёт!

Голова исчезла. Дядя Миша страшно возбудился.

— Давайте, ребятки, побежали за рыбой.

— А на что ловить-то будем?

— Да всё покажу, берите вот эти три ведра и побежали.

— Дядь Миш, зачем? Мы что, вёдрами рыбу ловить будем?

— Берите, берите, потом объясню. Ах, чёрт, хлебала куда-то запропастились, хорошо крючки нашёл...

Сами удочки были вырублены из орешника в лесу. Схватив ведра, мы выбежали на улицу. По неширокой улице соловецкого посёлка бежал народ. В руках у всех были вёдра, тазы, миски. Кто-то тащил на верёвке за собой корыто. Мы присоединились ко всем и побежали в сторону моря.

На причале уже было много народу, но дядя Миша кого-то отпихнул, с кем-то пошутил, и для нас образовалось небольшое местечко у воды. Снасть представляла из себя ложку с дыркой, но без ручки, привязанную на конце лески. Выше ложки были укреплены семь или восемь крючков на небольших поводках. Наживки никакой не было — селёдка клевала на пустые крючки. За один заброс вытаскивалось сразу три-четыре рыбины. Иногда попадалось до пяти штук. Мы вошли в раж и быстро натаскали два ведра. Внезапно клёв кончился, как обрезало, и все замерли в ожидании. Потом кто-то поймал ещё пару одиночных рыбок, и рыбалка закончилась окончательно. Народ собрал свои посудины и неспешно потянулся в посёлок.

Мы подхватили наши ведра и счастливые пошли к дяде Мише домой.

— Ну что, по маленькой за удачную рыбалку?

Дядя Миша достал живую селёдку, быстро её почистил, отрезал филе, положил на хлеб и посолил. Я вспомнил бутерброды с грибами.

Мы допили водку, и дядя Миша пошёл нас провожать. Над морем полыхал багрово-сиреневый соловецкий закат. Мы некоторое время постояли на берегу, ожидая появления

зелёного лучика. Говорят, он приносит удачу тому, кто его увидит. Лучика в этот раз не случилось, и мы пошли домой. Завтра было рано вставать на работу.

ВЕНДЕТТА

Я спускался по лестнице к нашему скиту с одной мыслью — добраться до постели. Вдруг я увидел человека, всё лицо которого было в крови. Я узнал Харрисона — командира нашего соловецкого студенческого реставрационного отряда. В руках он держал огнетушитель. Он был сильно пьян.

— Серёга, что случилось?!

— Пусти, мне надо.

— Куда, ночь на дворе!

— Пофигу.

— Подожди, успокойся, отдай огнетушитель.

— Не отдам!

— Серёг, отдай. Хорош...

— Нет, комиссар, не уговаривай.

Через минут двадцать борьбы мне удалось уговорить его пойти в скит и лечь. С огнетушителем он категорически отказался расставаться, и я пристроил его у кровати.

Наутро Харрисон рассказал, что с ним произошло. Они бухали всю ночь в трапезной. Наконец, решили идти спать. Харрисону на глаза попался огнетушитель. Он хотел его разрядить, но тот отскочил от пола и предательски напал на него. Опрокинул на пол и разбил в кровь лицо. Всё оставшееся лето в тот год на Соловках Харрисон разряжал все попадающиеся ему на глаза огнетушители.

На носики разряженных огнетушителей он наклеивал такой же пластырь, какой был приклеен у него на носу. Мстил.

КОЛБАСА

Шёл второй месяц в студенческом реставрационном отряде на Соловках. Кормились мы в принципе неплохо, но без затей: тушёнка, макароны, грибы из леса. И тут вдруг с приезжей дамой из Москвы неожиданно прибыла посылка от моей мамы. Мы побежали с Викой на пристань её получать.

Посылка предстала в виде достаточно объёмистого пакета, из которого доносились соблазнительные запахи. Мы тепло поблагодарили тётю (все-таки она перла этот пакет из самой Москвы) и понеслись домой в Поваренный корпус, где мы квартировали.

И вдруг на подступах к монастырю Вика остановилась, сделала решительные глаза и сказала: «А давай ПОСМОТРИМ, что там!». Это прозвучало так, как будто она предложила украсть половину зарплаты всех рабочих на Соловецких островах. Мы развернули пакет и помимо прочих конфет и всяческих сладостей обнаружили огромную толстую палку сырокопчёной колбасы. Колбасы мы не пробовали уже два месяца.

И мы тут же её попробовали. И ещё раз попробовали. И ещё раз. В общем, пока мы дошли до отряда, от колбасы осталась одна верёвочка, которую мы стыдливо опустили в урну около входа. Без хлеба и прочих макарон мы сточили целую палку сервелата.

В отряде мы щедро делились со всеми бойцами и бойцами конфетами и сладостями, но отводили глаза друг от друга. Нам было стыдно за содеянное. Зато колбаса в животе чувствовала себя замечательно.

ПОХОД В МРЗ

МРЗ — сокращение от Мраморный Зал. Так мы любовно называли общественный сортир на 24 очка. А медпункт располагался в бывшей ленинской комнате. В углу стояли красные флаги с кистями. На стенах качались вымпелы социалистического соревнования.

— Ирка, плесни ещё лечебной жидкости, будь доктором...

Доктор Ирка встала, налила из пластиковой канистры в большой мерный стакан спирта и разбавила его водой. Тёма разлил спирт по стаканам.

— Ну, третий тост — за острова!

Это было далеко не третье тост. Все выпили. Лёха икнул.

Мы сидели в медпункте и глушили спирт уже добрую половину ночи. Медпункт

— А пойдёмте парадным шагом в МРЗ, — родил идею Харрисон, — это будет весело и торжественно!

— Заметут, — сказала Катя. И посмотрела на Ирку. Ирка была тут единственным ответственным лицом — доктором стройотряда. Правда, Харрисон был командиром отряда, а я — комиссаром. Но сейчас мы были совершенно не при исполнении. Как оказалось, Ирка — тоже.

— А пойдём! — залихватски вскричала она и неожиданно бодро вскочила на ноги.

МРЗ — место мифическое, располагающее к размышлениям и раздумьям. Именно под впечатлением от него известный бардовский дуэт «Иваси» (Алексей Иващенко и Георгий Васильев), когда приезжали на Соловки, сочинили садистский стишок:

*Дикая крики неслись из очка,
Так наказали ребята сачка.*

Но конкурс садистских стишков они выиграли тогда с другим двустишием:

*Мальчик кирпич поднимал на канате,
Вам не хватало покойника — нате...*

Я тогда занял второе место со следующим произведением:

*Вадимыч кричал мне «качай» да «качай»,
Я в рот ему шланг запихнул невзначай,
Вадимыч потом мне уже не кричал,
А я всё качал, и качал, и качал...*

Покачиваясь и падая друг на друга, мы разобрали флаги и спустились со второго этажа на улицу. Харрисон построил нас в две шеренги. Взвод штормило. Большинство опиралось на флаги. Некоторые держались друг за друга.

— Равняйся! Смирно! В МРЗ шагом марш! Песню запе-вай!

Ночь была ясная. Луна ярко светила, освещая сюрреалистическое шествие. Суровые стены Соловецкого монастыря огласились звуками заливчатской песни.

*Ничего, ничего, ничего,
Сабля, пуля, штыки — все одно...*

Несмотря на то, что до МРЗ было около пятнадцати метров, колонна с первого раза не попала в точку прибытия, а промахнувшись, зашла на ещё один круг. Попав со второго раза к месту назначения, бойцы сложили флаги у входа и зашли в Мраморный Зал.

В это время первый лучик солнца пробился через окошко Белой башни, скользнул по Поваренному корпусу и растёкся по всему монастырскому двору. Занималось ещё одно соловецкое утро. Скоро надо было строить отряд для развода на работу. Утро неотвратимо набухало подъёмом.

ЗАВТРАК С ЧЁРНОЙ ИКРОЙ

Я очнулся. Было жарко. Солнце беспощадно светило прямо в лицо. Это был лагерь МЭИ под Алуштой.

С трудом выбрался из палатки. Море безмятежно раскинулось до горизонта. Лёгкая дымка не давала соприкоснуться ему с небом. Вдали белел пароход. Всё это крайне диссонировало с моим внутренним состоянием.

Взяв зачем-то полотенце, я начал спускаться к морю. Цикады орали как сумасшедшие. Голова раскалывалась, как будто в ней расположился Государственный ансамбль песни и пляски и все они играли на ложках.

Море лениво бугрело почти незаметными волнами. Было видно, что ему все по барабану. Я подумал, что можно искупаться, но сознание инстинктивно передёрнулось от мысли о холодной воде. В голове было пусто и тоскливо.

Не имея никакой цели, я побрёл вдоль самой кромки воды. Пройдя метров пятьсот, я снял сандалии, и вода приятно охладила мои ступни. Это было первое приятное ощущение за этот день.

Пройдя ещё немного, я заметил на одном из пирсов безмятежно распластанную фигуру человека. Он лежал на нижнем уступе пирса, в тени, и солнце было не в силах дотянуться до него. Везёт же, подумал я, он ещё спит и не чувствует всего ужаса пробуждения. Я подошёл ближе и узнал в спящем Макса Минченко.

Друг мой и собутыльник, Минч был человеком неоднозначной натуры. Человек энциклопедических знаний, он с полным знанием предмета мог беседовать практически на любую тему. С ним было интересно, поскольку в процессе разговора он генерировал совершенно неожиданные идеи, высказывал оригинальные суждения и выдвигал гипотезы, достойные проверки целыми научно-исследовательскими институтами.

Эту его особенность я без зазрения совести эксплуатировал в то время, когда писал диссертацию. Я покупал ящик пива, зазывал Минча в гости, и мы садились квасить, мирно беседуя об экономике. Я бегло вводил его в курс очередной проблемы, и Минч начинал рождать идеи и гипотезы. Мне оставалось только их записывать. Это у нас называлось «поболтать на кандидатскую». На трезвую голову я отбирал достойные для проработки, и новый параграф ложился в папку с диссертацией.

Но тут существовал один нюанс. Дело в том, что Минч был способен к творчеству где-то со второй кружки пива до седьмой. Дальше идеи становились фантастическими, процессы нарушали законы физики и гипотезы теряли логику развития. Ну, а если мы переходили на водку, то вообще творчество перемещалось в область исполнения песен под гитару. Тогда моя соседка стучала нам в стену и кричала: «Эй, академики, прекратите безобразия нарушать!»

Правда, несколько раз я ловил Минча на явных ошибках. При этом он уверенно и с большим натиском утверждал то, чего определённо не знал и что было совсем не так. Но это были незначительные минусы, тонущие в его харизматическом образе. Мне кажется, он был бы неплохим уличным проповедником или дервишем. Тем более, что он легко мог уснуть у костра, завернувшись в спальник или в кусок полиэтилена, если шёл дождь, что и делал неоднократно.

Я подошёл к Минчу и потряс его за плечо.

— Минч, ты как?

— Никак, — сказал Минч и отвернулся к стене.

— Жив? — спросил я.

— Нет, — сказал Минч.

— Ты давно здесь?

— Нет. Меня нет. Не существует в природе. И здесь меня тоже нет.

— Ты никуда не уходи, ладно?

— Дурак, что ли, как я уйду, если меня нет...

У меня появилась идея.

Я побежал в лагерь. Идеи — страшная сила. Ещё минуту назад я едва передвигал ноги, думая о смерти, и вот — я уже несусь по кромке моря, едва касаясь песка стройными ногами. Идея спасения человека сама по себе не нова, но неизменно производит терапевтический эффект на спасающего.

В лагере ничего не изменилось. Из палатки доносился серебристый храп Ревокатова. Миски и кружки были разбросаны вокруг останков костра. Зажаренные на костре мидии кучеряво желтели на куске железа.

Жили мы в то лето голодно, но пьяно. Тем не менее, на общем фоне отсутствия регулярности в приёме пищи имелись некоторые гастрономические излишества. Придерживая руками больную голову, я залез в рюкзак и достал бутылку «Чёрного Доктора». Потом откопал в песке нишу, которую мы называли холодильником, вытащил оттуда поллитровую банку чёрной икры, купленную по дешёвке на Чонгарском перешейке, и пачку сливочного масла. Хлеб был извлечён из мешка, подвешенного на дереве от диких животных.

Беглой трусцой я затрусил к умирающему.

Минч валялся в той же позе, в которой я его оставил. Мне показалось, что его загорелые ступни начали оккупировать морские обитатели. Вспомнилось известное изречение: «Моряк! вся жопа в ракушках...»

Я развернул провизию, неловко намазал масло. Размазал икру. Штопора, естественно, не было, поэтому в ход пошёл средний палец правой руки. Хотя это было несправедливо по отношению к портвейну. Минч уже лежал на другом боку, обративши лик к морю. Его дыхание было похоже на хлип кита перед спариванием. Я поставил бутылку у носа страдальца, бутерброд с икрой положил рядом.

— Минч! С добрым утром!

Минч открыл один красный, как у кролика-альбиноса, глаз и воззрился на натюрморт с портвейном и икрой. Потом закрыл его.

— Минч, завтракать будешь?

Он открыл уже оба глаза, тяжело сел, свесив ноги. Синие вены отчётливо рисовали генеалогические узоры. Нечёсаная голова красиво топорщилась кудрями на фоне жёлтых дюн.

Люди с похмелья теряют обычные эмоции. Весь мир оказывается исключительно внутри человека. Вернее, мир только и существует внутри человека в этот момент. Не выказав особого удивления, Минч сделал несколько больших глотков, откусил бутерброд, растеряв по пути большую часть икры, и посмотрел на меня мутным глазом.

— Откуда?

— Оттуда, — засмеялся я.

Я тоже сделал несколько глотков «Доктора». Живительная влага трудно, но верно проникала в сморщившиеся капилляры. Легко скинув всю одежду, я обнажённым греком вошёл в воду. «Вот бы акула», — весело подумал я, собрался с духом, нырнул и тихо поплыл, загребая короткими саженками.

Когда я вернулся, бутылка была пуста. Минч спал. Море продолжало делать вид, что нас не существует.

КАК Я САЖАЛ ИЛ-62

— А закусить ничего нет? — спросил Якунин.

— А как же, — ответил я и дал ему дольку мандарина.

Места в самолёте у нас были самые лучшие — прямо около кабины пилотов. В ИЛ-62 перед этими местами ещё метра полтора свободного места. Это позже там стали устраивать первый класс и отгораживать от простых смертных занавесочкой, а в то время мы летели в Симферополь как

короли. Лететь к Чёрному морю, пить коньяк, предвкушать две недели отпуска — что может быть лучше в этой жизни.

— Я в туалет, — сказал я и зашатался по проходу. Там была небольшая очередь, и я принялся ждать.

Наконец, моя очередь подошла, и тут к кабинкам подошёл кто-то из экипажа.

— Проходите, вам нужнее, — говорю я.

— Да, я по делу, — засмеялся он.

— Все по делу. А мне как-то спокойней, когда все лётчики по своим местам.

— Я быстро, — говорит, — мне только включить кое-что нужно.

Сильно я тогда удивился, что лётчики что-то в туалете включают, но виду не подал, держал марку. Да и палиться особо не было резону — я уже сильно тёплый был к этому времени.

— Проходите, — говорю, — я подожду.

Я всегда от хорошего коньяка жутко вежливый становлюсь. А от плохого — наоборот.

Ну, лётчик зашёл, включил видимо всё, что нужно, и освободил мне помещение. Сделав свои дела, я вернулся на место, и мы продолжили пить коньяк с мандаринами. Через некоторое время штурман (а это был он, как потом оказалось), опять шёл мимо нас, и я у него в шутку спросил, всё ли там нормально, указывая на сортир. Он засмеялся и сказал, что все о'кей.

— А можно в кабину зайти посмотреть? — вдруг спросил я. Некоторые химические вещества в больших количествах наделяют меня чудовищной смелостью пополам с бестактностью.

— Сейчас у командира спрошу.

Потом выглянул и махнул мне рукой — заходи. Так я оказался в кабине пилотов. Надо заметить, что это было задолго

до 11 сентября 2001 года, а также задолго до других трагических событий в воздушном пространстве разных стран.

Я прошёл в кабину. Впереди слева рулил самолётом командир экипажа, ему меня представил штурман, и он коротко кивнул. Справа от него располагался второй пилот. Место штурмана было сбоку за вторым плотом, а за креслом командира находился радист, вот и весь экипаж.

— Садись, — штурман указал на откидное сиденье, — и молчи. Не мешай. Я присел, но за креслами ничего не было видно.

— А можно я постою? — спросил я, — а то так не видно ничего.

— Ладно, только тихо.

Лайнер стал снижаться. Пробили слой облаков, стала видна земля. Командир давал отрывистые команды, ему что-то докладывали. Показалась посадочная полоса. Сначала мы косо заходили на посадку, но потом огромная махина качнула крыльями и выровнялась. Меня переполняло чувство восторга от соучастия в управлении огромного механизма. Наконец, мы коснулись земли и зашуршали по полосе.

Мне хотелось как-то отблагодарить лётчиков, и я предложил им принести коньяка. Вообразить, что они станут пить вместе со мной, было невозможно — слишком высока была социальная пропасть между нами.

— Да ты что, нам нельзя, нас же проверяют до и после полёта, вот встретимся как-нибудь в городе, тогда будем рады.

Мы тепло попрощались.

Конечно, ни в каком городе мы не встретились. В тот же день мы укатили в Симеиз, к морю, солнцу и портвейну. Но память об этой истории (совершенно сейчас невозможной) у меня осталась.

ТАМОЖНЯ

Ехали в Крым на машинах. Гнали всю ночь. Наутро доехали до таможни. Проходим бесконечные будочки таможни. У одной из будочек спрашиваю у таможенника:

— Куда дальше ехать?

— Дальше маршрут следования каждый определяет самостоятельно, — невозмутимо отвечает украинский таможенник.

Будочка оказалась последней на таможне.

КРЫМСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Однажды я выехал из Севастополя в одних тапочках и доехал до Коктебеля. Весь Южный берег Крыма был у моих ног.

На самом деле первоначально всё планировалось по-другому. Я самолётом должен был прилететь в Севастополь и провести неделю на даче у моего приятеля на мысе Фиолент, а уже потом-потом приехать в Коктебель и соединиться там со своей женой, которая должна была приехать на машине из Москвы.

Но сценарий развивался по-другому. На второй день я смертельно поругался с хозяином дачи. Кажется, он вёл себя по-барски, а я был плебеем до мозга костей, точно не помню. В друзьях обманываться просто. Итог был таков, что я на всё плюнул и выдвинулся в Коктебель раньше срока автостопом.

Когда я по старой московской привычке в Севастополе остановил такси и попросил отвезти меня в Коктебель, таксист спросил меня: «А где это?» Я понял, что путь будет непростым.

Палило июльское крымское солнце. Тапочки соскальзывали. Наконец, какой-то водитель взял меня до Фороса. Водитель всю дорогу рассказывал анекдоты. Нет ничего хуже несмешных

анекдотов на жаре. Мозги мои скрипели и плавилась. Около дачи Кучмы стояло много милицейских машин и клубились нарядные милиционеры. Ждали чьего-то приезда. Я поднял руку, надеясь остановить попутку. Милиционеры заворчали и попытались отогнать меня прочь. Я отошёл метров на сто, но диспозицию это не сильно изменило: меня было видно километра на три в обе стороны. Ко мне двинулся один из милиционеров. Ну, думаю, сейчас арестуют. Ан, нет. Мент остановил грузовичок и попросил довезти меня куда-нибудь.

За рулём грузовика оказалась чудесная бабулька. Она остроумно вещала всю дорогу про свою непростую жизнь и (клянусь!) время от времени отхлёбывала из бутылки виски. Так мы добрались до Алушты. Дальше ей со мной, к сожалению, было не по пути.

Алушта знаменита тем, что там есть могила Ленина. Натурально: памятник, даты жизни, оградка, скамеечка. Все чин чинарём. Местные коммунисты приходят сюда по церковным праздникам поминать Ильича.

Я стал голосовать, и скоро остановилась машина с тремя подростками. Они согласились довезти меня до Судака. Вот только бензином надо было заправиться. Мы подъехали к АЗС и встали в хвост длиннейшей очереди. В Крыму бушевал очередной бензиновый кризис.

— Я сейчас, — сказал я и вышел из машины.

Подростки с подозрением посмотрели на меня, но ничего не сказали. Пройдя мимо длинного хвоста автомашин, я подошёл к кассе. Вокруг плотно стояли пыльные водители.

— Эй, ты куда? — меня тронул за плечо усатый толстяк в немислимых шароварах.

— Я сын Никиты Михалкова, опаздываю на съёмки. Вы же любите кино?

— Да... — неуверенно сказал толстяк.

— Вот и пропустите.

Я почти добрался до окошка. Водители неохотно расступались.

— У Михалкова, вроде, дочь... — неуверенно сказал кто-то.

— Я — внебрачный сын, — с обидой, но полный собственного достоинства, сказал я и всунулся в окошко кассы.

— Мадам, разрешите к вам обратиться по очень срочному делу?

У толстой кассирши в ярко сиреневой кофточке, туго обтягивающей обширную грудь, шелуха от семечек прилипла к нижней губе. К ней никто так никогда не обращался. Водители, стоявшие за мной в очереди, глухо ворчали. Уже тогда автомобилисты не жаловали Михалкова. Сейчас бы мне, наверное, оторвали бы голову.

— Да, — сказала кассирша и моргнула коровьими глазами.

— Видите ли, мадам, сложилась очень неприятная ситуация. Я опаздываю на съёмки, а в моей машине кончился бензин. И мой папа, Никита Сергеевич, может быть очень недоволен, а это может поставить под угрозу все съёмки. Не будете ли вы так любезны в порядке исключения отпустить нам немного горючего без очереди?

Кассирша моргнула ещё раз и зачарованно пролепетала:

— Конечно, заправляйтесь...

— Благодарю вас, мадам, только что, вероятно, вы вошли в историю кинематографа!

Я двинулся прочь. Счастливая кассирша высунулась из окошка и с придыханием спросила:

— Скажите, а вы кто?

— Сын Никиты Михалкова, — уверенно ответил я. И зашагал к машине.

Кассирша глядела мне вслед и радостно улыбалась. Ещё бы, она была единственной женщиной в мире, которая разговаривала с сыном Никиты Михалкова...

ЩЕЛЬ ИМ. МИНЧЕНКО

1996 год. Крым. Дикий палаточный городок в Форосе. Нашего товарища Аблова обокрали. Украли фотоаппарат, все вещи и, главное, кастрюли.

Резонно решив, что деньги и документы не надо оставлять в лагере, Макс сложил всё в пакет и отправился купаться. Купались мы в месте, где были навалены огромные валуны. На берегу он разделся. Пакет с вещами положил рядом на камень, на котором сидел. Между ним и соседним камнем была щель. Было известно, что туда нельзя ничего опускать. Тапочки выплывают, а сигареты сильно портятся.

Несложно догадаться, что Макс забыл о хищном предназначении этой щели. Собираясь купаться, он неожиданно почувствовал лёгкий дискомфорт из-за шороха за спиной. Оглянувшись, Макс обнаружил, что пакет медленно, но неотвратимо сползает в сторону щели. Послышался звук — плюх. В пакете были очки, часы, портмоне, зубная щётка и шампунь. В кошельке были все деньги Максима — 700 долларов.

Дальше началось шоу «а ну-ка доставай». Доставать пробовали все. Несмотря на ковыряние палкой, проволокой и просто руками, кроме выплывшей чужой зубной щётки, выудить ничего больше не удалось. Остаток дня Макс провёл в мучительных раздумьях, что бы сделать с камнем. Взрывать динамитом нельзя. Деньги погибнут. Можно оттащить на буксире катером. Можно отодвигать камень домкратами. Ни домкрата, ни катера поблизости не было.

Стемнело. Макс пошёл занимать деньги у товарищей, щель навечно была названа «Щелью им. Минченко», а название впоследствии стало нарицательным для пропавших безвозвратно вещей.

НА ПАМЯТЬ

Мы с Михалычем отдыхали в Коктебеле. Была тихая летняя ночь. Море лениво пересыпало гальку у наших ног. Вдали кто-то надрывно кричал в караоке.

Неподалёку спустились к кромке воды две девушки. В одной из них я узнал Машу Карасик. Я окликнул её, и они подошли. Выпили с нами портвейну. Присели на песок. Время в такие моменты утекает меж пальцев, как горячий песок. Остаётся ощущение тепла и призрачности момента. Девушкам надо было уходить, и мы стали прощаться. Михалыч расчувствовался. На прощание протянул Маше что-то.

— Маша, это тебе. На память...

В темноте я разглядел большой галечный булыжник.

ПРОСТО ПОДАРОК

Таиландский базар отличается многообразием. Десятки диковинных фруктов разложены на лотках. Волосатые груши, треугольные сливы, какие-то орехи, похожие на маленьких зверьков.

Мы шли под палящим солнцем и лениво осматривали фруктовые россыпи. Но мы не просто разгуливали, мы искали дуриан. Всё дело в том, что привезти его в подарок попросил меня Вадик Буньков. Тот самый, который потом заболел игроманией. Но это произошло значительно позже. А тогда мы были хорошими друзьями, дружили семьями и вместе отмечали праздники. В общем, он заказал мне привезти дуриан.

Фрукт оказался размером с большую человеческую голову, мутно-зелёного цвета и весь в угловатых наростах. Кроме того он был не дешёв. Мы долго торговались и, наконец, купили четверть огромной шишки. Продавец уговаривал её попробовать, но мы отказались — вокруг была антисанитария

и чем-то неприятно пахло. Продавец положил дуриан в два пакета, которые плотно и крепко завязал. Обрато мы поехали на автобусе, вёзшем туристов в отель. Я машинально отметил, что некоторые туристы на нас оглядываются, но не придавал этому значения.

Мы дотащились до своего номера, включили кондиционер и рухнули в кровать от усталости. Было часа четыре вечера. Мы легли отдохнуть после долгой поездки. В шесть я проснулся от непонятного беспокойства. Причиной был странный запах в комнате. Казалось, что кто-то сдох или через вентиляцию пустили воздух от мусорных отходов. Обследовав номер, я обнаружил, что запах идёт из пакета с дурианом. Зародилась мысль, что нам продали несвежий фрукт. Однако, я отбросил её: его же разрезали на наших глазах и он выглядел совершенно свежим. Я упаковал его ещё в два пакета, всего получилось четыре слоя полиэтилена, которые туго завязал. Комнату пришлось проветрить.

После ужина мы немного поплавали в бассейне, поиграли на бильярде и выпили в баре. В номере мы оказались около часу ночи. Там невозможно было дышать, глаза слезились, к горлу подкатывал комок. Я с трудом удержался от того, чтобы не метнуть проклятый фрукт с балкона в черноту ночи. Было жалко денег и наших мучений. Мы завязали дуриан ещё в один мешок и положили в холодильник. Комнату опять проветрили. С трудом удалось как-то заснуть.

В три часа ночи в дверь постучали. Заспанный, я открыл дверь. Горничная на ломаном английском сообщила, что у них в гостинице не разрешается держать дуриан, он мешает отдыхать другим туристам. В бешенстве я рвался выкинуть проклятый фрукт. Меня держали за руки. Мы выставили пакет на балкон и плотно закрыли дверь. Свежий морской ветер разносил запах в открытые окна отеля. Мы злорадно заснули.

Когда мы в аэропорту встали в очередь на регистрацию, служащие издали стали беспокойно осматривать очередь. Мы делали вид, что увлечены интересным разговором и недоуменно оглядывали окружающих. Когда подошла наша очередь, нам строго заявили, что провозить дуриан на самолётах запрещено, поскольку это угрожает безопасности полётов.

И тут мы сдались. С облегчением я опустил пакет с дурианом в урну. Урну немедленно унёс служащий аэропорта. В самолёте мы спали безмятежным сном. Впервые за трое суток.

АБРИКОСОВАЯ ЧАЧА

Мы были в Гудаури, катались на горных лыжах. По утрам ходили за абрикосовой чачей к Амирану. Тот обычно предлагал попробовать волшебный напиток.

— С утра не пью, — сказал я и сделал жест, как на советском плакате.

— Послушай, я не предлагаю тебе пить.

— Все равно не буду, не уговаривай, дорогой, мне ещё работать.

— *Какой работа* помешает немного хорошего грузинского вина?

— Никакой работе не помешает, Амиран, но я потом не остановлюсь. У вас очень вкусные напитки, я не могу устоять.

— Послушай, ты много не думай. Много мыслей — много грустей. Ты сердцем решай, как оно скажет, так и делай!

— Амиран, послушай, ты хороший человек, но я с утра не буду.

— Э-э-э, ты тоже хороший человек. Почему двум хорошим людям в такой замечательный день не выпить по рюмке абрикосовой водки?

— Потому что я хороший, но слабый.

— Так я и предлагаю тебе стать сильным. Ты же хочешь выпить, вот и будь мужчиной!

— Мне казалось, мужчины в другом проявляются.

— Э-э-э, уважаемый, ты не прав. Мужчины ВО ВСЕМ проявляются. Сам подумай.

И мы выпили. Потому что глупо не выпить с тем, кто настолько безупречен в логике.

Остров Дней Физика

ДЖЕНТЛЬМЕН

После банкета на Дне Физика Александр Чилингир просыпается в общежитии физфака в главном здании МГУ в костюме и начищенных ботинках на белоснежных простынях. Трудно открываются глаза. Медленно обводит взглядом комнату.

— Господа, а почему я в костюме?

Взгляд его обращается вправо, и он видит совершенно обнажённую женщину рядом с собой.

— Ах, ну да, ведь я же с дамой!

УЧИТЬСЯ, СЫНОК

Саша Чилингир рассказывал, что когда приехал после первого курса домой, вся семья собралась за большим столом торжественно отметить это событие. Папа открыл бутылку шампанского и спросил сына с понимающей интонацией в голосе и ленинским прищуром:

— Наверное, пили в общежитии-то?

— Что ты, папа! — ясные и честные глаза студента Саши развеивали все сомнения.

— Тогда учись, сынок, разливай!

И только когда Саша разлил бутылку шампанского без остатка на тринадцать персон абсолютно поровну, он понял, что выдал себя с головой...

КАК ЧИЛИНГИР МИЛИЦИЮ ПОСТРОИЛ

Саша Малинка рассказывал. Было это на VIII Всесоюзном Дне Физика в Москве. Чилингир тогда читал текст «Ядрёная бомба». Делал он это, будучи одетым в мундир полковника. А перед текстом выходил Игорь Рудой в форме капитана и докладывал: «Товарищ полковник, зал к прослушиванию лекции по гражданской обороне готов».

Так вот, после концерта, как и положено, завалились мы в МГУ на банкет. И тут выяснилось, что всё хорошо, еда и питье есть, да вот только места, где можно было бы весело провести время, отсутствует. А толпа — человек сто, наверное. Эта пьяная кодла ломает дверь в какой-то зал, где удобно располагается и начинает веселиться.

Только через пару часов этих посиделок появляется комендантша этажа и, в совершеннейшем шоке спрашивает, что это мы тут, собственно говоря, делаем. Естественно, все уже в таком состоянии, что вразумительно ответить ей никто не может. Она ставит ультиматум, что если мы сейчас же все не покинем помещение, она вызовет милицию. Всем — наплевать. Организаторы — неизвестно где.

Приходит милиция. На переговоры выходит пьяный, но суровый Чилингир, который все ещё в полковничьей форме, и строго спрашивает: «А в чём, собственно дело?» Милиция мнётся. Конечно, они не у него в подчинении, но всё-таки — полковник, а у них в наряде старше сержанта никого нет. Ну, они объясняют, что дверь, мол, сломали, никто вас сюда не звал, сами — неизвестно кто, да и вообще шумите ночью, людям спать не даёте.

Чилингир всё это выслушивает, разворачивается и громко поставленным голосом командует: «Капитан! Через час сворачиваемся!» И уходит. К комендантше подлетает капитан (Рудой), хватается за голову, выпучивает глаза и начинает: типа, а что вы ему сказали, ой что сейчас будет, это же полковник, вы не представляете, какой кошмар...

Комендантша отпускает милицию, мол, всё в порядке, и запуганно так интересуется, а всё ли так плохо, может можно что-то исправить. Рудой говорит: «Вы не понимаете! Это же — ПОЛКОВНИК! Бегите к нему и просите, чтоб никуда не уходили, может быть, вам и удастся его уговорить». И что вы думаете? Таки она его уговорила! Во всяком случае, до утра нас никто больше не беспокоил.

МЕТАМОРФОЗЫ

После выступления был банкет. Это такая примета: если было выступление, значит, будет банкет. Неважно, хорошее выступление или плохое. В этот раз мы победили на КВНе химиков, и это было приятно. Так что банкет был шумно-поздравительный, с огоньком.

Мы уже давно не были студентами, но игра весёлых и находчивых не отпускала. Сегодня мы помогали нашей физфаковской студенческой команде бороться за университетский кубок КВН. Дело происходило в ДСВ — доме студентов на Вернадского, университетском общежитии.

Под влиянием приятных впечатлений от игры и осознания собственной гениальности мы с Михалычем хорошо посидели, и сердобольный член команды студентов Миша Кулешов повёл нас под руки спать в общежитие.

Он привёл нас в комнату и уложил на койки. Михалыч умильно блеял, я задорно хрюкал. Мы играли в зоопарк. Миша посмотрел на нас, улыбнулся и ушёл, бросив на прощанье: «Спите уже, дедушки».

Однако спать нам не хотелось, и мы продолжали куролесить, издавая звуки разных животных.

Через некоторое время дверь отворилась и в комнату зашёл какой-то незнакомый студент. Это никак не повлияло на наше настроение. Даже если в комнату сейчас зашёл бы Фидель

Кастро, то мы и ему бы прохрюкали гимн кубинской революции.

Немного нас послушав, студент присел ко мне на койку и вдруг участливо спросил меня:

— Послушай, как тебя зовут?

— Гукер, — продолжая хрюкать, сказал я.

— А настоящее имя у тебя есть?

— Есть, — хрюкнул я.

— И как оно звучит?

— Гукер, — сказал я и весело захрюкал.

Студент несколько опечалился таким поворотом событий, но не отстал.

— Ну, ладно, Гукер. Посмотри на себя. Ну, что ты представляешь? Ты же ЧЕЛОВЕК. А ты хрюкаешь, как свинья. Ну, чем ты занимаешься по жизни?

— Я — начальник отдела маркетинга, — хрюкнул я в ответ.

— Ну, какой ты начальник, да ещё и маркетинга, господи...

— Он действительно начальник отдела маркетинга, — Михалыч радостно заблеял на соседней койке.

— Да ладно уж, молчи. Ты на себя посмотри, чучело. Ну, кем ты можешь быть в жизни?

— Я — председатель правления банка, — проблеял Михалыч. Смех душил его и, казалось, он сейчас задохнётся от своего блеяния.

— Ага, председатель правления, как же... Ладно, спите алкаши.

И он ушёл, расстроенный за все человечество. Мы ещё немного похрюкали и заснули.

Наутро я добрался до дома, побрился, принял душ, погладил рубашку и, приведя полностью себя в порядок, отправился на службу. Там меня закрутили дела, требовалось сдать сразу несколько отчётов, и я провозился до обеда. В процессе работы мне потребовались выписки из банка, и я спустился вниз.

В операционном зале я повстречал Михалыча, который распекал начальника кредитного отдела за какие-то его провинности. Я терпеливо ждал поодаль, когда он закончит экзекуцию и соизволит ко мне подойти.

Тут открылась входная дверь и вошёл наш знакомый студент. Мы с Михалычем не обратили на него никакого внимания, зато он встал как вкопанный и стал таращить на нас глаза. Наконец Михалыч заметил меня, бросил своего подчинённого и подошёл ко мне:

— Ну как ты, живой?

— А то! Нормально. Дел только много. Работать совсем не хочется. Я сегодня — муляж сотрудника в натуральную величину.

В это время студент подошёл к операционистке и задал один-единственный вопрос:

— Скажите, а вот тот человек, он кто?

— Это наш председатель правления банка, — сказала операционистка.

— Понял, — коротко сказал студент и вышел.

Видимо, в этот момент мир в его голове открылся с новой, неизведанной доселе стороны.

ПОЧЕМУ Я НЕ ШВАРЦЕНЕГГЕР

Мы ехали в Одессу на День Физика. На станции Бахмач всё кончилось. Выскочили на перрон — огромная очередь за пивом. Угрюмо встали в конец без надежды успеть до отхода поезда. Кузин побежал к задней двери в надежде договориться с продавцом. И вдруг обнаружил, что дверь между подсобкой и основным помещением закрыта. Сознание помутилось. Он схватил два ящика пива и понял, что не донесёт. Схватил один и побежал, побежал, ни на кого не глядя, не смотря под ноги, мимо удивлённой очереди, мимо обрадовавшихся нас, — прямо

в вагон. Мы — за ним. Прибежали. Поезд отошёл. Все были довольны, кроме Вити Пенкина, он всё твердил, что нас арестуют. Только Кузин сокрушался: «Ну почему я не Шварценеггер... Надо было два ящика брать...». Ящик из-под пива мы выкинули из окна поезда на ходу.

К ЧЁРТУ ПОДРОБНОСТИ

В Одессе, будучи на очередном Дне Физика, пьяные студенты Шафранов и Роголёв заснули в такси. Шофёр долго пытался их разбудить.

— Ребята, таки вы скажете, наконец, куда вам ехать?!

Роголёв посмотрел на таксиста мутным взглядом.

— Нам в ФДС.

— Шо такэ ФДС?

— Это студенческое общежитие на пересечении Мичуринского и Ломоносовского.

— И где ж такие улицы?

— А мы где?

— Мы, господа, на перекрёстке Пастера и Карла Маркса.

— К черту подробности, город какой???

ХОЛОДИЛЬНИК

Дело было в 1991 году, в Одессе. Приехали мы на День Физика. Поселили нас, как всегда, в ленинской комнате. А физтехов разместили в красном уголке. Ну, понятное дело, был банкет по случаю Дня Физика. Набузукались все до полного изумления. Утро. Хмурые спускаемся к физтехам.

— Братцы, — говорим, — у вас пиво есть?

— Конечно, — отвечают с издёвкой, — вон в холодильнике стоит.

Открываем холодильник — пусто.

— Раз так, — говорит Зотин, — тогда мы сейчас пропьём ваш холодильник!

— Пропивайте, — говорят физтехи и норовят уснуть, ни на что не реагируя.

Тогда Старина Зотин пишет пропуск и подписывается ректором. Мы берём холодильник, отдаём при входе пропуск вахтеру и выносим холодильник из общаги. Несём на Новый рынок.

И тут нас останавливает милиционер! В этот момент я струхнул не на шутку. Однако бумажка, подписанная Зотиным, и тут сыграла свою роль.

Приносим на рынок. Встаём за прилавок среди морковки и капусты. Цену поставили небольшую, примерно равную пятидесяти кружкам пива. Стоим. Народ ходит, интересуется. Подходит тётенька. Спрашивает, работает ли агрегат. «Конечно», — отвечаем. «Ну, — говорит, — у меня тут знакомая в ларьке работает. Давайте его проверим». Тащим в ларёк. Втыкаем в сеть. Загорается лампочка. Тут я так неподдельно удивился, что тётка засомневалась.

Зотин говорит: «Надо идти в те ряды, где технику продают». Тащим. Справа мужик продаёт неработающие утюги, слева тётка — использованные лампочки.

Стоим. Нет покупателя.

Интересуемся у местных:

— Кто тут покупает холодильники?

— Да есть тут один, — говорят, — Петя Шпендлер зовут, маленький такой, в кепке.

Находим Петю, и происходит следующий диалог.

— Здравствуйте, Петя.

— Здравствуйте.

— Петя, у вас есть сто тысяч, а у нас есть холодильник. Давайте меняться!

— Ой, боже ж мой, если бы у меня было сто тысяч, разве я покупал бы здесь холодильники?!

Последняя надежда была убита. Появилась предательская мысль бросить эту гробину здесь и бежать. И вдруг появляется мужик, недолго осматривает наш аппарат и после недолгой торговли покупает!

Идём в «Рейстаг» — известный пивной зал на Новом рынке и покупаем пива. Много. Самим не выпить. Приходится нести в общагу. На лестнице встречаем физтехов.

Остров ЖЗЛ

ПРО АНДРЕЯ МИРОНОВА

Моя мама всю жизнь проработала театральным художником по головным уборам. Это тот, кто делает шляпы, короны, кепки, шапки и прочие панамы для театра и кино. Музыкальный театр им. Станиславского, киностудия им. Горького, хор им. Пятницкого, Театр сатиры — вот лишь немногие из её мест работы.

С раннего детства таскала она меня по разным спектаклям. То оставить меня не с кем, то она сама хотела мне показать какой-нибудь хороший спектакль. Она шутит, что в театр я начал ходить ещё задолго до моего рождения (когда она была беременна), а ей приходилось ездить на примерки. Дело в том, что в советское время приходилось работать и во время декретного отпуска, чтобы свести концы с концами. Впрочем, наверное, и сейчас многие будущие мамы вынуждены трудиться.

Мне было 14 или 15 лет, когда мама повела меня на «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в театре Сатиры. Она делала головные уборы для этого спектакля. В главной роли был великолепный Андрей Миронов. Весь спектакль я просидел, затаив дыхание. В антракте искал в фойе фотографии артиста.

После спектакля мы прошли за кулисы. В гримерке сидел усталый, выжатый как лимон Андрей Александрович. Меня поразило его какое-то старое лицо, всё в оспинах, и удивительно живые глаза. Невозможно было поверить, что этот человек только что с лёгкостью и невыразимым изяществом порхал по сцене.

— Это мой сын, Андрей Александрович — представила меня мама. Он протянул мне руку.

— Как тебя зовут?

— Илья.

— Хорошее имя, — одобрил он, — кем в жизни хочешь стать, Илья?

— Андреем Мироновым, — выпалил я и покраснел, как школьница.

— Не советую, — засмеялся он.

Через девять лет его не стало.

До окончания школы я бредил театром, играл в школьных спектаклях, мечтал о сцене. Потом перестал, мне понравилась физика и пришло понимание, что с моей дикцией (я сильно заикался) нечего и думать об актёрской карьере.

Уже потом, учась на физфаке МГУ, я пришёл в агитбригаду, стал выступать в студенческом театре, играть в КВН. И почти перестал заикаться. Сцена помогла мне поверить в себя. Но и сейчас я уверен, что на это желание актёрствовать коренным образом повлиял великий артист с усталым лицом в гримёрке Театра Сатиры.

КОСТРАЦИЯ ВНУКА ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА

Я был знаком с внуком великого художника Василия Дмитриевича Поленова — Фёдором Дмитриевичем. Это был большой, массивный человек с окладистой бородой и седой шевелюрой художника прошлого века. Мы при встрече обменивались рукопожатиями. Мне было четырнадцать, ему — за шестьдесят.

Однажды я приехал на рейсовом трясучем автобусе и встретил Фёдора Дмитриевича у ворот его усадьбы.

— Здравствуйте, Илья, — оглаживая свою величественную бороду, значительным басом произнёс он. Он всегда называл всех на вы.

— Здравствуйте, Фёдор Дмитриевич.

— Знаете, Илья, а ведь сегодня мы будем заниматься кострацией...

Я несколько опешил. Прямо скажем, это не входило в мои ближайшие планы. Не зная, что сказать, я пролепетал что-то бестолковое, типа «давно пора».

— Я имею в виду, будем жечь костры, — весомо произнёс Фёдор Дмитриевич, — я решил вырубить старый яблоневый сад и посадить новый.

И он степенно зашагал в сторону знаменитого дома своего великого деда.

МАСКА ВЫСОЦКОГО

Гуляя в обеденный перерыв по Таганке, неожиданно увидел указатель «Государственный музей В. С. Высоцкого». Ничего себе, думаю. Володя, распивая портвейн где-нибудь в подъезде, никогда бы не поверил, что появится его государственный музей. Пойду-ка посмотрю на мифологизированного Высоцкого.

Прихожу. Нормальное двухэтажное здание. Это даже не просто музей, а музей-творческий центр, где устраиваются вечера бардовской и другой песни. Билет — 50 рублей для взрослых, 30 рублей для студентов.

Пустовато. Со мной в залах только кучка студентов. Мальчики и девочки, как слышно по разговору, не из Москвы.

На первом этаже — небольшой концертный зал, экспозиция на втором. Много фотографий. Афиши спектаклей, программки, заявления с просьбой отпустить на очередные съёмки или на концерт. Черновики стихов, костюмы из кино, записочки из зала с концертов. Мило, трогательно, но к Высоцкому как-то не клеится этот мемориальный стиль. Посмертная маска совершенно нормального вида, никаких признаков болезни или смерти.

На втором этаже воссоздан кабинет Владимира Семёновича. Самоструганные полки для книг, узкая кроватка, письменный стол. На столе — посмертная маска. «Это маска Высоцкого?», — спрашивают мои попутчики-студенты. Стоп, маска на первом этаже, — быстро соображаю я. Быстро понимаю, что это Пушкин — острый нос, характерный разрез глаз. Экскурсовод подтверждает мою догадку. Хороши студенты, держать свою посмертную маску на письменном столе — это слишком даже для Высоцкого.

На этом же этаже воссоздан кусок дачи. Вагонка на стенах, глиняные чашки, мебель 60-х годов. Фотография дачи снаружи — типовой щитовой дачный домик с уродливыми досками на участке, проложенными, чтобы не ходить по грязи. Таким совком тянет, сил нет.

На витринах комсомольский билет, путёвка. Письмо бабушке, что учится плохо и по поведению одни двойки. Быт простого советского школьника. Плёночный магнитофон «Волна», на который друг записывал его песни.

Ну не может в России талантливый поэт жить счастливо. Стихи, наверное, тогда не пишутся хорошие. Нужно страдать. И Высоцкий нашёл себе страдания, хотя, в общем-то всё у него было счастливо: огромная популярность, француженка-жена и любимое творчество. Ан, нет. Яркий взлёт, бешеная жизнь и несуразный конец поэта.

АНТОНОВ, КАК ЖИВОЙ

Шёл девятый день нашего пребывания в Таиланде.

Мы с Михалычем сидели в теньке у стойки бара на тростниковых табуретах и лениво потягивали халявное пиво, у нас было «всё включено». Океан пестрил белыми барашками волн. Пальмы сексуально покачивали кокосами. Было жарко. В воздухе разливалась южная нега.

- Смотри, вон Антонов валяется на полотенце.
- Не-е, это не Антонов. Просто похож.
- Да Антонов, тебе говорю. Юрий Антонов. Точно он.
- Не-е, не он.
- Он! Давай поспорим?
- Ну, давай... А как ты проверишь?
- Да подойду и спрошу.
- Да ладно? — Михалыч недоверчиво отхлебнул пиво.

Я спрыгнул с табурета и неспешно пошёл в сторону бассейна. Чайки кружили над океаном. Тонкие девушки плескались на воде. Официанты сновали с подносами. Я подошёл и, тыкнув в живот мужика, спросил:

- Товарищ, вы Антонов?
- Ну, Антонов. Дальше что?

Было видно, что этот вопрос он слышит за сегодняшний день раз примерно в пятидесятый.

- Ничего. Просто спросил.
- А тыкать зачем?
- Я думал, вы умерли...
- Пока нет.

Антонов встал, повесил полотенце на плечо и зашагал к океану.

**Остров
«Лучшее Место на Земле»**

ДАЧА ЗИМОЙ

Когда вы приезжаете зимой на дачу, то перво-наперво надо затопить печку. Надеюсь, вы в прошлый раз были настолько умны, что притащили дров в дом, и они успели высохнуть. Наколите мелких щепочек, положите побольше мятых газет, и огонь весело зашумит в вашей печи.

Затем достаньте припасённую бутылку водки и киньте её прямо в снег у крыльца, пусть охлаждается. Достаньте замёрзшее сало с розовыми прожилками на срезе, отрежьте тонкие ломти. Почистите чеснок и порежьте его круглешками. Положите сало на чёрный бородинских хлеб, а сверху на него — чесночок. Бегите за водкой.

Налейте водку в большую рюмку или в стакан. Некоторые пьют водку маленькими рюмками, но это глупость и самообман. Так водка не приносит удовольствия, а только портит ваше здоровье. В снегу водка уже остыла и льётся густой медленной струёй. Налейте не меньше соточки, это самый правильный объём для первой порции.

Теперь пейте! И немедленно закусывайте салом с хлебом и чесноком. Теперь можно посидеть у печки и посмотреть на огонь. Чувствуете, как огненная жидкость растекается по вашему организму?

Не тяните. Почти сразу надо налить вторую и выпить, иначе это уже официальный приём какой-то, а не ваша собственная дача зимой.

После второй пора наливать привезённые щи. Как, вы не поставили их греться на печку?! Я же вам говорил... Ставьте сейчас, и до них придётся выпить третью. В щах, запомните, должно быть много мяса, иначе это не щи, а просто капустный суп.

Щи разогрелись, большим половником наливайте их в тарелку. *Дымячий* аромат дурманит голову и *бруталит* мозги. Но у нас есть хорошее средство. Как говаривал профессор Преображенский, закуска должна быть горячей. Год не пей, два не пей, а под горячие щи выпей.

После этого всё равно, что и как делать. Приезд на дачу вы выполнили правильно, поэтому удача будет вам сопутствовать, что бы вы ни вытворяли, а поле для свершений необъятное, не так ли?

ЗА ГРИБАМИ

Приехали мы в пятницу на свою любимую дачу с твёрдой уверенностью в субботу рано утром отправиться в лес за грибами. Быстро поужинали и легли спать.

Встали рано, ещё затемно. Выпили кофе, нашли корзины, тронулись в путь. И тут пошёл дождь.

Одеты мы были в непромокайки, на ногах — сапоги. Решили всё-таки идти. Зашли в лес, там дождь был значительно меньше поначалу. Листья деревьев задерживали капли. По стволам текла вода.

В лесу было море лисичек, просто море. Жёлтенькие пятнышки усыпали лесные поляны, как веснушки нос девчонки. Мы принялись их косить. По рукам текла вода и они мёрзли.

Заметно потемнело. Видимость упала до нескольких метров. Дождь усилился, стал пробиваться через деревья. Стоял глухой шорох от капель по всему лесу, и кроме него ничего не было слышно. Наши ауки не долетали, и мы несколько раз теряли друг друга. Лес глухо бормотал что-то себе под нос в надежде напугать нас неизвестностью.

Наконец мы нарезали две полные большие корзины грибов. Наша одежда была мокрая до нитки. Продрогли как цуцики.

Дождь хлестал не только сверху, но и сбоку, и даже, кажется, снизу. Побрели с тяжёлыми корзинами обратно.

Вернувшись домой, мы первым делом сменили мокрую одежду на сухую и тёплую, растопили печку. Мама принесла нам по тарелке борща, порезала сала с чесноком, налила по рюмке водки.

Мы сожрали борщ, выпили водку и залезли под пуховое одеяло. Печка тихо потрескивала дровами. По телу разлилась тёплая, мягкая истома, и, счастливые, мы уснули.

ПАЛЫЧ-ПАЛАЧ

Я уговаривал их не ходить к Палычу. Ничем хорошим это кончиться не могло. Сколько раз уже так было. Но в нас плескалось грамм по триста волшебной жидкости, и мы пошли.

Мы шли бархатной летней ночью через деревню. Вдали лаяли собаки. Огромная лунища висела рыжим блином над лесом.

— Короче, мы там задерживаться не будем. Зайдём, по стопке тяпнем с Палычем — и домой, — инструктировал я друзей.

— Не бойсь, мы и не в такие гости хаживали, — бравадили они.

Гремели цикады. Друзья плавно покачивались на ветру. Им было весело, а я уже знал, чем всё кончится.

— Ни в коем случае не соглашайтесь пробовать его настойки, только водку, — напирал я.

— Не бэкай, — залихватски отвечали храбрые мои друзья, — всё будет нормуль.

Наконец мы добрались до дома Палыча, вошли в калитку, поднялись на крыльцо. На веранде горел свет. Я несмело постучался.

— Да-да, заходите, — гостеприимный огромный Палыч поднялся из-за стола.

Мы обнялись.

— А это мои друзья: Саша и Лёша, — представил я дружков-пирожков.

— Заходите, мужики, будем знакомы — Палыч.

Палычу за семьдесят, но он могуч, как землепроходческий щит. Ну, знаете такой огромный подземный экскаватор, которым туннели для метро роют. И похож на него характером. Рост у него под два метра. Купается в любую погоду. В прошлом году отодвинул руками «Жигули», которые мешали проезду его машины.

Мы прошли и расселись.

— Вот, мужики, попробуйте моей хреновухи...

Часа через два я обнаружил себя на берегу пруда. Рядом покачивался Лёха.

— А где Жданов?

— Там, — обречённо уронил Леха, — и вознёс свой перст по направлению к дому Палыча.

Хуже было некуда. Надо было как-то эвакуировать нашего товарища. Постепенно в наших головах созрел гениальный план. Мы крались к дому Палыча как ниндзи. Рывком открыли дверь, ворвались вовнутрь. Палыч и Жданов изумлённо воззрились на нас.

Я уверенно, но нетвёрдыми шагами подошёл к столу, вынул из рук Жданова рюмку, поставил на стол. Лёха взял его ноги, я взял подмышки, и мы понесли его на улицу. Всё это происходило в гробовом молчании, никто не проронил ни звука.

Только когда мы были уже у калитки, мы услышали грозный рык Палыча:

— А на посошок?!

— Пока... — прошептал грустно Сашка и уронил голову.

Мы ускорили шаги. Сашка болтался между нами, как дохлый сазан. Голова его моталась из стороны в сторону. Около пруда Сашка неожиданно ожил, вырвался из наших нецепких рук и бросился в воду. Мы кинулись его доставать. Долго и бестолково барахтались. Он был тяжёлый в намокшей одежде, и мы долго тащили его на берег. Очень хотелось его утопить. Наконец, после длительной борьбы выволокли его. Мы были грязные, усталые и злые. А он даже повеселел. Пошли дальше к дому, он шёл почти сам, поддерживаемый нами с обеих сторон. Холодная вода немного освежила его. От него так и веяло благоразумием. Шагах в двадцати от дома он неожиданно рванулся и вцепился обеими руками в тощую берёзу. Отодрать его не было никаких сил. Мы долго увещевали его, манили стопкой, даже пытались несильно лупить. Дико хотелось спать. Потом мы плюнули и двинулись домой, резонно рассудив, что он замёрзнет в одних трусах и придёт сам. Услышав наш сбивчивый рассказ, моя сердобольная жена ушла в ночь и сразу привела его, уложила спать. Мы-то уже давно спали. На часах было около пяти утра.

Утром я поил Сашку пивом, он сильно ругался на Палыча. Но и осторожно интересовался, как всё вчера было.

С тех пор у Палыча появилась грозная кличка — Палач, а мои друзья, когда выпьют, то неизменно просят к нему в гости.

ПОЭМА О ДАЧЕ

Я всё-таки очень домашний человек. Никакие путешествия с их потрясающими красотами не могут для меня сравниться с тихим велегожским утром, когда я сижу под липой, попиваю с похмелья красное винцо и перечитываю Эфраима Севелу.

То есть, конечно, мне любопытно увидеть самую большую сковородку в мире. Не говоря уже о пирамидах. Но это — картинка, слайд, оживший дагерротип.

То ли дело, братцы, дома. Надо, надо вставать рано утром. Тем более, что ты — жаворонок. Накатить лёгкого винца, выйти в сад, опереться о кривую яблоню и прошептать тихо-тихо: «Люблю...»

Ну, представьте, как смешон и жалок человек, опирающийся нетрезвым телом о развалины Парфенона и шепчущий при этом «люблю». А ведь этим человеком может оказаться каждый из нас. Или турист, проболтавшийся в автобусе сотню миль для лицезрения какого-нибудь Тадж-Махала, прости господи. Потный, пьяный приползает он к очередной достопримечательности, чтобы потом потешить собственное эго размещением очередных никому не нужных фоток в интернете.

То ли дело на даче. Утренний кофе на веранде должен сопровождаться поджаренными тостами и каким-нибудь мясным деликатесом. Например, сделанные мамой домашние колбаски с чесноком и зеленью. Но переедать не следует — скоро за работу. Утренний кофе — мантрическое время, период раздумий и размышлений. А ещё это время построения планов на день.

После завтрака — дачные работы. Кстати, мною замечено, что если не поработать перед обедом, то и пиво не такое вкусное, и суп, и нет того кайфа, как после плодотворной и напряжённой работы. Стрижка газона, водопроводные работы, плотницкие дела, руководство строительством веранды, планировка местности под новый газон, канализация — вот лишь немногие работы, которыми мне приходится заниматься на даче.

Но за всеми делами надо не забыть заквасить шашлык на вечер. Я делаю его так. Разделяю мясо (свиную шейку или лопатку) на не очень крупные куски, режу репчатый лук, перемешиваю, заливаю лимонным соком и специями из пакетика «Для шашлыка». Специй много, мясо должно быть

покрыто ими. Солю. Ещё раз перемешиваю и ставлю в прохладное место.

После работ хорошо принять прохладный душ. После него чувствуешь себя заново родившимся. Наступает обеденное время и можно прийти под липу и отведать ледяного пива с жареной мойвой. Мойва — вообще удивительный продукт. И хотя я к ней равнодушен, факты говорят сами за себя. Где вы ещё отведаете совершенно потрясающее блюдо за пятьдесят рублей килограмм?! Моя мама готовит её просто волшебным образом. Клянусь, нет ничего вкуснее под пиво, чем грамотно жареная мойва.

Ну, а после можно откусать и супчику. Хороши летом зелёные щавелевые щи с яичком и сметаной. А вот харчо или мясную солянку определённо не рекомендую. Это блюда под водку, а водку летом пить совершенно не следует. Водка — это зимний напиток, летом же хороши пиво или холодное сухое белое вино. После супчика хорошо съесть салат из зелёного лука, салатного чеснока, самого салата, эстрагона и укропа. Желательно с грядки. Можно также мелко порезать молодые стрелки обычного чеснока, но немного.

После обеда кто куда, а я в люлю. То есть сначала можно немного почитать, чтобы глаза начали слипаться, а уж потом закутаться в плед по самый нос и провалиться в бархатное небытие часика на два.

Проснувшись и попив чайку, можно прогуляться до леса или сыграть с детьми в Румикуб.

А там пора уже и мясо готовить. Много лет я жарю шашлык, и только в этом году шашлычник на ВДНХ подсказал мне очень простую вещь: углей не должно быть много. Мангалы-то все низкие, и если углей много, то мясо снаружи горит, а внутри пожариться не успеет. Угли должны быть на дне мангала в один ряд. Если их много, то лучше стрести лишние в сторону.

Под шашлык — никакого коньяка (жарко!) — только сухое красное вино. На закате солнца в тёплый летний вечер отведать дымящегося шашлыка с крымскими помидорами под красное вино — это ли не блаженство. После шашлыка — киносеанс. Хорошо идут старые добрые советские фильмы. И вот уже полночь, и ваша голова превращается в тыкву — пора спать.

Сегодня только суббота, завтра ещё целое замечательное воскресенье! Вовсю поют соловьи, на деревне где-то далеко лают собаки, и ты засыпаешь с блаженной улыбкой на лице. Спокойной ночи!

ГДЕ ПОЙМАЮТ, ТАМ И ПРУД

Мама на даче выкопала пруд. Второй. Ну, конечно, не сама выкопала, а с помощью экскаватора. Я слегка... обалдел.

Сперва-то я взбеленился, аки чёрт. Ну, ничего себе, без моего разрешения на моей земле выкопали пруд. Да ещё и выставили меня на серьёзные деньги. Потом мудрость взяла верх. Я рассудил так, что пруд всё равно уже выкопан и деньги по-любому отдать придётся. Если ругаться — всё равно пруд не закопают. Так что уж лучше не портить отношения.

Привожу требуемые шестьдесят тысяч в выходные. Поехали отвозить деньги экскаваторщику. Расплатились, едем обратно.

— Илюш, мне так понравилось, как ты ему сказал «полное зеркало» про поверхность пруда. Ты уже втянулся.

— Конечно, мам, ещё пару прудов — и мы с тобой будем совсем профессионалами.

— Да, кстати, можно ещё за баней нашей пруд выкопать.

Я чуть не врезался. Справился с собой. Осторожно говорю:

— Может сделать некоторую паузу? Я ещё от последнего пруда не оклемался.

— Шучу, — говорит мама, — а ты что, поверил?

Остров Наших Детей

ВИНО И ШКОЛА

Жена позвонила прямо посреди совещания. Я говорю:

— У тебя что-то срочное? У меня совещание...

— Срочное! У Насти проблемы в лицее. Ты можешь сейчас поехать туда?

Я извинился перед акционерами и вышел из кабинета. Акционеры недоуменно переглянулись.

— Ты с ума сошла! У меня совещание с акционерами!

— Блин, что же делать... У меня ректорат через 40 минут, директор Роспатента припрётся, я не могу не пойти на встречу.

— А что там случилось? Что за катастрофа?

— Да не знаю, классный руководитель не сказала, но что-то серьёзное. Настю там держат.

— Что значит «держат»? Арестовали, что ли?

— Не знаю...

— Ты Насте звонила?

— Звонила, она трубку не берет. Всё, не могу больше разговаривать. Сможешь — съезди.

— Подожди, я тоже не могу...

В трубке слышались короткие гудки.

«Чёрт, — подумал я, — как не вовремя». Но ребёнок ведь важнее любых акционеров, не так ли? Я вернулся в кабинет.

— Коллеги, у меня появилась одна мысль. А что если брать не кредит, а оформить банковскую гарантию? Мы сэкономим на проценте, да и получить её можно быстрее. Давайте я просчитаю этот вариант, и завтра мы обсудим цифры.

Акционеры переглянулись.

— В принципе, интересно. А вы успеете до завтра посчитать?

— Ну, попробую, но завтра во второй половине дня. Идёт?

— Хорошо, в 16:00 встречаемся здесь.

Выйдя из кабинета, я моментально оделся и выскочил на улицу. Ехать на машине не имело смысла, по пробкам часа два тащиться, поэтому я заспешил к метро.

На входе в лицей меня остановил толстый и потасканный охранник с будёновскими усами.

— Меня к классному руководителю вызвали.

— К какому?

— К Ирине Петровне, — соврал я. Имени классного руководителя я не знал.

— Гм... У нас нет такой.

Чёрт, вот ведь какой знающий. Прямо не охранник, а завуч какой-то!

— Я не помню точно имени, — признался я.

— Ну, на каком факультете ребёнок-то учится?

— На гуманитарном.

— Ваша фамилия Смирнов?

Ого, думаю, видимо Настя действительно чего-то серьёзное натворила.

— Да, — отвечаю.

Охранник сардонически ухмыльнулся.

— Вам на второй этаж, направо по коридору, в кабинет директора.

Я поднялся на второй этаж, открыл дверь кабинета.

— Разрешите?

— Заходите, — за столом сидела милая на первый взгляд женщина с короткой причёской.

— Слушаю вас.

— Я — Смирнов, папа Насти Смирновой.

— А, Смирнов... — директор начала подниматься из-за стола. — Ну, проходите, Смирнов...

Я почувствовал себя учеником пятого класса в кабинете директора.

— Скажите, что натворила моя дочь?

— Скажу, конечно, скажу! Но вы сначала ответьте, у вас благополучная семья?

Фига себе, думаю, заходы.

— Да нормальная вроде, не жалуясь, — говорю, — семья как семья...

— Можно ещё вопрос?

— Конечно... Но, может быть, вы мне всё-таки расскажете...

— Скажите, вы пьёте?

— Да, — отвечаю. На этот вопрос я всегда отвечаю честно.

Гордость делает алкоголика харизматичным.

— Так... — директор повесила паузу.

— Но, позвольте, какое отношение...

— Имеет, — оборвала меня она, — имеет, и самое прямое!

Я почувствовал, что меня сейчас четвертуют.

— Прощу прощения, но что всё-таки случилось?!

Директор тяжело опустилась на стул.

— Ваша дочь...

Она сделала трагическую паузу.

— Ваша дочь принесла в лицей АЛКОГОЛЬ!

— Алкоголь?

— Да! АЛКОГОЛЬ!

Странно. Настю и шампанского-то за столом не заставишь выпить...

— Простите, и в каком виде был этот АЛКОГОЛЬ?

— Вы напрасно иронизируете, — насупилась директор, — сегодня на втором уроке я обнаружила в портфеле вашей дочери целую бутылку вина. Это скандал!

И тут я вспомнил. Сегодня утром я читал почту за компьютером, а Настя убежала в школу.

— Пап, я сегодня поеду к Жданову и повезу подарок Жене. Хочешь, я и бутылку вина захвачу, которую ты привёз для Жданова с Крита? А то неудобно — Жене привезу подарок, а ему нет...

— Отвези, конечно, — сказал я, не оборачиваясь.

И вот теперь из-за этой бутылки поднялась буря.

— Это моя бутылка. Я сейчас вам всё объясню.

— Ну, попробуйте, — директор поправила причёску и воззрилась на меня с плохо скрываемым неодобрением.

— Дело в том, что у меня есть друзья. Они художники...

— Тоже пьют?

— Ну, бывает, конечно, но дело не в этом...

— Я бы так не сказала.

— Подождите, дайте сказать. Так вот, мы недавно отдыхали на Крите, и я им в подарок привёз бутылку кипрского вина. Это бутылку вы и обнаружили у Насти, — торжествующе закончил я, надеясь, что теперь инцидент исчерпан.

— То есть Настя украла у вас вино, предназначенное для ваших дружков-алкоголиков?

— Да нет же! Что вы, ей богу! Я сам, понимаете, сам дал эту бутылку, — я начинал злиться.

— Вы отдали Насте вино, предназначенное вашим собутыльникам? Зачем?

— Да чтобы она передала его им! Что ж тут непонятного!

— То есть правильно ли я понимаю, что вы послали вашу дочь с вином к своим собутыльникам, так?

— Да не так! Не так!

— А вы не кричите, здесь на голос никого не возмёмшь, — директор резко снизила тон, обозначая официальность разговора.

Я выдохнул и попытался взять себя в руки.

— Послушайте, я просто попросил Настю передать подарок моим друзьям. Это что, преступление?

— Простите, как ваше отчество, — прищурилась директор.

— Илья Геннадьевич.

— Илья Геннадьевич, вы кем работаете, — она говорила со мной, как с умалишённым.

— Генеральным директором.

— Генеральным директором, — она скептически посмотрела на мои потёртые туфли. Тут зазвонил мой телефон.

— Извините. Да, слушаю.

Звонил один из акционеров.

— Илья Геннадьевич, не посмотрите, какая у нас средняя рентабельность по второму кварталу, пожалуйста.

— Сергей Павлович, я сейчас не в офисе. Можно я вам перезвоню через некоторое время?

— А, извините, конечно-конечно, когда вам будет удобно.

— Спасибо.

— Спасибо, до свиданья.

Я посмотрел на директора лица.

— Извините.

— Скажите, Илья Геннадьевич, вы исполняете свои обязанности генерального директора?

— Стараюсь.

— А как вы думаете, я должна исполнять свои обязанности?

— Несомненно.

— И как, по-вашему, я должна относиться к тому, что ученики университетского лица начинают приносить на уроки алкоголь?

— Вы сильно обобщаете. Эта бутылка просто лежала у Насти в портфеле. Она же не забухала её с подружками в туалете на перемене...

— Забухала?

— Ну, выпила...

— У вас какое образование?

— Физфак МГУ, потом кандидат экономических наук.

— Ну вот, вы же образованный человек!

— Вернёмся к нашей ситуации.

— Илья Геннадьевич, а если бы Настя принесла в лицей динамит — я тоже должна была бы успокаиваться тем, что она

его не взорвала?

— Вино — не динамит.

— Вино — хуже динамита!

Я понял, что этот разговор бесперспективен.

— Послушайте, давайте как-то переживём этот инцидент. Я готов принести извинения, помочь лицу, отремонтировать что-нибудь...

Директор встала и отошла к окну. Помолчала, глядя отрешённым взглядом на улицу. Потом обернулась ко мне.

— Ну, хорошо, но вы должны мне пообещать измениться.

— Конечно! — с искренностью сказал я.

— И перестать вовлекать дочь в ваши... развлечения!

— Обещаю!

— И, Илья Геннадьевич, ограничьте приём алкоголя, — тон её стал отеческим, — это очень плохо влияет на ребёнка, да и вас до добра не доведёт...

— Я постараюсь...

Директор подошла к сейфу, вынула многострадальную бутылку и передала мне.

— Спасибо, до свиданья.

— До свиданья, Илья Геннадьевич, — директор выглядела как человек, исполнивший свой тяжёлый, но почётный долг.

Я вышел из лица, дошёл до ближайшего леска, протолкнул пробку. Сделал несколько больших глотков. Господи, как сложно жить...

ДОЧЬ, ТЁЩА И НАРКОТИКИ

Тёща позвонила мне, когда я только приступил ко второму блюду в столовой.

— Илья, Настя принимает наркотики!

Я уронил вилку на пол. На меня оглянулось несколько соседей.

— То есть как, принимает наркотики? Какие? Откуда вы узнали?!

— Я их нашла у неё в сумке, — с придыханием проговорила Алевтина Владимировна, — Дуноит называются. Бумажный пакетик с белыми шариками!

У меня перехватило дыхание.

— Не волнуйтесь. Я вечером заеду, во всем разберёмся...

Я с трудом дождался до вечера, доехал до улицы Островитянова, поднялся на третий этаж. Алевтина Владимировна полезла в ящик комода, дрожащими руками достала белый пакетик и протянула его мне.

Я прочитал «Do No Eat!». От сердца отлегло. Я узнал абсорбент, который кладут в сумки и портфели для недопущения излишней влажности.

ЖЕНЩИНЫ-ПИРАТЫ

Ко мне на дачу приехал Жданов со своим внуком. Внука зовут Миша. Миша — человек серьёзный, четыре года как-никак. Очень любит пиратов.

— Миш, ну что ты всё о пиратах да о пиратах. Давай ещё о чем-нибудь поговорим.

Миша (значительно):

— Давай.

Хочется сбить его с серьёзности. Уж больно он суров.

— Миш, а давай, например, о женщинах поговорим?

Миша (размеренно):

— Давай...

Потом (подумав):

— А бывают женщины-пираты?

КОЛЕСО

Была пятница. Впереди маячила свободная суббота, и я предполагал расслабиться, выпрыгнуть из беличьего колеса повседневной жизни и предаться созерцанию основ мироздания, то есть заняться безудержной ленью — одним из любимейших моих занятий. Смотрели новости, и там показали рухнувшее в Японии колесо обозрения. Тут и дерни меня чёрт ляпнуть.

— Это что, — говорю, — вот у нас на ВДНХ самое большое в Европе колесо обозрения, 75 метров вертикальной высоты!

Ну ляпнул и забыл. Наутро в субботу слышу, жена Насте говорит:

— Хочешь прокатиться на самом большом колесе обозрения?

— Хочу, — конечно говорит Настя. С новым фотоаппаратом её вообще привлекает всё самое опасное и мерзкое.

— Вот и езжай с папой. А мне поработать над диссертацией надо.

— Э, товарищи, — говорю, — а меня вы не хотите спросить?

— Ты что, боишься? — говорит Настя с детским наивным прищуром и смотрит такими невинными голубыми глазами.

— Конечно, нет, — слышу свой голос, — поехали!

Жене-то что, у неё в молодости третий разряд по альпинизму был. Скалолазка ты моя, гуттаперчевая... Надо сказать, высоты я боюсь панически. Два метра для меня уже высокогато, на пяти у меня кружится голова, а на десяти я теряю сознание с последующими судорогами.

Приезжаем. Стоит высоченная круглая дура и медленно так поворачивается. Точно орудие пыток. Мне сразу привиделся кадр из какого-то фильма катастроф, где такое колесо слетает с оси и катится по улицам города, давя зазевавшихся прохожих.

— Давай, Насть, сначала съедим чего-нибудь, а то есть хочется, — говорю.

— Давай, — говорит Настя, — но потом сразу на колесо, ладно?

— Конечно! — говорю псевдободрым голосом.

Съели какие-то шашлыки. Стало легче. В конце концов, думаю, на миру и смерть красна, где наша не пропадала, жизнь трудна, зато коротка.

— Ну, пойдём, пап, — говорит Настя. И мы пошли.

А там такие две кассы и люди сразу делятся по признаку их пригодности к работе промышленными альпинистами. Направо — закрытые кабинки, налево — открытые. Вы, наверное, догадались, куда потащила меня Настя.

Сели мы, защёлкнули нас металлическими перильцами, как защёлками в крематории, полиэтиленовый пакетик я покрепче к груди прижал — и мы поехали. Самое сложное — оторваться от земли, все лётчики это знают. Когда верхушки деревьев уходят вниз у тебя под ногами, возникает ощущение зыбкости бытия и хрупкости человеческой жизни. Очень хотелось глаза закрыть, но Настя бы это не оценила. Папа должен быть героем.

Помню, катались мы на горных лыжах на Чегете и припозднились. В темноте съезжать на лыжах было совершенно невозможно, да ещё и снег повалил, видимость — ноль. Если спускаться на лыжах, то легко можно улететь куда-нибудь в гиблое место. Поэтому поехали мы на боковой канатке вниз, а там однокреселка, и идёт она на высоте метров эдак пятидесяти, вершинки огромных елей под ногами далеко внизу проплывают. Ветер, снег, ночь. Романтика. Креселку раскачивает. В общем, вниз доехали полными пельменями от страха и холода. Внутри и снаружи.

Вот и сейчас мне было несладко. Поднялись примерно на середину кольца обзора. Чувствую, помираю. Совсем жить не хочется. Думаю, вот лафа для самоубийц, перекинул две ноги через перилки — и полетел птицей на удивлённых зрителей.

Главное, вниз смотреть совсем невозможно. Ветер дует, металл поскрипывает, так и кажется, что сейчас клёпки начнут

вылетать. Сконцентрировался на ремешке Настиного фотоаппарата, а в голову всё равно всякие мысли глупые лезут. Типа, какой дядявася подшипники у этой фиговины смазывал и когда это было.

— Ну что, пап, страшно? — говорит Настя и улыбается иезуитски.

— Ещё чего, — говорю я бодро, — а тебе?

А сам её покрепче прижимаю, якобы для того, чтобы она не боялась. Вдвоём-то не так страшно...

— Нет, — говорит Настя, — давай фотографироваться!

А я руки от перил оторвать не могу. Не слушаются меня руки, подводят хозяина.

Делать нечего, стали фотографироваться. Лицо у меня на фотографиях — как у Александра Розенбаума, когда он пьяный у нас в кавалерийском полку на глазах у всех с лошади грохнулся (был такой случай).

Ну, а как за середину пути перевалило, так как-то полегче стало, всё-таки обратный путь, к земле-матушке. На подъезде к поверхности взору открылась ремонтная мастерская, полная старых ржавых деталей. Хорошо, что такие виды не при взлёте путешественникам показывают.

Сошли мы легко и свободно, земная твердь приняла нас с радушием. Особенно меня. Хотя она несколько покачивалась под моими ногами. Баюкала.

— Пап, ещё кружок? — спросила Настя.

— Да зачем, всё одно и то же, — сказал я, — давай я лучше игрушечку для тебя выиграю?

— Давай! — закричала радостная Настя и поцеловала меня в нос.

И мы побрели в сторону мячиков, баночек и прочих земных радостей. Подальше от страшного.

МИМО РТА

Просматриваю топ трекера на предмет новых сериалов. Дочка уже студентка, делает архитектурный проект. Рассуждаю вслух.

— О, Калифорникейшн... Так... Популярный и харизматичный писатель Хенк Муди пытается справиться с отсутствием музыки, которой в последнее время, видимо, абсолютно плевать на него. Творческий кризис он компенсирует алкоголем, наркотиками и, конечно же, красивыми девушками. То, что надо...

Стася: Это для старикашек.

Я: Ну да, то есть для меня. Мне нравится.

Стася: Он низкоинтеллектуальный.

Я: Знаешь, я интеллекта уже наелся за свою жизнь. И он не принёс мне счастья.

Стася: И всё мимо рта...

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ

— Ну что, будем доедать вчерашнюю уху или сварить куриный суп? — спросил я дочь поутру.

Мы вместе уже третий день переживали дома простуду.

— А ты клёцки умеешь делать?

— Умею, — сказал я.

Я в последнее время вообще всё умею готовить. Если интернет имеется, конечно.

Сварил бульон, замесил клёцки, начал порциями выливать тесто в бульон. Получались какие-то плоские лопухи, мало похожие на обычные клёцки.

Подошла дочь.

— Пап, а Ганнибал Лектор — это реальный чувак?

— По-моему, это вымышленный персонаж.

— Но, есть же такое слово — ганнибал? Ну, кто людей ест?

— Нет, слово — каннибал.

— А, точно. Я сейчас смотрю один сериал, так там один чувак приглашает к себе фээсбэшников и потом их съедает.

— Жесть, — говорю.

— А это может повлиять на мою психику?

— Может. Если много будешь смотреть. А если в меру — ничего страшного.

— Он ещё приглашает знакомых и их угощает. Как можно не заметить, что это человеческий язык в тарелке?!

Тут она переводит взгляд на кастрюлю и вдруг говорит:

— Я это не буду есть!

Я смотрю в кастрюлю. Там плавают большие белые языки...

Съела. Пришла за добавкой.

— Пап, вкусные у тебя клёцки получились!

— Ну, это ты, наверное, из вежливости.

— Да нет, папа, из вежливости такое не едят...

ЛЮБОВЬ

Мы были на даче. Вдруг звонит дочь.

— Папочка, я очень тебя люблю. Ты у меня такой хороший!

— Ты выпила? — спрашиваю.

— Нет, что ты...

— Что-нибудь купить хочешь большое?

— Да нет же! Я просто так...

— Разбила любимую мамину вазу?

— Нет!

— Ох, придётся теперь думать всю оставшуюся жизнь.

— О чем, папочка?

— О том, какой я законченный остолоп...

Рабочий Остров

ДУРДОМ

Я работал директором кофейного магазина на Алексеевской. По причине экономии и дабы поддержать молодое поколение студентов, мы набирали их в сторожа. Вот таким ночным сторожем работал у меня студент 4-го курса физфака МГУ Миша.

И вот работаем мы, работаем, и в один прекрасный день Миша пропадает. Не выходит неожиданно на работу. Поскольку он был непьющий, то я забеспокоился. Тихий паренёк, практически ботаник. Позвонили домой — домашние тоже не знают, где он. Детектив! Проходит неделя, другая, Миши нет. И вдруг звонок.

— Здравствуйте, Илья Геннадьевич...

— Миша, привет! Ты куда пропал-то?!

— Да тут, Илья Геннадьевич, неприятная история получилась...

— Какая история, рассказывай!

— Да очень неприятная, не знаю как даже и сказать!

— Да говори же, наконец, что случилось. Ты где вообще-то?!

— Да я вообще-то в дурдоме...

И выясняется следующее. Миша не очень уверенно чувствовал себя перед сессией и решил закосить. То есть взять отсрочку от экзаменов. Но сделал это несколько нетривиальным способом. Он пошёл к психиатру в поликлинику МГУ и сказал, что у него часто болит голова. Тот стал его спрашивать и Миша, для убедительности и желая получить академический отпуск, стал ему рассказывать, что ещё он слышит разные голоса, а иногда бывают у него удивительные видения.

— Отлично, — сказал психиатр, — вот вам конвертик, садитесь на 22-й трамвайчик и езжайте в больницу. Там вам и выпишут справочку для университета.

Миша так и сделал: сел на трамвайчик, проехал семь остановочек и пришёл в приёмный покой. Там его сразу и переодели. Больница оказалась имени Кащенко. В общем, позвонить ему дали только через две недели. А вытащить его оттуда мне удалось только через два месяца с использованием богатых связей моей мамы и обращения к главному психиатру города Москвы. Так что, господа, думайте, когда собираетесь косить от экзаменов.

ПОВАР БОРЯ

Мы отмечали первый миллиард. Рублей, конечно, а вы что подумали? Мы — это коллектив мелкооптового магазина, продававшего кофе коробками ларькам и магазинам. Первый Рижский переулок, дом 4. С 9 до 18 без выходных.

Компания была яркая. Лёха Галахов любил слушать танзанийских барабанщиков. Вачиган Азатович был бывшим военным лётчиком. Макс Старостенко знал массу анекдотов. Сторожа Денис и Миша были ещё студентами физфака МГУ, но уже пили коньяк. Борис был поваром, он даже отучился полгода в кулинарном техникуме. Я был директором всей этой шайки.

Это был 1993 год и деньги были совсем другие. Поэтому миллиард мы заработали за год работы. Среди наших клиентов попадались довольно любопытные личности. Был один майор из Екатеринбурга, который, когда приезжал, распахивал шинель, снимал рубашку, а под ней оказывалась майка, на которую, как пластины на бронежилет, были нашиты пачки с деньгами. Даже на трусы у него были нашиты карманы. На почётное место пришивались карманы с самыми крупными купюрами. На себе он привозил три миллиона рублей наличными. Золото, а не клиент.

С утра все были в нетерпении по поводу празднования миллиарда. К вечеру накрыли стол. Боря приготовил салаты. Денис с Мишей сгоняли за водкой. Вечер обещал быть томным. Приехало начальство из центрального офиса, выпило три рюмки, сказало три корпоративно выдержанных тоста и отвалило восвояси. Все вздохнули с облегчением.

Публика разогрелась. Вачиган Азатович танцевал с Денисом танго. Макс пытался налить себе водки в кувшин из-под цветов. Лёша отбивал ритм несуществующей мелодии. Миша тихо спал, положив голову на бутерброды.

— Илья Геннадьевич, а ведь у вас есть газовый пистолет, — ко мне подсел повар Боря.

Время 90-х было особым в нашей стране. Разгул преступности вынудил даже самых мирных граждан носить средства самообороны. Пришлось и мне закончить курсы и приобрести газовое оружие.

— Допустим, есть, — насторожился я.

— А вы знаете, что меня не берет никакой газ, сколько раз пробовал?

— Повезло тебе, — я поправил кобуру под мышкой.

— И что, даже если в тебя пальнуть из пистолета, тебе ничего не будет? — Макс оторвался от вазочки с водкой.

— Абсолютно, — гордо сказал повар Боря и вальяжно откинулся на стуле.

— Да ладно, — прищурился Лёша Галахов, — так не бывает.

Чувствуя себя в центре внимания, повар Боря совсем осмелел, налил себе рюмку водки, медленно выпил, закусил маринованным огурчиком и, глядя мутноватым взглядом, сказал:

— Ваще ничего.

— Давай пальнём, — сказал Галахов и тоже выпил водки.

— Я вам пальну! — сказал я. — Этого ещё не хватало... И кончайте пить в одиночку! Кто скажет тост?

— Я бы пальнул, — сказал Макс. Глядя на него всем было ясно, что он в таком состоянии и из гаубицы пальнул бы по товарищу.

— Да вообще ничего, даже глазом не моргну, — сказал повар Боря и ухмыльнулся.

— Геннадич, давай пальнём, а? — просительно сказал Макс.

— Да вы с ума сошли?!

— Геннадич, только разик, — наседал Галахов.

— Нет, нет и нет! Глупость какая...

— Слабо? — сказал повар Боря.

— Геннадич... — с укором сказали хором Лёша и Макс. Лица у них были, как у беспризорников перед раздачей бесплатного хлеба.

— Делайте, что хотите, — я устал с ними бороться, — только башку ему не отстрелите. Отойдите хотя бы метра на три.

— Конечно! — заорали эти трое экзекуторов, — а сколько там патронов?

— Вам и одного много.

Я выдал им пистолет. Все вывалили на улицу. Смеркалось. Кроваво-красное солнце отбрасывало на снег алые блики. Голые деревья грустно поводили ветками. Повар Боря встал у стены, как революционер перед казнью. Лёша отошёл метра на три, обернулся, поднял пистолет. Повар Боря нагло ухмылялся, его покачивало. Грянул выстрел. Взлетели голуби. С деревьев ссыпался снег.

Повар Боря упал и закрыл лицо руками. Все побежали к нему.

— Глаза, глаза целы?! — орал как сумасшедший Макс.

— Надо скорую, надо скорую, — причитал бывший военный лётчик Вачиган Азатович.

— Надо водой промывать! — кричал Леха Галахов.

Потащили повара Борю под струю воды, долго промывали глаза. Наконец он смог смотреть сквозь узкие щёлочки,

но слезы всё ещё текли рекой. Налили ему стопочку, он выпил, закусил. Откинулся на спинку стула и оглядел всех мокрыми глазами.

— Вообще ничего, братцы, — просипел Боря. Из глаз его текли счастливые слёзы.

ТРУДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Когда я приехал в наш магазин, я сразу почувствовал, что что-то произошло. Мои подчинённые увлечённо занимались работой, что для этих лентяев и лодырей было необычно. А ещё они не смотрели в глаза, и это был верный признак того, что произошло что-то серьёзное.

Я вызвал на кухню Лёху Галахова и осторожно стал расспрашивать. Он молчал. Наконец он раскололся, сказав что надо расспрашивать не его, а Вачика. Пришлось вызывать на кухню Вачигана Азатовича и пытаться его. Постепенно картина происшедшего стала проясняться.

У нас в магазине работала поварихой Соня — студентка физического факультета МГУ. Вачик и Соня сразу невзлюбили друг друга. Соня не любила людей кавказской национальности и считала Вачигана Азатовича грубым чурбаном. Вачик же считал Соню шалавой и презирал её всеми фибрами своей гордой кавказской души.

Готовила Соня *очень не очень*. И вот в тот день Соня сготовила очередной свой малосъедобный суп и накрыла на стол для обеда. Пришёл Вачик, попробовал суп, сморщился и пробормотал что-то вроде «Хоть бы раз что-то приличное сготовила, б... дь». Причём, последнее слово, как впоследствии было выяснено, было использовано как междометие. Соня, воспринявшая это междометие как свою личную характеристику, вспыхнула и со свойственной ей

непосредственностью заявила, глядя в лицо Вачигану Азатовичу: «Не хочешь, не жри, а б... дь — это ты сам!»

Кавказский менталитет Вачигана Азатовича не предусматривал снесение оскорблений от женщин, да ещё в такой откровенной форме. С детства его воспитывали по-другому. Глаза армянина налились кровью, в груди закипело, и разум переключился в другую фазу, совершенно не использовавшую мыслительные функции при принятии решений.

Он схватил со стола огромный нож и помчался за Соней с криком «убью, сволочь!». Соня, не будучи душой, поняла, что пахнет жареным, и рванула через торговый зал на улицу с криком «помогите, убивают». Выскочив из магазина, они резво загаллопировали по улице и скрылись в направлении метро «Алексеевская», оставив в некотором недоумении редких свидетелей этой сцены.

К счастью для всех участников представления, догнать Соню не удалось, и несколько запыхавшийся Вачиган Азатович вернулся в магазин, бормоча армянские кучерявые ругательства.

Теперь мне предстояло выступить в роли судьи и принять какие-то решения, поскольку оставить всё как есть не было никакой возможности. Провоцировать кровавую развязку я не имел права. Конечно, Соня была не права, сварив невкусный суп, но обзывать её матом всё-таки было слишком. С другой стороны, реакция на оскорбление была слишком агрессивной и граничащей с нарушением уголовного кодекса.

В результате я решил руководствоваться не морально-этическими правилами, а здоровым производственным цинизмом. Я уволил Соню, а Вачигана Азатовича лишил премии за месяц. Студентов-поварих пруд пруди, а хороших продавцов ещё поискать надо. Готовить надо вкусно, не умеешь — не берись!

А — АККУРАТНОСТЬ

Как-то я работал в дирекции Подольского экспериментального теплично-овощного комбината «Пэток». Комбинат шёл к банкротству. Предприятие было приватизировано, потом продано, потом ещё раз продано. Короче, наступили не самые светлые времена. Особенно большие долги накопились коммунальным службам: Водоканалу — 2,5 млн руб., Межрегионгазу — 2 млн руб., Мособлэнерго — больше миллиона рублей.

А на комбинате работала ещё с советских времён бухгалтер Роза Басыровна. Дело доходит до арбитражного суда, и генерального директора вызывают в суд. Слушается дело. И он замечает, что юрист Водоканала прямо-таки кипит от возмущения.

Надо заметить, что банкротство предприятия — процесс деликатный, я бы сказал даже — интимный. Тут важно аккуратно балансировать между интересами кредиторов, внимательно отслеживать требования, тонко оценивать риски и угрозы.

Судья зачитала иск, приступили к заслушиванию сторон. И вдруг юрист Водоканала возмущённо говорит:

— А ещё они цинично издевались над нами, мы потому и обратились в суд!

Оказалось следующее. На счету нашего предприятия-банкрота образовывались небольшие суммы — вплоть до нескольких копеек от продажи каких-нибудь ящиков или металлолома. Роза Басыровна, как ответственный бухгалтер, берёт и эти оставшиеся копейки аккуратно делит пропорционально долгу каждой организации — отправляет платёжки, например, на 37 копеек, на 17 копеек, на 28 копеек.

Водоканал, которому предприятие должно 2,5 млн руб., вдруг получает от него платёж. Все уже успевают обрадоваться,

как тут замечают сумму платежа...

И такое повторяется не один раз. Естественно, это расценили как циничное издевательство и подали в суд.

— Ну, спасибо вам, Роза Басыровна, — только и смог сказать при встрече бухгалтеру генеральный директор комбината.

СОРТИР-ЭКСПО

Выставка ISPO-2003 в Мюнхене. Главная европейская спортивная выставка. Восемнадцать огромных залов. После первых четырёх часов хождения отваливаются руки и ноги. Нестерпимо хочется в туалет. Я поднимаюсь на второй этаж и иду по коридору, открывая одну дверь за другой. Где же этот чёртов сортир? Иду долго, минут десять. Двери за мной автоматически закрываются, управляемые доводчиками. В очередном тамбуре следующая по ходу движения дверь оказывается закрытой. Я поворачиваюсь и обнаруживаю, что на закрывшейся за мной двери с этой стороны ручки нет. И она заперта.

Но к счастью есть третья дверь — наружу. Ура, она открыта! Я выхожу через неё и оказываюсь на решетчатой площадке, от которой вниз идёт железная пожарная лестница. Вариантов немного — лезу вниз. Спускаюсь, на руках повисаю на последней ступеньке и прыгаю. И (о, ужас!) оказываюсь в стеклянном стакане между переходами, по которым ходят толпы посетителей выставки!

Представляете, как выглядит человек в костюме, начищенных ботинках и с ноутбуком на плече, который заперт в стеклянной клетке посреди огромной европейской выставки? При этом этот неудачливый человек очень хочет в туалет.

Я попробовал привлечь внимание. Публика пришла в восторг. Мои жесты носили крайне непристойный характер. Через двойные стекла доносился иностранный хохот. Я бы тоже

был в восторге от такого экспоната. Время поджимало. Самое печальное было то, что и обратно дотянуться до лестницы я не мог — она была слишком высоко!

У меня оставался единственный выход. Слегка покачнувшись, я заваливаюсь на правый бок. Лицо моё искажает судорога. Остановившийся взгляд упирается в потолок. Сползаю по стенке и замираю на полу в неудобной позе. Смех стихает, за стеклом слышны тревожные голоса. Текут томительные минуты. Наконец, проворачивается ключ в замке и открывается одна из стеклянных дверей. Надо мной склоняются обеспокоенные лица сотрудников выставки.

И тут труп оживает. Я вскакиваю и мимо ошалевшей публики бегу, бегу, бегу... Ну, вы уже догадались, куда.

КАК ВАРИТЬ КРЕВЕТКИ В ХИЛТОНЕ

На ISPO-2009 в Мюнхен мы поехали вдвоём с Григорием Марковичем, одним из учредителей компании, в которой я тогда зарабатывал себе на хлеб в должности генерального директора. Там в Мюнхене мы встретились с Игорем Манько, вторым учредителем, постоянно проживающим в Лос-Анжелесе. Любимой фразой Игоря была: «Там, где нет проблем, там нет денег».

Игорь и Григорий Маркович были сильно похожи друг на друг. Это были два старых еврея невысокого роста, лысоватые и с хитрым ленинским прищуром. Даже походка была у них одинаковая. Незнакомый человек принимал их за братьев.

Встреча старых друзей не могла быть не отмечена принятием спиртных напитков. Пили золотую текилу, потом серебряную, потом ром. После решили отправиться в ресторан. В мюнхенском ресторане «У Марты» хозяйка бросилась на шею

к Игорю: «О, Игор, гуттен таг!». Его тут хорошо знали. Нас усадили на лучшие места.

К вечеру господа учредители поднабрались, я с трудом довёл их до отеля, развёл по комнатам. Утром Маркович сильно болел. Надо было что-то делать, ведь у нас были назначены переговоры с иностранными партнёрами.

Я сходил за пивом.

— Без закуски не могу, — пробормотал Маркович умирающим голосом и закатил глаза.

Пришлось опять бежать в магазин. Какая лучшая закуска под пиво? Правильно, креветки. Я купил королевских. Негоже экономить на умирающем учредителе. Придя в номер, я обнаружил небольшую проблему: прибора для варки креветок в номере Хилтона не наблюдалось. Не было никаких кастрюль, банок, мисок. Но когда такие глупости останавливали русских? Немного поразмыслив, я закинул креветки в электрический чайник, где они моментально сварились.

Так мне удалось спасти Григория Марковича. А вот чайник потом спасти, наверное, не удалось...

ДЖАМШУТОРАВШАНЫ

Я уже уволился из компании «Атеми», и историю эту рассказал мне мой друг Михалыч, который там ещё работал. У компании имелся склад достаточно большой площади — около 8 тыс. квадратных метров. На складе работало примерно восемьдесят сотрудников. Конечно, среди них всё время была текучка кадров, что характерно практически для всех больших складов.

Как-то вопрос текучки встал особенно остро: уволилось сразу несколько кладовщиков. Надо сказать, что кладовщик — это сотрудник, стоящий на ступеньку выше простого грузчика. У кладовщика больше ответственность, выше полномочия,

и часто он управляет грузчиками вместо начальника секции. Соответственно, зарплата у него тоже выше.

Учредителями было принято решение сэкономить: не привлекать новых кладовщиков, а выбрать среди работавших грузчиков наиболее образованных и назначить кладовщиками их. Начальнику склада была дана команда собрать для отбора всех грузчиков, у которых есть высшее образование. Грузчики были в основном узбеки.

Собралось человек пятнадцать, неровно построились в середине помещения. Пришёл один из учредителей, чтобы лично производить отбор. Подошёл к первому в шеренге.

- Где учился?
- В Ташкенте.
- В каком институте?
- В юридическом.
- Специальность?
- Свидетель!

ДЕКОМПРЕССИЯ, ИЛИ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА РАБОТЕ

Первый день на работе после отпуска подобен запутанному квесту. Сознание чистое, как слеза. Память пустая, как у Джонни Мнемоника после форматирования. Муляж руководителя в натуральную величину. Сидишь и учишься снова быть директором, как больные учатся ходить после операции. А подчинённые, сволочи, напирают, будто психические. Целый год балду гоняли, а тут вдруг прорвало на трудовые подвиги.

- Илья Геннадьевич, скажите, что с договором по «Ашану»? Блин, совсем ни одной мысли в голове.
- А что с ним?
- Ну, вроде вы с ними работали?
- Отпираться глупо. Вроде действительно что-то такое было.

— Работал.

— И как?

Я вспомнил, что руководитель должен быть решительным.

— Нормально!

— А что с договором?

— Я его не получил.

— Как не получили, я вам его ещё 26-го выслал, и вы подтвердили, что получили.

— Не может быть! Давайте-ка посмотрим...

Лезу в почту. Действительно, есть договор. Ха-ха. Приходится сдаваться.

— Да, есть, всё верно.

— Вы его прочитали?

А хрен его знает.

— Прочитал.

Прочитал — это ведь ещё ничего не значит.

— У вас есть замечания?

— Есть. Я и протокол разногласий послал.

Иду ва-банк. Почта, все дела, мог и потеряться.

— А ответ был?

А чёрт его знает, был ли ответ. Может и был, не помню ж ни хрена. Перехожу в наступление, а то совсем припрут к стенке.

— А вам Ольга не присылала исправленный протокол разногласий?

— Не Ольга, а Света. Нет, не присылала. А вам тоже не присылала?

А... Света... ну это уже кое-что. Высокая такая блондинка с большими... глазами.

— Мне нет.

Тяну время. Может, ещё какие подробности всплывут.

— Так что будем дальше делать?

Вот ведь изверги, не дают шанса.

— Свяжитесь с Ольгой...

— Со Светой.

— Тьфу, Светой, и запросите протокол.

Пусть работают, нечего! Проходит пять минут.

— Илья Геннадьевич, Света сказала, что выслала вам протокол, и вы с ней договорились об исправлениях.

Вот ведь, каналья! Договорился, черт меня дери! Интересно, о чём? Придётся звонить этой Свете с большими... ушами и пытаться освежить воспоминания.

И такая дребедень — целый день, целый день! Скорей бы отпуск...

Остров Самой Большой Рыбы

АКВАРИУМНАЯ КАНАДА

Мы возвращались с Михалычем с рыбалки, устроенной нашими канадскими друзьями. Ну, собственно, рыбалкой это было трудно назвать. Нас привезли на небольшой пруд, который кишел голубой форелью. Вокруг пруда зеленел ухоженный и подстриженный газон. На поверхность поднимались многочисленные пузырьки.

Нам выдали по бамбуковой палке, к которой леской толщиной чуть ли не в палец был привязан огромный тройник. Поплавком служила пробка от винной бутылки. К этому чудо-оборудованию прилагалась какая-то серо-зелёная смесь, пахнувшая, как мне показалось, подсолнечным маслом.

Стоило вам закинуть наживку в воду, как на неё бросалось пять-шесть здоровенных рыбин, мечтающих попасться на крючок. Рыбины кидались на приманку даже в воздухе, сталкиваясь мордами и глупо плюхаясь обратно. Было видно, что они мечтают о ногах, чтобы выбежать на берег за наживкой.

Отпускать рыбу нельзя. Всё, что выловил, — покупаешь. Рыбалка для нас закончилась за пять минут, мы поймали шесть рыбин, каждая килограмма по два, и наш гид и товарищ Старина Зотин попросил больше не ловить. Куда её девать-то...

Мы ехали расстроенные и подавленные. Нас, астраханских рыболовных волков, развели на аквариумные упражнения.

На заднем сиденье трясся ящик «Будвайзера», который мы предусмотрительно закупили ещё вечером. Михалыч потянулся и взял из него бутылку.

— Михалыч, у нас в машине нельзя пить, — предупреждающе сказал Старина.

— Да, ладно, — недоверчиво сказал Михалыч, — это же я пью, я не водитель.

— Даже открытую бутылку держать нельзя в машине.

— Я на посту уберу.

— Из соседних машин увидят и позвонят в полицию. Меня могут лишить прав.

Михалыч сжал зубы. Было жарко и тошно. Деморыбалка не выходила из головы.

— Останови, — сказал я.

— Зачем? — удивился Старина.

— Мы пиво выпьем.

— У дороги тоже нельзя. Дорога считается общественным местом.

Чёртова Канада, пива летом выпить нигде нельзя, что за бред...

— Останови, изверг, — взмолился я.

Старина, наконец, остановился.

Мы с Михалычем вылезли из джипа с двумя бутылками пива в руках у каждого. Зашли в крапиву. Открыли. Янтарная жидкость заструилась в наши измученные организмы. Через несколько минут чёрно-белый мир стал раскрашиваться в яркие сочные цвета.

— А всё-таки Канада — не такая уж и плохая страна, — осторожно сказал Михалыч.

— Ну, так-то да, — сказал я.

Завтра нам предстояло сплавляться на рафтах. Без портвейна. Дрова завозились в лес на машинах. Места остановок были ограждены верёвочками. Чай привозили инструкторы в общественных термосах. Наверное, чтобы никто случайно не отравился собственным чаем.

Жизнь была похожа на пластик: безопасная, комфортная, искусственная.

ДЕМОРЫБАЛКА

Поехали мы как-то с Шафрановым на рыбалку. На Оку под Нижний Новгород, недалеко от Касимова. В пятницу вечером еле из Москвы вырвались — пробки. Приехали уже за полночь.

Наутро встали в четыре и уже часов в пять были на воде. Ловили способом, который называется троллинг. Нет, не тот троллинг, который используют в социальных сетях, а настоящий троллинг. Когда ловят таким методом, то лодка идёт на малых оборотах, а ты сидишь со спиннингом, оснащённым воблером — пластмассовой рыбкой с крючками, которая опускается при движении лодки на определённую глубину. А чтобы по дну приманка не волочилась, используют эхолот — прибор, показывающий глубину и рельеф дна. Он, кстати, и рыбу показывает. Ловится таким способом щука, судак, окунь и другие хищники.

Ну вот, вышли, начали троллинговать. Ден рапортует о глубине: пятнадцать футов, двадцать футов, двадцать пять футов (напомню, фут — примерно 30 см). И рыбы, говорит, полно! Я смотрю на экран эхолота, а там действительно, как в аквариуме. Настроение у нас сильно повысилось. Ну, мы скорей спиннинги забросили. Едем. «Тридцать футов, тридцать пять футов, сорок футов», — докладывает Ден. На шестидесяти футах я засомневался. Всё-таки, это Ока, идём у берега, откуда там 20 метров глубины?

«Ден, — говорю, — посмотри, может режим эхолота не тот какой-нибудь, может это не футы?» Посмотрел. «Футы, — говорит, — но режим, действительно, не тот. Деморежим это».

Напомню, что это для показа возможностей вывода информации на экран эхолота. Настроение несколько упало. Так мы с Михалычем в деморежиме на деморыбалке чуть деморыбу не поймали.

КАК ОТ НАС БАРЖА УВЕРНУЛАСЬ

Мы были на рыбалке на Волге, стояли на островах посреди реки. Проснулись засветло, как и положено на рыбалке, собрались, вышли на воду. Михалыч завёл мотор. Пошли к другому берегу. Волга в этом месте широкая, километра два примерно. Большая река... Тут Максим Краснов говорит:

— Смотри, баржа идёт. Быстро, кстати, идёт. Успеем?

Наперерез нам шла здоровенная дура метров 200 длиной, гружёная песком. Расстояние между нами медленно сокращалось.

— Фигня, проскочим, — сказал Михалыч и надал газу.

Мы мчались наперерез огромному судну. И вот, на самом фарватере, прямо по курсу баржи, у нас глохнет мотор. Моментально мы все пришли в паническое состояние духа. Михалыч начал лихорадочно дёргать трос двигателя, но тот никак не запускался. Мы с Максом неуклюже загребали вёслами, даже не вставив их в уключины. Я чувствовал себя пассажиром «Титаника», заметившим надвигающийся айсберг. Все наши действия не производили никакого эффекта и расстояние между нами и железным чудищем неуклонно сокращалось.

Тут стальная здоровенная махина на полном ходу начинает медленно отворачивать и степенно обходит нас. Мы, конечно, не слышали, что нам кричал капитан баржи из окна рубки, но видимо, эпитеты его в наш адрес отличались фантазией и богатством речевых оборотов.

Когда мы немного отдышались, Михалыч сказал:

— Фигня, и не такие отворачивали...

МОЙ ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ

То, что мы с Михалычем опять будем ночевать в одной комнате, я осознал только накануне отъезда. Рыпаться было поздно. Надо было предпринять хоть какие-то меры для выживания — Михалыч храпел, как паровозный гудок.

После длительного раздумья я остановился на двух способах: беруши и наушники с музыкой. Третий вариант со снотворным я отмёл. Я боюсь всяких медикаментозных экспериментов со своими мозгами.

За берушами я отправился в аптеку на Алексеевской. В душе я надеялся, что прогресс сделал своё полезное дело в этой области и я сейчас займею чудесное средство от Михалыча на все времена.

Видов берушей было несколько. Я без колебаний купил самые дорогие, итальянские, за 460 рублей. В аннотации было сказано, что изделие изготовлено по специальной технологии из особого материала. Обещалось, что беруши после скатывания и вставления в уши, принимают форму ушной раковины и не пропускают абсолютно никаких звуков.

В плане обеспечения второго варианта я предполагал записать спокойную мелодичную музыку для релаксации, которая должна была перебивать все внешние звуки и успокаивать для сна.

Мы прибыли на рыболовную базу поздно вечером, предварительно проделав путешествие на самолёте, доехав на машине до реки и переправившись на лодке через неё. Водитель перевозившей нас лодки был настолько пьян, что я спросил его, уж не Хароном ли зовут его. Он сказал, что нет, Степаном.

Полужинав в ночи и разместившись в отдельном домике, мы стали готовиться ко сну. То есть это я стал готовиться, а мой заклятый друг захрапел, не успев головой даже коснуться подушки. Пока я умывался и чистил зубы, я чутко прислушивался к храпу Михалыча. В общем, из ванной он слышался и не таким громким.

Ложась в постель, я решил, что пришло время применить чудесное итальянское средство. Скатав по инструкции беруши, я вдвинул их в уши и выключил свет. Беруши тихонько

шуршали, принимая форму ушей. Наконец, шуршание стало затихать, и я отчётливо услышал могучий храп Михалыча. Михалыч легко пробивал специальный итальянский материал.

Храп моего друга был разнообразен, как органнй концерт. Тяжёлые басовые ноты сменялись свистящими переливами. Мощные носовые аккорды перемежались хрипыми ротовыми шумами. Гортанные звуки переходили в разухабистое ворчание.

Проворочавшись достаточно длительное время и поняв, что так заснуть не удастся, я решил перейти к плану Б и нашарил в темноте наушники. И тут меня постигло новое разочарование. Сквозь тихую музыку могучий храп Михалыча легко прорывался, не оставляя шансов на сон. Если же я делал музыку громче, то не давала спать уже сама музыка, гремя мелодичными переливами в ушах. Промучавшись ещё около часа, я решил перейти к кардинальным мерам. Дотянувшись до выключателя, я зажёл свет.

— Что случилось? — не открывая глаз, спросил Михалыч. Разговаривая со мной, он не переставал храпеть.

— Ничего, — как можно грубее сказал я.

Я уже его готов был придушить в ту минуту, но Михалыч повернулся на другой бок и захрапел с удвоенной силой. Не душить же спящего человека. Я подошёл к рюкзаку, достал бутылку, налил полный стакан коньяка и выпил его залпом, закусив кусочком колбасы. Через несколько минут я отрубился и проспал до утра.

Утром за завтраком говорю Михалычу:

— Ну, ты вчера превзошёл себя. Соседние домики тряслись от твоего храпа!

— Ты просто не хотел спать, — засмеялся Михалыч довольным смехом хорошо выспавшегося человека.

ИСТОРИИ ЕГЕРЯ ВАЛЕРЫ

Валере 60 лет. Он сухощав, высок, кряжист. Лицо изъедено морщинами, во рту нет передних зубов. Поначалу это напрягает, но потом быстро привыкаешь. Рассказывает он отрывисто, похохатывая своим словам и помогая себе жестами.

«А вот на прошлой базе был у нас случАй (это слово он произносит с ударением на последнем слоге). Поехала одна компания на раскаты день рождения праздновать. Заодно и рыбу половить. Катер у них был довольно большой. Фейерверки, девочки, все дела. Под вечер водка у них кончилась. Решили послать гонцов. Двое сели в казанку и пошли в Кировский, в магазин. Купили водки и идут обратно. Вышли уже на раскаты, и тут у них кончается бензин. Вокруг — ни души. Вечереет уже, солнце садится, рыбаки все на базы уехали. И ещё моряна задула. Это такой северный ветер, который может дуть несколько дней без перерыва. В общем, унесло их в Каспий. Искали на лодках, на вертолёте. Не нашли. Через сорок дней их прибило к берегу аж в Казахстане. Они съели ботинки, ремни, всё, что хоть как-то можно есть. Благо, хоть вода была. Много воды. Вокруг. Каспий ведь пресный. Один с ума сошёл. До сих пор в психушке лежит. Второй к воде ближе чем на три метра не подходит. Наплавался на всю жизнь».

Валера — прирождённый рыбак, реку понимает: знает места, умеет искать рыбу, знаком со многими способами её ловли.

«Отдыхала у нас одна компания, ну и перепились все, конечно. Вызвали егеря, давай, говорят, покатай нас по ночной реке. Тот ни в какую, опасно ночью ездить, нельзя. Уговорили: денег много дали. Сели в лодку, пошли. Они его все подзуживают: давай быстрее, давай быстрее. И тут на повороте им катер лоб в лоб вышел. В общем, одному голову оторвало. Напрочь. Протрезвели все моментом. Второй за ней нырлял потом два часа. Достал. Так и привёз друга отдельно».

На остановках Валера без дела не сидит: закидывает какую-нибудь снасточку на сома, распутывает «бороду» на леске или мастерит какие-то приманки.

«Были у нас тут два депутата, так в один из дней набакланились и обмазались чёрной икрой. Лицо, шею, руки. Один всё кричал: мы же избранные, понимаешь, мы избранные. Мы же народом избраны, понимаешь?!».

НА РЫБАЛКЕ

В этот раз нашего егеря зовут Ваня. Он рыжий-прерыжий. И весь в веснушках. Егерем работает недавно, до этого трудился на рыбзаводе.

При первом знакомстве Ваня производит впечатление простачка. Однако это не так. Но его показное простодушие привлекает.

— Вань, посолишь щучью икру?

— Ну, могу. Только я не делал этого никогда, могу пересолить...

Садясь в лодку, Ваня бережно ставит под стекло казанки иконку. Гордясь говорит: «Без этого никогда не езжу». Но на самом деле Ваня хитроват и вороват. Не задумываясь, проверяет чужие сети. Никогда раньше мы не видели, чтобы егеря касались чужих сетей. Однако, с другой стороны, в попутной деревне без опасения оставляет лодку на берегу, говорит, что свои не возьмут. У Вани везде знакомые. Он постоянно кому-то звонит и болтает обо всем: где что случилось, ловится ли рыба, кто чем занимается. Про сотовый телефон говорит: «Хорошую штуку придумали, только жаль, спутник не везде светит». Ваня пьёт, как и все астраханские мужики, но в меру. Выпив, становится неразговорчив, мрачен. Водку называет «колодезная».

Утром явился с похмелья. Долго крепился, видя, как мы пьём коньяк. Потом не выдержал: «Мужики, налейте рюмочку для настроения».

На реке искренне пытается найти рыбу, активничает. Но рыболовных мест знает мало. Недостаток опыта искупает тем, что «как будто» искренне расстраивается, что не клюёт. Время от времени загорается энтузиазмом: «Мужики, я вам сейчас такую затишку покажу!» Про погоду говорит — *оттеплено*.

Повёз в заказник — «там точно рыба есть». На вопрос, не штрафанут ли нас, отвечает, что всё решит сам. И действительно, почти сразу щука начинает брать. Но много сходов. Щука ещё вялая после зимы, часто промахивается. Тем не менее, вытащили несколько щук.

На следующий день на том же месте к нам подъезжает рыбинспекция. Ваня как-то по-детски просит:

— Отпустите, мы не будем больше здесь ловить.

Инспектор Ваню тоже знает и отпускает.

Прощаемся. Дали немного денег. Ваня широко и открыто улыбается: «Мужики приезжайте ещё!»

Приедем.

ПЛАСТМАССОВЫЕ ЦВЕТЫ

Егеря Мишу бросила жена. Сбежала с калмыком. На вопросы о причинах Миша отвечал уклончиво, темнил. Потом проговорился: пил сильно, денег домой не приносил, зарплату пропивал. Кто ж такое выдержит? А калмык не пьёт, не курит. И где только она с ним познакомилась...

На самом деле его звали не Миша, а Манас, по-казахски — бесстрашный богатырь, но русским туристам проще говорить русские имена, поэтому Манас стал на работе представляться Мишей, а потом и сам привык.

Без жены дома пусто. Миша сперва-то запил, но водка от тоски не спасала. Даже наоборот. Кто-то посоветовал: сходи к колдуну. Колдун долго вглядывался в черные Мишины руки, кидал засаленные карты, бормотал что-то под нос. Потом сказал, что жена ещё любит Мишу. Миша обрадовался. Но не вернётся, сказал колдун, потому что с калмыком ей лучше. Миша понял, что колдун сказал, что любит, чтобы Миша к нему ещё раз пришёл и заплатил деньги. В колдунов Миша после этого не верил.

Через пару недель Миша совсем затосковал. Механически ходил на работу, возил туристов на рыбалку, вечером пил горькую. Решил новую жену искать.

Сваха запросила недорого: тысячу рублей. Дала несколько телефонов. Миша набрал первый, ответил несколько писклявый женский голос. Поговорили. Она казашка, живёт в Астрахани, комната своя у неё. Двадцать семь лет. Пьяных не любит. Сказала, что она не красивая, точнее — страшнее атомной войны. Договорились о встрече.

В выходной Миша надел чистую рубашку, доехал на попутке до Астрахани, постригся в парикмахерской. С пустыми руками идти не хотелось. Пришлось купить цветов. Живые были дороги, Миша боялся, что не хватит на кафе, купил пластмассовые. Они были дешевле.

В кафе было пустынно, Миша присел за столик, мучительно хотелось пива. Вошла девушка и, оглядев помещение, направилась к Мишиному столику. Ну, страшнее атомной войны, это она загнула, подумал Миша. Хотя, не принцесса, конечно...

— Здравствуйте, я Айгуль. А вы — Миша?

— Ну, так-то да, — Миша неуклюже выпростался из-за столика и протянул цветы.

— Ух ты, это мне? — разулыбалась новая знакомая.

«Кому же ещё», — подумал Миша, он смущался.

Она втянула воздух раздувшимися как паруса ноздрями. Глаза её сделались круглыми, как блюдца.

— Они что, искусственные?!

— Ну да, а что? — сказал с вызовом Миша, — зато наподольше хватит. Протёр тряпочкой — и как новые!

— Ну ладно, — сказала Айгуль и ловко пристроила цветы в баночку с салфетками.

Заказали мороженое и кофе. Миша хотел заказать пива, но раздумал. Он сидел и смотрел на неё, а она всё время чего-то непрерывно рассказывала. «Нет, не моё, — думал Миша. — Не моё. Не мо-ё...»

На обратном пути он заехал к знакомому и занял денег. Потом дошёл до ларька и купил чекушку, зубами сорвал бескозырку, сделал несколько глотков. Малька отпустило. «Хрен с ним, — решил Миша. — Проехали. Надо проводку в доме сделать, я уж и с электриком договорился. И курточку младшему купить, холодновато на улице уже...»

ЕЩЁ УТРО, А УЖЕ КАК ВЕЧЕР

Когда мы вечером вернулись, Костя ещё спал. Он приехал с рыбалки гораздо раньше нас и завалился спать.

Мы переоделись и стали собираться на ужин. Встал вопрос, будить ли на ужин товарища. Идея пришла спонтанно.

Мы с Михалычем разделись до трусов, налили три рюмки водки, и после этого я толкнул Костю:

— Кость, вставай давай, на завтрак пора.

Костя сел на кровати и, не открывая глаз, стал одеваться. Натянув маломальскую одежду, он двинулся умываться.

Было уже семь часов вечера и за окном было темно. Совсем как в семь часов утра, когда мы уходим на завтрак.

— Костя, рюмочку перед завтраком выпьешь? — побудничному задал вопрос Шафранов.

— Ага, — раздалось из ванной сквозь вялое пофыркивание.

Наконец, слегка покачиваясь, Костя вышел из ванной. Торчащие в разные стороны волосы ярко отражали внутреннее состояние его головы.

— Блин, не выспался чего-то совсем... Как будто и не спал всю ночь...

Костя взглянул на часы. На часах было семь.

— Да, ладно, подрых всю ночь и не выспался, — укорил я, — давай по малипусику и на завтрак. А то егерь ждать будет.

Мы выпили коньяку. Взор подопытного товарища слегка очистился и приобрёл налёт дееспособности.

Стали одеваться, и тут взгляд Кости упал на мокрые ботинки Михалыча. Одновременно через открытую дверь в его ноздри проник запах готовившегося у соседнего домика шашлыка. Утром готовить шашлыки рыбаки не могли. Оптимизированные коньяком мозги Кости произвели простейшие умозаключения, и Костя неуверенно спросил:

— Э-э, вы что, меня накололи???

Когда на следующее утро я разбудил Костю на завтрак, он улыбнулся хитрой сумасшедшей улыбкой:

— Торопиться не надо. Сейчас точно завтрак, а?

ЖЕРЕХ — РЫБА СИЛЬНАЯ

— Ты на меня не смотри, я такую рыбу не ем, — сказал, усмехнувшись, Михалыч.

— Так, может, девчонки твои любят?

— Не любят. Её же ещё повесить куда-то надо сушиться. А я как только её повешу дома, так меня жена самого повесит вместо рыбы.

Мы укладывали трофеи после рыбалки, чтобы везти её в Москву. Рыбалка в тот раз получилась отменная. Взяли много

щук, жереха, судака, а окуня было вообще немеряно. Окунь по осени нагулявшийся, жирный, попадаются экземпляры больше килограмма. Михалыч вытащил щуку на 4300. Не супертрофей, конечно, но тащить такую дуру из воды приятно.

Мы собирались, надо было отправляться домой после четырёх великолепных дней на рыбалке. Уже были уложены замороженные щуки, копчёный окунь и свежая селёдка. А вот вяленого жереха брать никто не хотел. Да и некуда особо было брать — рюкзаки и сумки были полными рыбы.

— Серёга, — позвал я Семенова из соседней комнаты, — вяленого жереха возьмёшь?

Серёга не отвечал.

— Наверное, сидит там и всякую фигню про нас думает, — сказал Михалыч.

Жереха оставлять было жалко. Вкусная рыба, а под холодное пиво — вообще сказка. Тем более, что за его разделку уже было уплачено.

— Давай потихоньку его Серёге положим в рюкзак, он придет и обрадуется.

— Отличная идея, — поддержал Лёха. Он упаковывал тубус со спиннингами.

Я стал запихивать жереха Серёге в рюкзак. Потом начал застёгивать молнию.

— Эй, ты куда?! — обернулся Лёха, — это же мой рюкзак!

Все засмеялись. Тут пришёл Серёга.

— Да ладно вам, давайте его здесь оставим. Новая партия мужиков придет на рыбалку, а им тут подарок.

— Точно, хорошая идея!

Лёха повесил жереха на карниз штор.

— Не, тут его могут не заметить, — сказал Серёга и перевесил его на другую сторону. — Так он будет гораздо заметнее.

Пришла «Газель». Мы вытащили вещи, покидали в машину, попрощались с соседями, ребятами из Ростова, которые оставались рыбачить ещё на неделю. Подошёл Игорь — сын хозяина базы, выполняющий обязанности главного администратора.

— Ну, давайте, мужики, хорошей вам дороги.

— Давай, Игорь, будь здоров. Спасибо.

Мы пожали руки, сели в машину, затряслись по бетонке.

«Газель» была старенькая и до аэропорта ехали около часа. Выгрузились, зарегистрировались, сдали багаж. Взяли по кружечке пива в буфете, сели за столик. Было спокойно, мысли уже витали около дома и всяких московских дел. Неожиданно между столиков возникла быстро пробирающаяся к нам фигура. Мы узнали Игоря — управляющего базы. Как знамя, нёс он перед собой что-то длинное и плоское.

— Ребята, вы своего жереха забыли! — закричал сияющий Игорь. — Уф, еле успел. С вас две тысячи, я их на такси потратил...

БАТАРЕЙКА

Мы ловили в узком ерике недалёко от базы, когда неожиданно из-за поворота вырулил катер рыбоохраны. Стали проверять документы у егерей. Инспектор, высокий и загорелый мужчина, похожий на ковбоя Мальборо, показывая в улыбке ослепительно белые зубы, спросил:

— Работаете на базе официально?

— Нет, — ответил наш егерь Саша, тоже улыбаясь, — не успел оформиться.

— Так я тебя ещё в прошлом году ловил, — показно удивился инспектор, — год ведь прошёл?

— Ага, — улыбался Саша, — но не успел пока.

Было видно, что этот диалог не несёт никакой важности ни для одного из них. Инспектор начал выписывать штраф и попутно рассказывал:

— Тут намедни одних остановил, а они грамотные, с Москвы, сразу камеру включили, начали снимать меня.

— И чем кончилось, — поинтересовался я.

— Чем-чем... Батарейка села. Я их два часа проверял. Всё по закону. Ну, оформил, знамо дело...

Остров Случайных Встреч

ЕВРЕИ ИЗ ЕВРОПЫ

Еду в такси. За рулём мальчик лет восемнадцати восточной внешности. Я всегда знакомлюсь с нездешними таксистами. Мне нравятся названия далёких городов, от них веет далёкими странами, традициями других народов, ароматом иной жизни. Так мальчишка рассматривает альбом с фотографиями и мечтает об увлекательных путешествиях. Кроме того, мне хочется показать, что я не какой-то там надутый москвич, относящийся свысока к обслуживающим его гастарбайтерам, а наоборот, проявляю интерес к человеку, везущему меня. Например, беседую с ним на равных.

— Ты откуда?

— Из Москвы, — смеётся водитель.

— Да, ладно, — улыбаюсь недоверчиво в ответ.

— Из Узбекистана. Город Аштахин такой есть.

— Понятно, узбек, значит.

— Узбек. А вы?

— Я — еврей. На четверть.

— А, из Европы...

— Почему из Европы?

— Ну как. Еврей — значит из Европы. Или что, евреи в Европе не живут?

— Живут, — говорю, — и не только в Европе живут.

— Конечно, — говорит, — потому и деньги в Европе по-еврейски называются — ЕВРО!

— А про Израиль слышал?

— Ну, это в древности...

— Почему в древности? Израиль и сейчас существует.

— Да? — он неподдельно удивился. Картина мира рушилась у него на глазах.

— Конечно. И там живут евреи, — решил добить его я.

Он замолчал. За окном бушевала чёрная вьюга. Злобные порывы ветра пытались опрокинуть машину или хотя бы выкинуть её на встречу. Белая крупа снега яростно хлестала по стеклу.

— А у них тоже евро? — угрюмо спросил он.

— Нет. У них шекели.

— Вот видите, — просиял он, — евро-то в Европе!

А СМЫСЛ?

Тёплым коктейбельским вечером мы сидели во дворике под крымским звёздным небом и пили домашний портвейн, заедая его копчёным сыром и виноградом.

— И что, ты все карты помнишь?

— Все, — улыбнулась Марина.

— Все пять колод?

— Все пять колод.

— А сколько карт в колоде?

— Пятьдесят две карты.

— И ты все их помнишь до одной? Одну за одной, ровно в том порядке, в котором они выходили из игры?

— Ну, да.

Марина — счётчик. Она обладает феноменальной памятью. На этом зарабатывает, обыгрывая казино в «Блэк Джек». В Москве и Питере она давно занесена в черные списки всех казино. Приходится выезжать в командировки: Казахстан, Калмыкия, Сибирь.

— Марин, не страшно?

— Ну, я же с охраной.

— Охрана пуле не помеха...

— Охрана разная бывает, — Марина смотрела смеющимися глазами, — например, местная милиция или оперативники, которых знают в казино.

— Договариваешься?

— Покупаю.

Хозяин домика Виктор, бормоча что-то в усы, принёс ещё вина. Из-за Карадага выплыла мутно-оранжевая луна, просвечивающая тусклым фонарём через сплетённые ветви винограда над головой. Цикады трещали пулемётными очередями, ведя незримый бой.

— Марин, давай сыграем?

— Во что?

— В Блэк Джек. Ну, пожалуйста.

— А смысл? — Марина мягко улыбнулась. — У тебя нет ни одного шанса у меня выиграть. Даже если ты сам разложишь карты в колоде...

КЛАУС

— Hi, Klaus, — сказал я и потянул руку, — how are you?

— Hi, — сказал Клаус, — I am fine.

Мы пожали друг другу руки.

— Клаус, прости за опоздание, представляешь, поперёк шоссе упал столб и образовалась жуткая пробка!

Клаус удивлённо приподнял одну бровь. Он был в России первый раз и, по словам наших общих знакомых, несколько опасался этой поездки.

Немец был высок, веснушчат и с небольшим пивным животом. Гордый нос несколько выдавался вперёд. Одет он был в голубые кроссовки, джинсы, спортивную лёгкую куртку и коричневую лыжную шапочку. На запястье я заметил чёрный каучуковый браслет с металлическими вставками.

— Я сам такое вижу в первый раз, — добавил я и сразу понял двусмысленность этой фразы. Я-то хотел обозначить редкость и чрезвычайность падения столба, а получилось, что столбы у нас падают там и сям, просто мне не доводилось раньше быть

очевидцем такого события. Мы подошли к моей машине и Клаус удивлённо воззрился на мятый бампер моей тойоты.

— Да, вчера какой-то идиот в меня въехал, не беспокойся, ничего серьёзного, — я постарался придать моему голосу максимум небрежности.

Бампер я помял два года назад, когда ездили в лес за грибами.

Было явственно видно, что Клаус волнуется за себя, а не за мой автомобиль. С опаской он сел на переднее сиденье и суетливо пристегнулся. Одного ремня безопасности ему было явно не достаточно, хотелось бы, наверное, хотя бы три-четыре и, по возможности, шлем. Мы тронулись. Из Шереметьева в Измайлово путь в принципе недалёкий, но был час пик и Москва стояла.

— Клаус, как прошёл полет?

— Все ОК. Только долго стояли перед вылетом.

— А что случилось?

— Один пассажир был пьяный.

Я догадался, какой национальности был пассажир.

На выезде на Ленинградское шоссе нас долго не пускали, и мне пришлось довольно нагло всунуться перед чёрной Q7. Сзади возмущённо засигналили.

— Да ладно, — улыбнулся я, — мне тоже ехать надо.

Клаус крепко держался за ручку на двери.

— У вас в Мюнхене такой же ужасный траффик?

— Нет, абсолютно нет. Бывают пробки, но тут у вас просто большая стоянка автомобилей, — сказал Клаус.

При выезде на МКАД нас резко подрезала «Газель». Я еле успел затормозить.

— Придурок, — в сердцах сказал я.

— Можно ехать медленней, — утвердительно и с надеждой сказал Клаус.

Я заметил, что он вжался в сиденье.

— Куда уж медленней, — пробормотал я.

Мы тащились со скоростью 5–10 км в час.

В гостинице у Клауса не заработал электронный ключ, но Клаус воспринял это стоически. После езды по Москве ключ казался не такой уж важной проблемой.

Я ждал его внизу, в холле. Рядом расположилась небольшая группа представителей северно-нефтяных народностей. Они завтракали. На столе стояла литровая бутылка водки и мандарины.

— Русский завтрак, — улыбнулся я, показав Клаусу на соседей.

— О майн готт, — Клаус посмотрел на часы и закатил глаза, — 10 часов утра!

— Да у них ещё вечер не кончился.

— А утра вообще не будет, — сказал Клаус.

Мы сели в метро и доехали до площади Революции. На станции я сфотографировал его с бронзовым матросом. Наган матроса был отполирован людскими желаниями. Вряд ли это были влюблённые, скорее военные загадывали желания о присвоении следующих воинских званий.

Широта и красота ГУМа поразила Клауса. Для меня это оказалось неожиданностью. Вот уж чем я не планировал его удивить, так это магазинами. Я думал, что этого добра на Западе выше крыши. Но Клаус был искренне поражён, впрочем, я так и не понял чем: то ли высотой прозрачного купола, то ли архитектурой галерей.

На лобном месте нам предложили сфотографироваться. В этом было что-то иезуитское. Я купил билеты в храм Василия Блаженного.

— Архитектора этого храма ослепил заказчик — Иван Грозный, чтобы он больше не смог никому построить такого красивого храма.

— Ок, — сказал Клаус.

Мы обошли несколько приделов, поднялись на второй этаж. В одной из витрин Клаус увидел железные вериги.

— Что это?

— Это такие штуки, чтобы человек сам себя пытал.

— Зачем?

— Чтобы уничтожать в себе пороки и быть ближе к Богу.

— Круто.

— Желаеть попробовать?

— После дринка, — улыбнулся Клаус. Он тоже умел шутить.

Мы прошли по Красной Площади, обошли Исторический музей и вошли в Александровский сад. Клаус заметил солдата в пластиковой будке, а за ним венки и горящий из земли огонь. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Это Могила неизвестного солдата.

— Одного?

— Нет, многих.

— Одного или многих?

— Символ. Не имеет конкретного значения. Памятник всем погибшим в войнах.

Я решил не говорить про Великую Отечественную. Может, его бабушку изнасиловал русский солдат или дедушка погиб в плену. Мы дошли до Кремля и, преодолев металлическую рамку с солдатом, вошли внутрь.

— Мистер Путин здесь? — спросил Клаус.

— Наверняка, — сказал я, — он же никогда не спит, работает на страну.

Около Царь-пушки я предложил Клаусу его сфотографировать, но он отказался, сославшись на то, что не любит оружие. Тоже мне, нашёл вооружение. Зато его неожиданно сильно поразил кусок, отколовшийся от Царь-колокола, весом в 11 тонн.

Обедать я повёл его в ресторан «Ёлки-палки». Заказал блины с икрой, сёмгу, солёности, 300 грамм водки, клюквенный морс.

Когда принесли водку, Клаус посмотрел на часы и опять сказал «майн готт».

— Илья, а можно пива?

— Нельзя, — я был строг, — пиво с блинами нельзя, это исключено. Только с водкой. Russian tradition.

— Ок, — согласился Клаус и покорно взял рюмку.

Мы чокнулись.

— Ну, за встречу, — сказал я.

— На здоровье, — сказал Клаус по-русски.

Он зажмурился и выпил. Глаза у него полезли на лоб — водка была с перцем.

— О-о-о, — сказал он, выпучив глаза, — майн готт.

— Закусывай, — сказал я и пододвинул ему солёности.

После второй он перестал зажмуриваться и говорить майн готт, а после пятой сам взялся разливать. Блины он порывался есть ножом с вилкой, так что пришлось научить его заворачивать икру в блин и руками отправлять в рот. Он был в восторге. Потом принесли горилку с перцем и мёдом, а к ней сало. В ломтики сала была завёрнута черемша.

— Что это? — спросил Клаус.

— Это сало.

— Это жир, это вредно.

— Это полезный жир, лечебный. Традиционная украинская закуска. Попробуй, это вкусно.

Мы налили ещё и выпили. Клаус отрезал ножом кусочек сала с черемшой и съел.

— О, это действительно вкусно! — глаза его сияли.

Потом был борщ с пампушками, пельмени, бутерброды с щучьей икрой, деруны с красной икрой, опять сало, горилка с хреном и черт знает ещё что. Потом Клаус взмолился, что больше не может, и попросил вывести его на воздух.

Вечером мы пошли в Большой театр и Клаус хлопал один в неожиданных местах, когда весь зал молчал. Когда

на следующий день я провожал его в аэропорту, он растроганно обнял меня и прошептал:

— Илья, знаешь, у меня никогда не было двух таких восхитительных дней!

— Ага, у меня тоже, — говорю. Башка трещала после вчерашнего.

МЕТРОФИС

Жара в Москве стояла страшная. Но не такая, как в прошлом году. Пока нет гари от пожаров — можно жить. А в прошлом году кроме баров с кондиционером не было места, где можно было находиться. Сейчас получше, но всё же очень жарко.

Случилось нужда мне вчера проезжать в метро по кольцевой от Добрынинской до Проспекта Мира. Благо, на кольцевой вагоны с кондиционерами и жить можно. Еду себе, еду. Пассажиров разглядываю. И обратил внимание на молодого человека в костюме с ноутбуком, который удобно расположился на крайнем сидении и что-то там себе набивает в компьютер. Ну, набивает и набивает, невелика странность, сейчас народ чем только в метро не развлекается. Я даже видел один раз, как мужик брился электрической бритвой, наверное, на переговоры опаздывал.

Тут замечаю, что на станции «Курская» заскакивает в вагон девчонка и — прямым к этому молодому человеку. И даёт ему какой-то пакет. Тот пакет вскрывает, достаёт пачку документов и начинает их подписывать. И так ловко у них всё это получается, что до Комсомольской он успевает подписать все документы, запаковать обратно в пакет и отдать, а курьер на Комсомольской шустро выскакивает из вагона и скрывается в потоке людей.

Ну, думаю, красавцы, такую операцию и так ловко проверить. Смотрю дальше. Звонит у него телефон. Он быстро

кому-то отвечает, причём надел большие наушники, чтобы шум не мешал. Тут параллельный звонок, он линию переключил и второму ответил, потом закончил первому отвечать. Вернулся к ноутбуку. Работает.

На Проспекте Мира заскакивают в вагон ещё два молодца в отутюженных костюмах и — сразу к нему. Молодой человек начинает их отчитывать за что-то, потом видимо даёт какие-то указания и на следующей остановке отправляет, видимо с поручениями.

И так я засмотрелся на всю эту кутерьму, что проехал свою остановку и доехал аж до Новослободской. Расстроился, конечно. Иногда самые ничтожные неудачи почему-то приводят нас в чрезвычайно дурное расположение духа. Вышел и перешёл на другую сторону — обратно ехать. Стою, жду поезда и машинально назад оглянулся. Смотрю, молодой человек даже и не думает выходить, а спокойно продолжает работать, двери закрываются и поезд уезжает.

И тут я понимаю, что если он доехал от Добрынинской до Новослободской и, не собираясь выходить, поехал дальше, то он вообще не собирается выходить из вагона. ОН ТАМ РАБОТАЕТ. Натурально, целый день катается по кольцевой. Такой вот передвижной офис с арендной платой в цену прохода в метро. Причём, кондиционированный, что немаловажно в такую жару. Может, это и подтолкнуло его к такой идее. Сейчас же кондиционер поставить сложно — очередь до осени. А тут плохо ли: кондиционер есть, связь есть, да ещё и подчинённые могут получать указания на ближайшей к ним станции. Настоящий мобильный офис.

Хитёр русский человек крестьянской смекалкой. Оригинальничает, подлец, как его не прижимай. Вот ещё бы ресурсное проклятье снять с нашей Родины, вообще бы зажали...

НАПЕРЕГОНКИ

Проезжая тёмным двором, я увидел голосующую согбенную фигурку с палочкой. Время поджимало, я опаздывал на работу, но проехать мимо бедной старушки тёмным морозным утром мне не позволяло воспитание. Я остановился.

— До поликлиники довезёшь, сынок? Я заплачу...

— Садись, бабуль.

— За сто рублей довезёшь?

— Бесплатно довезу, садись. Мне по пути.

Бабуля с кряхтением залезла на заднее сидение. Мы тронулись.

— Вам в какую поликлинику?

— Да сейчас прямо через улицу и на пригорок, милок.

— Там, вроде, детская?

— Да нет, мне взрослою. Вот вчера меня сосед вёз, так быстро доехали, прямо сказка...

— Покажете, куда ехать-то?

— Конечно, покажу, милок, а то как же. Вот сейчас прямо через улицу.

Мы выехали из дворов к перекрёстку.

— Сейчас прямо?

— Да-да, прямо.

Зажегся зелёный, я стал пересекать улицу.

— Да куды ж ты, милый, вот туда вниз!

— Налево?

— Ну да, вниз. Я же говорю: вниз!

Я с трудом вписался в поворот, чуть не врезавшись, и завернул налево.

— Да куды ж ты милый, завернул? Надо было через улицу...

— Так я же и поехал сперва через улицу?

— Нет, ты направо хотел поехать, а надо было через улицу. Вот вчера так быстро доехали с соседом, прямо чудо...

Я почувствовал ревность к этому удачливому соседу.

— Как неудобно, и тебя задерживаю...

— Ничего, сейчас развернёмся, — бодрился я.

Мы развернулись и встали в длинную пробку перед светофором.

— Да неудачно как, — шелестела старушенция, — а сосед так ловко проехал, просто за несколько минут.

— Повезло, — сказал я.

Я уже тихо ненавидел этого чёртового соседа. Наконец, мы доехали до светофора, повернули и поехали налево.

— Дальше, бабуль, куда?

— Да вот вниз, а потом на пригорке направо.

— И сосед так ехал? — съехидничал я.

— Конечно, так и ехали, — бабуля была невозмутима.

Мы поднялись на пригорок, повернули направо. Проплутали по дворам ещё минут двадцать. Бабка умело меняла показания. Призрак соседа незримо хохотал в темноте. Бензин заканчивался. Наконец бабуля смилостивилась и признала какое-то тёмное здание за поликлинику.

— Спасибо тебе, милок, дай бог тебе здоровья! Извини, что задержала, но ведь ты сам виноват.

Я чуть не задохнулся.

— До свидания, привет соседу, — говорю.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Старик Гафиатуллин, получив пенсию, прямым отправлялся в магазин и закупал на всю сумму алкогольные напитки. Как-то у него спросили, почему он сразу тратит все деньги. «Деньги должны быть в обороте», — аргументировал Гафиатуллин.

ПОРТРЕТЫ

Каждый день езжу в метро. До этого много лет ездил на машине. Сколько же я потерял. Метро — это огромная, никогда не повторяющаяся кунсткамера. Большой, разнообразный паноптикум. Диковинный зоопарк.

Вот зашла пара: совсем мальчик, но почему-то уже с лысиной посреди шевелюры, и совсем девчонка, наверное, школьница, но беременная. В руках — огромный букет тёмно-красных роз. Пожилая женщина поднимается и уступает ей место. Девчонка не садится, сердится, дёргает за рукав своего спутника. Тот тушуетя, уговаривает сесть. Та — ни в какую. Женщина всё равно не садится, а отходит в другой конец вагона. Наконец после длительных уговоров девчонка садится и немедленно начинает что-то щебетать на ухо своему лысому мальчику, звонко смеётся, качает стройной ножкой. Взоры всего вагона прикованы к ним, а они счастливы и никого не замечают. Видно, что они уже прошли многое и отвоевали своё счастье.

Вот заходит парень с розовыми волосами, серьги в обоих ушах, штаны кислотного цвета. В руках гитара в чехле. Встаёт около меня. В наушниках орёт музыка. Невольно прислушиваюсь. Бах, концерт № 5 для клавира с оркестром (фа минор).

Открываются двери, и юркая старуха бросается занимать место, расталкивая локтями пассажиров. Те недоуменно оглядываются на неё. Чего, зачем? Ей бы и так уступили место.

Вот заходят две девчонки. У одной просто точёная фигурка, тонкие лодыжки, стройная шейка. Крошечное платьице плотно обтягивает фигурку. На миниатюрных ступнях малюсенькие босоножки, усыпанные стразиками. В изящных ушках серьги большими кольцами. На груди красивый медальон. Куколка. Вторая — большая, грузная, рано располневшая девочка. Лицо красное, потное, полное тело обтянуто уродливой майкой

с огромным вырезом. На ногах пляжные тапочки. Оживлённо друг с другом что-то обсуждают. Какие у них могут быть интересы? Неужели общая компания? Как они вообще чувствуют себя друг с другом? А в компании?

Огромный старик с окладистой бородой величаво переступает порог вагона. Кучерявый вьюнош подскакивает и уступает ему место. Тот хозяйским жестом тяжёлой рукою сажает его на место, спокойно произносит: «Сиди, сынок, настоишься ещё». Всю дорогу вьюнош вертится от неудобства на своём месте и рад выскочить на своей остановке.

И так каждый день. Чехарда лиц, типажей, персонажей. Непрерывная пьеса, то ли комедия, то ли трагедия разыгрывается изо дня в день, и нет ей конца.

УЛЫБКА

Еду я как-то вечером в метро. Народу довольно много, все плотненько стоят. И тут на очередной станции заваливает в вагон толпа нерусских в спортивных костюмах. И говорят на своём кавказском языке. Громко, на весь вагон. И жестикулируют. Только что лезгинку не танцуют. И так получилось, что один из них, высокий такой, на две головы выше меня, держится около меня за поручень, а локоть его мне по лбу задевает.

Я так вежливо его локоть от своего лица отодвинул и еду дальше, как ни в чем ни бывало. Смотрю, он локоть приподнял и смотрит на меня сверху. Глаза налились, брови закурчавились, загривок дыбом встал.

— Чо? — спрашивает. А взгляд нехороший такой. Неприятный взгляд.

Дружки его тоже так замолкли, напыжились, неспешно ко мне подвигаться начинают. Чувствую — пора стёклышки снимать, очкарик. Влип, студент.

— Ничо, — говорю, — ты меня локтем по лбу бьёшь.

И улыбнулся. Широко так, по-доброму. Меня ещё на занятиях по актёрскому мастерству наш главный режиссёр Владимир Вячеславович Радченко учил так улыбаться.

И произошло маленькое чудо. Дикарь несколько секунд смотрел на меня угрюмо, видимо пытался понять, не подкалываю ли я его, потом складки его тёмного лица разгладились, глаза подобрели и он тоже смущённо улыбнулся. И убрал свой локоть. За ним, смотрю, и остальные индейцы расслабились, приняли стойку вольно.

Вот так, товарищи, бусы к сожалению уже не канают в качестве сокровища для туземцев, но улыбку-то никто не отменял. Помните, улыбка — страшная сила.

СЕКС-ПОДДЕРЖКА

На день рождения мне подарили новую веб-камеру. Вчера до неё дошли наконец руки, и я подключил её к компьютеру. Всё отлично, звук хороший, изображение тоже. Вот только функция записи видео на диск никак не хотела работать.

Позвонил в техподдержку.

— Здравствуйте, техническая ПОДДЕРЖКА компании Logitech приветствует вас, — отвечает мне томный голос, — меня зовут Алексей. Чем СЕГОДНЯ я могу помочь вам?

Я рассказал о своей проблеме.

— Простите, как вас ЗОВУТ? — прошелестел голос с придыханием.

— Илья Геннадьевич.

— ИЛЬЯ, — голос стал ещё более томным, — это ОЧЕНЬ ПРОСТАЯ ПРОБЛЕМА. Мы ЗНАЕМ об этой ошибке, и наши специалисты РАБОТАЮТ над её исправлением. Сейчас мы с вами ВМЕСТЕ её исправим.

— Отлично, — сказал я.

— ИЛЬЯ, я хочу, чтобы вы открыли ПАРАМЕТРЫ программы, — голос стал взволнованным.

— Оу, — сказал я. Но параметры открыл.

— ИЛЬЯ — голос стал медовым, — я хочу, чтобы вы посмотрели, есть ли в пути сохранения файлов РУССКИЕ БУКВЫ...

— Ну, есть, — сказал я, несколько отвлекаясь на интонации собеседника.

— ИЛЬЯ, я хочу, чтобы СЕЙЧАС вы убрали, — он сделал паузу, вздохнул и продолжил — вы ЗАМЕНИЛИ русские буквы на АНГЛИЙСКИЕ, — его тональность достигла кульминации, он почти кричал.

— Убрал. Сейчас проверю, работает ли.

— Пожалуйста, ИЛЬЯ, — голос стал тише, но ещё пульсировал.

Я проверил запись, всё работало.

— Алексей, спасибо, все работает.

— О, ИЛЬЯ, это вам СПАСИБО!!! Вы так быстро во всем РАЗОБРАЛИСЬ и все СДЕЛАЛИ, — голос был усталым и удовлетворённым, — вы сохранили МОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ и ВРЕМЯ КОМПАНИИ LOGITECH! Спасибо вам!

— Да не за что, — буркнул я. Мне уже очень хотелось скорее попрощаться с этой нетрадиционной техподдержкой.

— Скажите, ИЛЬЯ, — в голосе послышались нотки трепетной надежды, — может быть, у вас есть ещё какие-то ПРОБЛЕМЫ? — голос вновь набирал силу, дыхание начало учащаться, нотки голосовых связок начинали звенеть.

— Нет-нет, — поспешил сказать я и повесил трубку.

Остров Собакоальбы

ОКНО

В последнее время собакоальба взяла следующую моду. Она залезает на кровать, подходит к окну, встаёт передними лапами на подоконник и подолгу смотрит на улицу, разглядывая прохожих, проезжающие машины и редких дворовых животных.

Я подхожу и спрашиваю наигранно весёлым тоном:

— Ну, что там в мире происходит?

Собакоальба поворачивает задумчивую морду и долго смотрит на меня отсутствующим философским взглядом. В глазах её явственно читается: а не пойти ли тебе, хозяин?

— Ну, ты хоть с подушки-то сойди, мы же лицом на ней спим, — примирительно говорю я.

Собакоальба равнодушно слушает меня ещё пару секунд и потом отворачивается, поскольку я ей становлюсь не интересен.

Невероятный снобизм, товарищи, просто невероятный...

ЭВОЛЮЦИЯ

Мне кажется, что человека из обезьяны сделал не труд, а лень, подлость и стремление к комфорту. И, похоже, собакоальба уверенно движется по этой скользкой дорожке.

Стоило старшей дочке отбыть в иные палестины, как собакоальба заняла её кровать, спит на её подушке и накрывается её одеялом. Похоже, пора уже прятать водку и сигареты...

СОБАКА-НА-КРЮЧОК-САЖАКА

Был тихий дачный вечер. Вика готовила ужин. Соня, Настя и гости играли в покер. Я смотрел телевизор.

Вдруг собакоальба завизжала, стала крутиться, прыгать и выделывать невероятные кренделя. Она будто взбесилась. В первый момент я подумал, что её ударило электричеством, и это был шок.

Я вскочил и ринулся к ней. Вскочили и все присутствующие. Все кричали — что случилось, что случилось? Собакоальба металась по комнате. Наконец, мне удалось разглядеть, что у неё на морде что-то висит и это что-то она пытается снять. С большим трудом мне удалось её поймать, и тут все увидели, что из носа собаки торчит один из крючков блесны.

Соня в ужасе закрыла лицо руками и зарыдала. Настя смотрела на происходящее, и из её глаз текли слезы. Я держал собакоальбу, все остальные столпились вокруг меня. Руки у меня тряслись, меня всего колотило, но показывать это было нельзя.

— Так, — сказал я, — давайте плоскогубцы, нет, давайте кусачки!

Вика бросилась в кладовку и притащила инструменты.

— Миша, держи морду.

Иногда бывает, что крючок еле-еле воткнулся и не дошёл до заусенца, тогда его можно легко вытащить, аккуратно потянув назад. Это был другой случай. Жало крючка прошло через нос, и его кончик виднелся снаружи.

При виде плоскогубцев собакоальба начинала с удесятёрённой силой сучить ногами, лязгать зубами и трясти мордой. Чудом никто из нас не получил крючок этой же блесны в какую-нибудь часть тела. Крючок здорово засел изнутри одной из ноздрей. Видимо, любое прикосновение вызывало дикую боль. Ужас застыл в глазах собакоальбы. Если бы ещё десять минут назад кто-нибудь мне сказал, что я буду работать хирургом и оперировать собачий нос, я бы рассмеялся ему

в лицо и ответил, что это никак невозможно. Однако в шоковом состоянии люди способны на многое.

Я понял, что надо зафиксировать собакоальбу, откусить крючок от тройника, проткнуть оставшимся крючком ноздрю и, протащив крючок, вытащить его за кончик с другой стороны. По моему опыту вытащить рыболовный крючок можно только таким способом.

— Надо её связать, — сказал я.

— Может быть, скотчем? — предложил Влад.

— Или верёвкой? — сказал Дима.

— Так кожу обдерём, — сказала Вика, — нужно бинтом.

Притащили бинт, связали передние и задние ноги. Хотели наложить повязку на глаза, чтобы собакоальба не видела страшных инструментов, но я сказал, что это бессмысленно, поскольку ей всё равно нужно будет держать морду. Вика легла всем телом на собаку, держа её передние ноги, Дима держал связанные задние.

— Значит так, — сказал я, — Миша, ты держишь морду. Навались всей массой тела, только череп не раздави. Ты должен опираться на руки, а между руками должна быть морда. Ты, Влад, держишь руки Миши. Парни, вы должны её держать, чтобы ни случилось. Готовы? Все готовы? Поехали!

Все напряглись, собакоальба рвалась и скулила, как психическая, от ужаса силы у этого связанного щенка прибавилось немеряно. Я собрал всю волю и взялся за инструменты. Оказалось, что кусачками было не подлезть, да и кусачки у меня были фиговые, честно говоря, их кусачные поверхности сходились не полностью. Пришлось взять плоскогубцы, там есть такая кромка, которую можно использовать, как кусачки. Довольно быстро мне удалось откусить крючок от тройника. Блесна упала на пол, вокруг раздался вздох облегчения, однако я знал, что самое сложное ещё впереди.

— Народ, — сказал я, — уже показался кончик крючка, сейчас быстро вытащим!

Это чтобы ободрить присутствующих, большинство из которых были страшно взвинчены, почти на грани истерики. Никакого кончика ещё не было видно.

Я стал пропихивать крючок через ноздрю, он никак не хотел пропихиваться. Собакоальбе было дико больно, и она страшно выла. Ребята крепко держали её морду, Вика с Димой старались удержать бившиеся в судорогах лапы. Было ужасно вести железный крючок через живой дёргающийся собачий нос. Мысль о том, что сейчас придётся её везти к ветеринару, не давала мне покоя.

Наконец, мне удалось пропихнуть крючок, и показался его кончик. Я ухватился за кончик плоскогубцами и вытащил крючок.

— Всё, народ, вытащил. Отпускаем, — сказал я.

Мы развязали собакоальбу, приласкали, дали что-то вкусенького. Каждый старался её погладить, ободрить, пожалеть. Девчонки улыбались и утирали слезы. Руки у меня тряслись, сердце в груди стучало как сумасшедшее.

— Надо водки выпить, — сказал я и улыбнулся.

Утром я собирался в Москву и достал пакет с блёснами. Собакоальба, как только его увидела, припустила со всех своих длинных ног в сад и забила в самый дальний угол.

ВЕСНА

Как великолепная лань, собакоальба грациозно разбежалась, элегантно оттолкнулась от земли, изящно взмыла в воздух. А какие-то сволочи лёд на пруду убрали...

КАК ОВЧАРКУ ЧУТЬ НЕ СЪЕЛИ

Сегодня, когда мы шли на прогулку, мы чуть не съели овчарку. Она необдуманно зашла в наш подъезд, не зная, что тут проживает грозная собакоальба. Никто не пострадал. Кроме хозяина овчарки, который ударился головой о почтовый ящик от неожиданности, когда собакоальба показала, кто тут хозяин в нашем подъезде.

СУМКИ

Первое, что делает собакоальба, когда кто-нибудь приходит домой, это проверяет сумки. Личность приходящего её при этом не очень интересует, много вас тут ходит. Если в сумках обнаруживаются вкусняшки (вяленые свиные уши или сушёные бычьи жилы), которые предназначены для неё, она их вытаскивает и с видом, не терпящим возражений, складировать на своём диване, приготовившись распатронить и сожрать всё сразу. Когда же вкусняшки отбираются с целью не допустить заворота кишок от обжорства, взгляд её выражает мировую скорбь от ничтожности человеческих личностей, с которыми ей волею судеб приходится общаться.

МАГАЗИН

Гуляли с собакоальбой, и тут позвонила жена: надо купить картошки. Привязал собакоальбу к заборчику у магазина. Думаю, не украли бы. Сволочь, конечно, но ведь родная. Однако делать нечего, пошёл за покупками.

Выхожу и понимаю, что зря волновался. Собакоальба изобрела свой собственный способ против грабителей. Вой её слышался за три квартала. Испуганные прохожие жались к стенам. Плакал ребёнок. Автолюбители закрывали окна. Ни один грабитель в здравом уме не покусился бы на этот

макабрический хвостатый корабельный ревун. Впервые горжусь чудовищем.

ЛУННЫЙ ТАПОЧЕК

Сегодня я одержал маленькую, но очень важную победу! Чувства переполняют меня! Но всё по порядку...

Так повелось, во многом благодаря стараниям моей жёнушки, что чудовище по имени собакоальба спит в ногах нашей кровати. Причём, ладно бы спала, как человек. Нет, эта скотина, стоит кому-либо сделать неосторожное движение ногой или её тронуть, немедленно вскакивает как подорванная и несётся в другую комнату. Затем, цокая по паркету, как барышня по кафелю в пустом туалете, прибредает обратно, и вот тут происходит самое гнусное, что может произойти в этом несчастном мире.

Эта сволочь встаёт около кровати и начинает жалостливо подвывать. Тут мы с женой разделяемся на два лагеря. Жёнушка моя начинает ласково увещевать эту тварь занять её тёпленькое нагретое местечко и дальше поспать, а я шиплю проколотым шлангом всякие грозные ругательства. При этом жена начинает за неё заступаться и стыдить меня, что я плохо отношусь к нашей собаченьке.

Обычно всё заканчивается тем, что я попросту хватаю собакоальбу за шкуру и втаскиваю на кровать, и они с женой мирно засыпают. Чего нельзя сказать обо мне. Порой я до утра не смыкаю глаз после такой вспышки гнева.

И вот сегодня, когда подлая псина опять устроила свой ночной концерт, я уже не выдержал, схватил свой тапочек и в ярости задулил в гадостное животное! И тут произошло чудо! Эта урода поджала хвост, быстренько забралась на кровать и свернулась калачиком. Старый добрый способ армейского

тапочка оказался эффективен и через годы после демобилизации!

В общем, как и у Нила Армстронга, сделавшего первый шаг на Луну, мой маленький бросок тапочком, стал большим броском против подлости и свинохрюканья!

МЫШИ

Собакоальба неожиданно проявила себя с хорошей стороны, чем несказанно удивила окружающих. Безумная мышь вывела за печкой кучу мышат размером с вишню. Собакоальба выловила всех шестерых и вытащила на улицу, где и принялась с ними играть. Некоторые даже смогли совершить побег на волю.

БУЛЬДОГ

Устал гулять с собакой? Надоело в любую погоду водить животное по улице? Достало быть ходячей приставкой к чудовищу на поводке? Попробуй гулять с двумя собаками! И ты поймёшь, что гулять с одной — это просто счастье!

Вчера утром было атомное гуляние. Я служил ядром и изо всех сил старался не поскользнуться на ледяной корке. Практически одним со мной ядром была собакоальба, которая медленно вращалась вокруг меня. А вокруг нас со световой скоростью летала Дженни-терьер-кокер-спаниель, играя роль электрона. Эту Дженни оставили нам наши друзья, а сами уехали в отпуск.

Ну а вечером с ними гуляла Вика, и тут собакоальба показала себя во всей красе своей предательской сущности. Вика имела глупость отпустить собакоальбу на свободу. Покружив для блезира около Вики, собакоальба улучила момент и подкралась

к группе мужиков, отмечающих в кустах окончание тяжёлого праздника имени Восьмого Марта. На поводке одного из алкашей болтался без дела бульдог. Не стерпев этого бесполезного существования, собакоальба вступила с ним в битву, и, конечно, бездельник был наказан.

В результате до трёх часов ночи мы вместе с пьяным хозяином и раненым бульдогом мотались по ветеринарным клиникам, бульдогу наложили три шва на две рваные раны, а собакоальба отделалась следом от сапога, которым её пнул хозяин бульдога, и моей оплеухой, когда Вика подняла меня с постели в час ночи, чтобы ехать в ветеринарку.

В общем, собакоальба — не друг человека ни фига. И бульдогов тоже. Факт.

ВСТРЕЧА С БУЛЬТЕРЬЕРОМ

Прогуливаемся мы с собакоальбой сегодня по нашему обычному маршруту, и тут на пути нашего следования вдалеке я замечаю довольно страшного вида бультерьера с хозяйкой на поводке. Поскольку собакоальба имеет подлую привычку неожиданно бросаться на необдуманно приблизившихся к ней на близкое расстояние особей собачьего племени, и особенно любит кусать собак бóльшей комплекции, чем она сама, я, не желая приключений, сворачиваю и начинаю огибать опасных встречных.

Кстати, знаете, как англичане охотились на львов в африканской саванне? Они закидывали льва бультерьерами, те повисали на нём, и лев совершенно не мог двигаться. Так и брали в полон. Иногда даже жарили прямо с повисшими бультерьерами, поскольку отцепить их не было никакой возможности.

И вот мы с собакоальбой обогнули опасную полянку и собираемся выйти на другую, как тут я замечаю, что наши

альтер алиас уже пасутся на этой новой территории. С досады я цокаю языком и начинаю выбирать новый маршрут для обхода, как вдруг слышу:

— Да чего вы все так боитесь? Мы что, такие страшные?!

Это хозяйка голос подала. Неприятный такой голос, с визгливыми нотками и склочными интонациями.

— Ну, не столько вы, — приветливо отвечаю я, — сколько ваши челюсти...

Я по возможности стараюсь не вступать в конфликты на бытовой почве.

— Да вы на свои челюсти посмотрите! — уже с некоторым напором кричит мне хозяйка и начинает подбираться к нам с собакоальбой.

— Да наши-то обычные, — отвечаю, — а вот ваши до двух тонн усилие развивают, как я читал, — а сам бочком-бочком ухожу в безопасную зону.

А собакоальба, стерва, даже и ухом не ведёт, не врубается в опасность всей ситуации, а даже как бы тянет нас в сторону злобной парочки.

— Оно и видно, — напирает хозяйка, — начитались вы всякой ерунды и нормальных собак пугаетесь. А сама к нам всё ближе подбирается со своим чудовищем.

Ну тут мы с собакоальбой прикинули всю бесперспективность дальнейшей дискуссии, поняли, что хозяйка ещё страшнее своего чудища, посему взяли руки в ноги и помчались подальше от ужасного приключения. Только собакоальба издалека, когда мы отбежали на безопасное расстояние, облаяла злобную парочку, выразив наше общее возмущение.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

У собакоальбы есть свой пост. Часами стоит она на втором этаже лестницы нашей дачи и наблюдает за окрестностями. Но она не такая дура, чтобы облаивать каждого проходящего. Лаает она только в ответ на завывания соседского пса Джека, который оглашает окрестности тоскливым воем в ответ на звоны церковного колокола.

Так что воскресное утро у нас начинается так: сперва раздаётся нестройное колокольное играние (с чувством такта у звонаря очень не очень), затем вступает Джек со своей партией вампира и только потом слышится интеллигентный лай собакоальбы.

Я же сквозь сон размышляю, к кому бы из них таки присоединиться: завывать или залаять?

НА ДАЧЕ

Сегодня собакоальба опять продемонстрировала во всей красе свою подлую сущность. Дело было на даче, а на даче собакоальба может терроризировать не только членов семьи, но и всю деревню. Чтобы снизить поток жалоб, мне пришлось огородить наш участок сплошной сеткой-рабицей, но, понятное дело, это не остановило чудовище. Она научилась приподнимать носом рабицу, как нутрия, и пролезать под ней. Тогда понизу всего участка (40 соток, между прочим) мне пришлось пустить второй слой более плотной сварной сетки. Это ненадолго приостановило набеги на соседские огороды.

Надо сказать, что рядом с нами живёт одна бабушка, и так сложилось, что она ходит через наш участок за водой к ручью, чтобы поливать свой огород. Создав защищённый периметр, я не мог перекрыть этот путь жизни и сделал две калиточки на пружинах, посчитав, что собакоальба не сможет открыть калитку, открывающуюся внутрь.

Ха-ха. Ха-ха-ха. Ха-ха-ха-ха-ха. Сегодня я стал свидетелем собственной наивности. Собакоальба подошла к калитке, просунула лапу, зацепила дверку и стала пятиться на трёх лапах, открывая калитку. Когда проход стал достаточно широким, она быстро вынула лапу и проскользнула в щель.

Теперь думаю, как укрепить калитки...

БАНАН

Собакоальба иногда отлично троллит незнакомцев. С близкими это уже не проходит, а вот с чужими она отрывается. Сегодня заходим в лифт, а там какой-то мужик банан ест. В лифте взгляд неумолимо притягивают дети и животные. Двери закрылись, мужик посмотрел на собакоальбу и поймал задумчивый взгляд прекрасных карих глаз. Собакоальба пару раз плавно качнула хвостом и дядя пропал. Засуетился, заёрзал, и вот уже он отламывает кусочек банана и почтительно предлагает его собакоальбе. Кусочек был из вежливости понюхан, после чего собакоальба равнодушно отвернулась, давая понять, что бананы собакам дают только удивительные идиоты. Мужик остался стоять со склизким кусочком в руках, не зная, куда его деть. Мы проехали только три этажа из одиннадцати. Дав ему помучиться пару этажей, собакоальба снова обратила на него внимание и помахала хвостом: не расстраивайся, дурачок, ты добрый, но глупый. Из лифта чувак вылетел красный, как рак.

**Остров
Моей Литературки**

СУКА

Наконец подошла моя очередь проходить таможеню. После коньяка в самолёте и короткого сна мучительно хотелось пить. Лишь несколько метров отделяли меня от напитков разной степени волшебства. Чуть далее было солнышко, море, чудесные пейзажи Крита и всё то, что должно было меня вытащить из текущего плачевного состояния организма.

Я поставил чемодан на ленту, и она жадно засосала его в утробу железного аппарата. Выложил в ящичек ключи, часы, телефон, ремень. Прошёл через рамку. К счастью, она молчала. Рассовал свои вещи по карманам и подошёл, чтобы забрать свой чемодан.

Мой чемодан держал за ручку седенький старичок в таможенной форме. Я выдавил из себя приветливую улыбку и хотел принять от него чемодан, но он не отпускал ручку.

— Сэр, у вас в чемодане находится длинный предмет, похожий на палку. Что это?

«О, господи», — подумал я, в голову лезли одни глупости про разные предметы, похожие на палки. Ни один из них не мог оказаться в моём чемодане. Мучительно хотелось пить.

— Простите, я не знаю, о чём идёт речь, — я решил выиграть время, хотя мой организм молил об обратном.

— Вам придётся пройти с нами, — на подмогу к старичку подоспел ещё один таможенник помоложе и покрепче, — вот сюда, пожалуйста.

— О'кей, — сказал я и заискивающе улыбнулся, выражая полную покорность греческим властям.

Я хотел понести чемодан, но старичок жестом показал, что он понесёт сам, бодро подхватил мой чемодан и засеменял куда-то влево по коридору. Мне ничего не оставалось, как

последовать за ним. Сзади путь к отступлению прикрывал молодой таможенник.

Они ввели меня в какую-то комнату, поставили чемодан на стол и удалились. Я огляделся в поисках кулера и к моему глубокому огорчению его не обнаружил.

В комнате было лишь несколько столов грязно-голубого цвета, пара стульев и фикус, замученный цивилизацией. Окно было заботливо забрано ажурной решёткой. Я почувствовал себя в западне. Появилось чувство, как у астматика, которому пора принимать лекарство, а его нет в наличии. Я устало опустился на стул и принялся глядеть через решётку на взлетающие и садящиеся самолёты. Через некоторое время дверь распахнулась и в комнату вошла Она.

Есть такие женщины, красота которых возносит их на какую-то иную ступень эволюции. В их присутствии, как в присутствии царя, невозможно сесть без разрешения. К ним, как к важному генералу, не обращаются по собственной инициативе — только когда они заговорят с вами. Как священнику, им хочется целовать руку сразу и ни за что.

Высокая, стройная гречанка с тонкой талией и грудью не меньше пятого размера. Длинные волосы цвета меди. Чувственный рот. Горбинка на носу придавала её лицу античные черты. Кожа смуглая и матовая. Ноги были взяты напрокат у какой-то грациозной статуи Микеланджело. Казалось, её одели в таможенную форму с короткой мини-юбкой для какого-то показа мод.

— Бонжур, мадемуазель, — пролепетал я. Мужчины моментально глупеют в присутствии таких созданий. Интересно, что сексуальный инстинкт гораздо сильнее даже таких серьёзных состояний, как похмелье.

— Добрый день, — сказала она, улыбнулась и изящно присела за стол.

Я стал выпадать из ситуации. Было трудно не смотреть на её ноги.

— Скажите, — что это за длинный предмет у вас в чемодане.

— Сеньора, я не знаю.

— Вы не против, если я открою ваш чемодан?

— Конечно нет, пожалуйста.

Я бросился помогать ей справиться с чемоданом.

Поверх всех вещей лежали мои трусы, которые я сунул в последний момент при отъезде. Я смутился, но мадемуазель, видимо, видела и не такое в чужих чемоданах. Она покопалась в моих вещах и вытащила батон брауншвейгской колбасы, которую я взял на закуску на случай непредвиденных обстоятельств.

— Скажите, это ваше?

— Моё, — сказал я, несколько смущённо. Сиротство какое-то: на курорт — со своей колбасой, совок чёртов. Ещё бы консервы прихватил.

— Так... — сказала она и посмотрела своими зелёными глазами на меня, — а вы знаете, что колбаса запрещена к провозу на территорию Греции?

— Серьёзно? — спросил я.

— Да, — сказала она, и тон её стал официальным, — а вы знаете, как называется нелегальный провоз запрещённых предметов.

— Как? — спросил я. Пить хотелось всё больше, и я начал раздражаться из-за этого глупого разговора.

— Контрабанда.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— Подождите, вы это серьёзно?

— Абсолютно.

— Бред какой-то... — в голове моей происходило броуновское движение мыслей.

Я хотел выкрикнуть «я требую консула», но быстро понял всю глупость такого действия. Вряд ли целый консул станет приезжать из-за какой-то колбасы.

— Позвольте, если нельзя, так нельзя, что ж, я готов её выкинуть или подарить вам, — я попытался улыбнуться. Получилось несколько неуклюже.

— Сэр, похоже, вы не понимаете всю серьёзность создавшейся ситуации, — спокойно сказала красавица, — вы пытались провезти на территорию нашего государства запрещённый к ввозу предмет и были задержаны с ним на границе. Это квалифицируется как контрабанда, и мы вынуждены вас задержать до решения суда.

— Да вы с ума сошли! — закричал я, — это же колбаса, простая колбаса! Не оружие, не наркотики, не предмет искусства, наконец! Простая брауншвейгская колбаса...

В возбуждении я вскочил на ноги. Красавица нажала кнопку. Вбежал охранник и решительно направился ко мне. Я отступил в угол.

— Если вы будете вести себя буйно, мы будем вынуждены надеть на вас наручники.

— Нет-нет, всё нормально, — я поднял руки, — я в норме, всё будет о'кей.

Охранник посмотрел на красавицу, та сделала знак, и он вышел.

— Хорошо, что мне грозит за это ужасное преступление? — я попытался шутить.

— Ну, это решит суд. Статья предусматривает от трёх до пятнадцати лет в зависимости от обстоятельств дела. Будете вести себя благоразумно — получите по минимуму.

Я перестал понимать, что происходит. Бред какой-то. Театр абсурда. Три года за колбасу?! Съездил, блин, отдохнул...

Устало опустился на стул.

— Можно воды?

— Конечно, — красавица грациозно встала, подошла к двери на своих высоких каблуках и попросила кого-то принести воды.

Напившись, я потихоньку начал приходить в себя. Позвонить адвокату в Москву? Обратиться всё-таки в посольство? Позвонить друзьям? Мысли роились в голове разбуженным ульем.

— Скажите, что означает русское слово «сука»? — нарушила она молчание.

— В смысле? — я не сразу понял, о чём речь.

— Ну, в русском есть такое слово?

— Есть, — сказал я, пытаюсь сообразить, к чему она клонит.

— И что оно значит?

— Ну, у него много значений... — уклончиво сказал я.

— И всё-таки? Ну, например, если так говорят девушке?

— Ну, видимо она не очень хорошо себя повела по отношению к тому, кто ей это сказал.

— Я так и думала... Насколько нехорошо?

— Очень.

— Совсем?

— Ну, бывает и хуже... — пошёл я на попятный. Не хватало ещё и тут влезть в историю.

— Ясно, — сказала она.

Мы помолчали.

— Ладно, на первый раз делаю вам предупреждение, но впредь будьте аккуратны с таможей. Можете быть свободны.

— Как? — не понял я. Вместе с радостью в душе клубилось какое-то недоверие. Слишком резки были перепады мрачной темноты будущей тюрьмы и белого света свободы.

— Совсем, — улыбнулась она своей улыбкой голливудской дивы, — вас проводят. Чемодан можете взять с собой.

Я вскочил, схватил чемодан и ринулся к дверям. В дверях остановился и, обернувшись, спросил:

— Скажите, что это было?

— Я рассталась с одним человеком. Он был русский... — она улыбнулась.

— Сука, — с чувством сказал я, закрыл дверь и побежал в сторону ларька с пивом.

ШМАЛЬ

Звонок Длинного поймал Юльку в тот момент, когда она выходила с покупками из магазина. Ей страшно повезло. В пакете лежала именно та короткая джинсовая юбочка, о которой она мечтала. И как удачно она выловила её! Как раз к своему дню рождения. Парни лягут, когда она появится в ней и в новых найковских кроссовках на Поляне.

— Привет, Помидорчик, — услышала она голос Длинного, — чем дышишь?

— Да так, кручусь, — безразлично сказала Юлька, несмотря на то, что сердечко её готово было выпрыгнуть из груди.

Длинный ей давно и безответно нравился. Но она была маленькой для него. Была! Послезавтра ей будет шестнадцать и всё, абсолютно всё изменится.

— Чо, на днюху-то прибудешь? — Длинный улыбнулся на том конце провода.

«Ясен пень прибуду!» — хотела заорать Юлька, однако задушила эмоции и глухо бросила:

— Собираюсь...

— Ясно, — сказал Длинный.

Юлька решила, что надо прощаться. Разговаривать с парнями было проще лично, когда их глаза притягивала её точёная фигурка и стройные ножки.

Однако Длинный прощаться не спешил. Он помолчал и потом сказал:

— Слышь, Помидор, ты эта, травы что ль привези из города, покурим на днюхе, затащимся.

— Не знаю, — сказала Юлька, хотя ответ у неё в голове был другой, — попробую.

— Ну, бывай, — сказал Длинный, — мы тебе тут подарок готовим — забалдеешь!

— Неужели? — Юлька постаралась придать своему тону язвительности, — веники берёзовые настригли или лапти липовые сплели?

— Ага, лапти. Увидишь эти лапти, будешь плясать от радости, — спокойно сказал Длинный, не ведясь на её провокацию, — ладно, приедешь — звони.

— Бай, — сказала Юлька и нажала отбой.

Подарок! Вот это да! Интересно, что это... Как бы узнать... Может, Ольгунчику позвонить? Да нет... Парни наверняка без девок чего-то задумали... Как же дожить до субботы?!

Юлька вспомнила о шмали. Надо было непременно её достать. Выполнив просьбу Длинного, она перейдёт на другую ступеньку, это точно. Юлька набрала номер Серёги.

— Слышь, Серый, мне трава нужна. Не присоветуешь, где взять?

— Помидорка, ты что, на наркоту присела? — заржал Серёга.

— Вот ещё, — вспыхнула Юлька, потом спохватилась, — а ты чо, в детскую комнату милиции устроился работать?

— Пока нет, только мечтаю об этом. Ладно, тебе сколько надо?

— Ну... — Юлька замялась, — пакет.

— Пакет? — заржал Серый, — пакеты разные бывают, подруга. Некоторые пакеты и на грузовике не увезёшь.

— Короче, Серый, есть трава или нет? — Юлька пошла ва-банк. — Колись давай.

— Сама колись, — пошутил Серый, — я предпочитаю курицу.

И опять заржал. «Ну, точно, лошадь, — подумала Юлька. — Конь педальный».

— Ну, нет — так нет, — сказала Юлька и сделала вид, что сейчас повесит трубку.

— Ладно, есть тут немного, заезжай.

— Буду через пятнадцать минут, — сказала Юлька и счастливо улыбнулась. Всё шло как нельзя лучше.

Она доехала до Серого, отдала ему деньги, благо оставалось немного после покупки юбки и новых колготок, забрала пакет и спустилась во двор.

А ведь ещё нужны папиросы. Юлька курила траву всего два раза, оба раза на Поляне, и видела, что траву парни забивают в папиросы, выдув предварительно оттуда табак.

Перейдя улицу, она подошла к табачному киоску и наклонилась к окошку.

— Казбек дайте, — сунула деньги в окошко.

— Ещё тридцать копеек, — сказал сморщенный от времени старичок-продавец, — и прошу вас без сдачи.

Юлька стала рыться в карманах в поисках мелочи, но мелочь никак не находилась. Краем глаза она заметила за собой молодого человека, взглянула на него мельком, продолжила поиски в сумочке.

Ничего так себе. Высокий, стройный. Разрез глаз красивый. Одет неброско, но модно. Нюх на дорогие вещи у Юльки был.

— Возьмите, — улыбнулся ей молодой человек и протянул мелочь, — а то я на работу с вами опоздаю.

— Спасибо, не надо, — смутилась Юлька.

Какой красавчик, однако. Юлька покраснела.

— Берите, берите, — голос у красавца был уверенным и надёжным. С таким голосом хотелось иметь дело.

Юлька давно нравилась взрослым мужчинам и знала это.

— Ну, давайте, — кокетливо выудила монетки из ладони красавчика, сунула в окошко, забрала папиросы и двинула

в сторону дома. Отойдя метров на 10, обернулась и, махнув пушистыми ресницами, бросила:

— Спасибо...

— Не за что, — неожиданно серьёзно сказал красавчик и как-то странно проводил её взглядом.

Войдя в подъезд, Юлька достала ключи, стала открывать почтовый ящик — через дырочки что-то белело.

Хлопнула дверь, и в подъезд вошёл ещё кто-то. Юлька достала какие-то квитанции, мельком их просмотрела и сунула в сумку. И тут неожиданно ясно почувствовала, что тот, вошедший, стоит у неё за спиной. В висках гулко запульсировало. Откуда-то снизу к горлу подкатила волна безотчётной паники. Юлька одной рукой продолжала закрывать почтовый ящик, а другую незаметно опустила в карман куртки и нащупала баллон, который ей всё-таки сумел втюхать как-то отец, несмотря на все её протесты.

— Девушка, можно вас на минутку? — голос был твёрд и уверен, но доброжелателен.

Красавчик, но маньяк, пронеслось у Юльки в голове. Она резко обернулась и выбросила руку с баллоном вперёд. Однако красавчик не испугался и не отпрянул, а каким-то неуловимым движением перехватил её руку, отвёл в сторону, где-то нажал. Газовый баллончик выпал из её руки и медленно покатился по бетонному полу.

— В таком небольшом помещении вы себе девушка принесёте газом больше вреда, чем противнику.

— Отпустите, — сказала Юлька. Мысли прыгали в её голове, как пинг-понговые шарики.

Красавчик отпустил, и Юлька стала растирать покрасневшее запястье. Кожа у неё была очень нежная, всегда следы оставались.

— Как вас зовут? — спросил красавчик.

— Я на улице не знакомлюсь, — проворчала Юлька.

— А придётся, — негромко сказал незнакомец, достал из нагрудного кармана удостоверение и представился, — капитан Симонов. У вас есть документы с собой?

«Влипла, — подумала Юлька, — чо делать-то? Может, на жалость давить...»

— Какие документы, я в школе учусь.

— Обыкновенные. Паспорт, например. Вам сколько лет?

— Шестнадцать. В субботу будет.

— Вот. А паспорт в четырнадцать выдают. Есть паспорт?

— Дома, — сказала Юлька.

— Жаль, — несколько расстроился оперативник, — а что у вас в сумочке?

— Учебники, — соврала Юлька. У неё возникла в голове картинка из учебника по литературе, на которой нескольких несчастных неумолимо несло по реке к обрыву с водопадом.

— Можно взглянуть, — оперативник не особо церемонясь забрал у неё сумочку, порылся в ней и достал пакет с травой.

— Учебники, говоришь, — он перешёл на ты, — хорошие учебники, с весёлыми картинками. Твоё?

— Нет, подбросили.

— Верю, — сказал красавчик, — придётся проехать в отделение и оформить изъятие.

— Я никуда не поеду, — твёрдо сказала Юлька.

— А вот это зря, — опять расстроился оперативник, — сама подумай. Сейчас приедем, заполним опись и отпустим тебя на все четыре стороны. А вот если ты не поедешь, то это уже неповиновение сотруднику полиции, и это называется преступлением.

— А это не долго — опись? — Юльке хотелось ещё успеть в парикмахерскую к семи, куда она была записана ещё с прошлой недели.

— Нет, — сказал оперативник, — минут десять, поехали.

— Ну ладно, — согласилась Юлька с некоторым облегчением, и они пошли на улицу.

В грязном, заплёванном и вонючем обезьяннике вместе с бомжами и покрашенными, как русалки, проститутками её продержали четыре часа, прежде чем вызвали к следователю.

Войдя в кабинет, Юлька увидела совсем молодого парня за столом, бритого под ёжик. За соседним столом сидел её знакомый красавчик и что-то писал.

— Вы же обещали десять минут, — заорала Юлька, — вы что, забыли обо мне?!

— Девочка, ты тут не кричи, а то есть у нас тут разные камеры, — язвительно сказал молодой. Года на два всего старше Юльки.

— Да вот он, он мне обещал, — Юлька тыкала в красавчика пальцем.

— Вот, молодёжь, — недобро усмехнулся красавчик, — ты и вправду поверила, что пакет шмали величиной с твою голову просто примут по описи, а тебя отпустят восвояси? Ты думаешь полиция — это пункт по приёму наркотиков от населения?

— Но вы же обещали, — у Юльки навернулись слезы на глаза, — зачем же вы?

— Зато как доехали спокойно, — улыбнулся красавчик, — без шума и пыли.

Юлька наконец поняла, что попала она серьёзно. Жестокость этих людей опрокинула её. У неё началась истерика.

— Сволочи вы! Сволочи! Сволочи! — кричала она в голос.

— Значит так, — повысил голос молодой, — замолчи! Криком делу не поможешь. Светит тебе, подруга, 228-я, часть вторая, хранение и сбыт, до трёх лет. Взяли тебя с поличным. Президент тут на днях объявил войну наркотикам, поэтому в суде задержек не будет. Но мы — люди нормальные, не звери. Девушка ты симпатичная...

Юлька съёжилась от его сального взгляда.

— Так что поможем тебе. Внесут за тебя определённую сумму — пойдёшь домой. Сто тысяч — до завтрашнего дня. Есть, кому позвонить? Думай быстрее, — он протянул Юльке сотовый.

Юлька лихорадочно стала перебирать родных и близких. На проверку вариантов оказалось не так и много. Родителям было звонить немыслимо. Мать на даче, в Вологде. Отцу говорить было нельзя, лучше уж в тюрьму. У друзей таких денег быть не могло. Оставался один вариант.

— Ирка, привет, — всхлипывая, она стала сбивчиво рассказывать свою историю сестре.

Беременная сестра Ирка пришла в шоковое состояние. Наркотики, тюрьма, сто тысяч до завтра?!

— Столько сразу нету, — сказала Юлька, отрываясь от телефона.

— За сорок тысяч поедешь домой ночевать, завтра привезёшь остальное.

Через два часа Ирка привезла сорок тысяч.

— Значит так, девочки, — сказал красавчик, — прошу без глупостей. Мы вам позвоним и скажем, куда и когда привезти оставшиеся деньги. Но предупреждаю, любой звонок кому-либо — и мы заведём дело задним числом. Сядет в тюрьму года на три. Идите и ждите на днях звонка от нас.

Сёстры в страхе прождали две недели, поняли, что звонка не будет, и поехали на дачу в деревню. Родителям условились ничего не рассказывать.

Сойдя с электрички, они прошли через небольшой лесок, поднялись на пригорок и увидели внизу россыпь домишек с церковью посередине. Стали спускаться, и тут Юлька увидела внизу сбоку от дороги кучку ребят. Среди них выделялась высокая фигура Длинного.

— Пойдём через мост? — попросила Юлька сестру.

— А завтра — тоже через мост пойдёшь? — недобро сказала Ирка. Она была всё ещё зла на сестру, — идём!

Ирка решительно зашагала к стоявшим у дороги.

Увидев девчонок, Длинный отошёл от своих и, улыбаясь, ждал, когда они подойдут.

— Эй, Помидорчик, ты чего свою днюху прокинула?

Беременная Ирка подошла вплотную к Длинному, встала на цыпочки и залепила ему такую звонкую пощёчину, что звук был слышен, наверное, и в деревне. Длинный смешался, запыхтел, на его щеке проступал красный след от маленькой ладошки.

— Эй, ты чо? — заорал он, — да я тебя урою!

— Ещё раз к сестре подойдёшь, — я тебя посажу, — сказала Ирка и со всей силы наступила на его ногу каблуком своей изящной туфельки.

— А, — заорал Длинный, — ты чего делаешь-то?! Жить надоело? Да я тебя...

Ирка взяла сестру под руку, и они зашагали к своему дому. Там их мама уже пирожков со шпинатом напекла.

ЭДЬКА (БАЛЛАДА О МЕЛЬКОМБИНАТЕ)

Посвящается Бальфу

Один мальчик, назовём его, допустим Эдька, родился в Казани. Ну, в Казани и в Казани, с каждым может случиться. Мальчик был смышлённый, в школе учился хорошо, особенно по физике. И, как результат, поступил в МГУ на физический факультет, который и окончил в скором времени. Потом же случилось так, что пришлось ему уехать обратно домой, более того, судьба-подлюка закинула его на мелькомбинат инженером, чего, конечно, мало кому пожелаешь.

Вот работает он, работает инженером, перебивается с хлеба на красное вино по рубль-семьдесят-пять (тогда такие смешные цены были), а тут — бац, десятилетие университетского курса

нагрянуло. Время-то быстро летит, не то что оглянуться, по сторонам ничего не замечаешь. Делать нечего, надо ехать, дружков повидать, да и вообще. Тем более, что один из однокурсников выбился в олигархи и оплачивает всем проезд не только из Казани, но даже из какого-нибудь Лос-Анжелеса.

Приезжает. Встречается. Объятия, как дела, водка рекой, пьяные поцелуи, очнулся утром на травке перед 1-м гуманитарным корпусом. И вот, лежит Эдька на травке, смотрит в голубое безоблачное небо и так ему хреново, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И не с похмелья ему хреново, а по другим, не связанным с волшебными жидкостями причинам. Ну, то есть, справедливости ради надо сказать, что с похмелья ему тоже хреново (у нас же рассказ абсолютно правдивый), но основные муки его носят, скорее, душевный характер, нежели физический.

И суть в том, что вчера на встрече увидел Эдька, как поднялись его однокурсники, каких высот достигли они в разных отраслях народного хозяйства, какие должности они занимают и какие звания носят. Один в крупном банке работает начальником департамента, другой — директор крупной торговой фирмы, третий — вообще олигарх, свой банк имеет. Выпускники физфака вообще сильно продвинулись в новой, перестроечной реальности, чего уж там.

И так Эдьке стало обидно за свою мелькомбинатовскую жизнь, что хоть криком кричи. Эдька и покричал. Недолго, минут пять. Но равнодушное мироздание никак не отреагировало на Эдькины возгласы. И такую вселенскую несправедливость почувствовал Эдька в этом худшем из миров, что решил в тот момент он покинуть этот мир и... Нет-нет, до этого не дошло. Эдька решил всего лишь уехать за границу и тем резко изменить свою жизнь. Прямо, как в том анекдоте. Хочешь резко изменить свою жизнь? Так выйди на перекрёсток

и вдарь со всей дури молотком по лобовому стеклу шикарного мерседеса.

Но не сразу, не сразу удалось ему покинуть свою Родину. Прошло несколько лет. Эдька сумел переехать в Москву, сделал карьеру и достиг немалых высот в бизнесе. Когда его назначили директором департамента немецкой компании «Сименс» по продаже газонефтяного оборудования, об этом сообщили в главной бизнес-газете «Коммерсант». Жизнь вроде налаживалась.

Новая работа имела свои минусы: приходилось много летать и много пить с нефтяниками, северными ребятами с лужёными глотками, но она, эта работа, приносила такой доход, который даже по московским меркам был гораздо выше среднего. Однако счастья при этом как-то не наблюдалось. Печалился Эдька о своём уходящем здоровье, до дрожи боялся летать на самолётах и жаждал тихой, спокойной жизни.

Но! Но... Но часовой механизм в душе Эдьки всё это время тикал, неустанно претворяя в жизнь заданную много лет назад программу. Бомба ждала своего часа, и час этот пробил. В некоторый момент Эдька вдруг обнаружил, что ему и его семье (включая эрдельтерьера Макса) пришли документы на выезд в зарубежную страну Канаду. Пометался Эдька туда-сюда, пописал в дискуссиях и форумах вопросы о тамошней жизни, да и отбыл в новые палестины со всем семейством и, конечно, эрдельтерьером.

В городе Ванкуверске Эдьку встретили тепло, там уже жило несколько семей его однокурсников, целая небольшая физфаковская диаспора. Помогли устроиться, найти квартиру, начать поиски работы. Да вот с последним как-то не заладилось. Отличные рекомендательные письма из русского отделения «Сименса» произвели на канадский офис этой компании такое же впечатление, как лягушонок на бегемота. Помыкался Эдька, помыкался, а жить-то надо. За квартиру платить,

продукты покупать, ну и прочие неинтересные дела совершать по ведению домашнего хозяйства. Неинтересные, но неизменно требующие денежных знаков. Делать нечего, устроился наш Эдька ночным охранником, по-нашему считай — сторожем.

За полгода Эдька сделал карьеру. Эдьку перевели из ночных сторожей в дневные. И тут его работодатель подставил. Дал ему чек в качестве зарплаты, Эдька им расплатился с арендодателем за квартиру, тот пришёл в банк его обналичивать, а денег нет, чек не обеспечен. Работодатель не успел деньги перевести на счёт. А в Канаде расплатиться необеспеченным чеком — это Страшное Преступление. Хуже, чем голову кому-нибудь отрезать или бомбу с динамитом взорвать. Конечно, потом разобрались, что к чему, деньги перевели, за квартиру расплатились... Но! Но в кредитной истории Эдьки появилось пятнышко. А пару таких пятнышек — и кредит в банках для тебя закрыт. Ну а без кредита в зарубежных странах — это как без воздуха или как без машины — жить невозможно.

Короче, и за границей Эдькина текущая жизнь была усыпана не розами, а шипами. В общем, никак не отпускал Эдьку мелькомбинат, даже и на Канадчине. И стал Эдька мрачен и занудлив от такого положения дел. Стал он Канаду ругать и капиталистические порядки поносить. Причём не только один в ванной, закрыв дверь, но и во всеуслышание, в компании друзей-канадцев-однокурсников. И даже с применением технических средств связи типа всемирной сети Интернет. А, надо сказать, порой это сильно действует на нервы, когда тебе постоянно объясняют, что ты в дерьме живёшь. Тут поневоле закрадывается мысль о том, кто тогда ты есть. А если это ещё и повторяют при каждом удобном случае, много раз одно и то же, то такое говнословоблудие не каждый и местный выдержит, не говоря уже об эмигрантах.

И вот наступил естественный момент, когда Эдька достал всех своих дружков и ссадили они его с подводной лодки

на полном ходу без права возврата на судно. В игнор, так сказать, поставили. В общем, бойкот объявили. Эдька им, конечно, кричал, что они партком устроили, что сволочи оне, а не дружки и что он это уже проходил на мелькомбинате. Но дружки угрюмо отмалчивались, не желая вступать в бесперспективную дискуссию, потому что уже хлебнули Эдькиной словоохотливости и занудства. В общем, получился совершенный мелькомбинат, хотя и в импортном исполнении.

Полный обид уехал Эдька из Ванкуверска в Торонто. Там работал сначала разносчиком пиццы. Потом с огромным трудом, преодолевая кучу препятствий и геморроя, удаётся ему получить диплом электрика. Напомню, выпускнику физфака МГУ — одного из сильнейших физических институтов мира. Там, в Канаде, до хрена своих электриков, канадцев по рождению и с канадским профильным образованием. Варяги на фиг никому не нужны.

Но Эдька пробился, смог, получил все документы. На радостях купил в кредит огромный дом у озера и начал потихоньку приходить в себя. А тут кризис. Недвижимость подешевела, банк требует возместить разницу, а с работой тоже швах. Привет от мелькомбината. Но Эдьку фиг сломаешь, он устраивается на работу в северные районы, вешать провода на электролиниях. А погода минус 50, сопли в носу замерзают. А пальцы на морозе не гнутся. А ноги уже давно ничего не чувствуют.

И вот висит как-то Эдька на столбе на ледяном ветру, крутит чёртовы гайки и вдруг понимает, что дело не в проводах, и не в морозе, и не в Канаде, и не в России, и не в этом всём. А дело в том, что мелькомбинат живёт в нем самом, внутри, и куда бы он ни уехал, чем бы он ни занялся, всегда ему будет так же хреново, как тогда на травке перед 1-м гуманитарным корпусом, пока мелькомбинат будет жить в его голове.

Слез Эдька со столба, бросил кусачки в снег и уверенно зашагал в сторону вездехода. Впервые ему полегчало.

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

— Ты куда? — Светик открыл один глаз и с подозрением воззрился на Антона.

— Зарядку делать. Спи.

— Сумасшедший, — Светик повернулся на другой бок и накрылся с головой одеялом. Из-под одеяла торчала маленькая ножка с родинкой между пальчиками.

Антон оделся, спустился со второго этажа, кивнул портье. На улице было свежо и морозно. Ранний рассвет окрасил гостиничку и окружающие дома в новорождённые розовые тона. Было удивительно тихо. Субботнее питерское утро только начиналось, и на улице было очень мало прохожих. Маленькая, укутанная в старое пальто бабуля неспешно шаркала по тротуару.

— Бабушка, где тут цветы можно купить?

— Цветы? — изумилась бабуля. В пять утра это выглядело несколько странно.

— Ну да, цветы, — смутился Антон, — очень надо, бабуль...

— Цветы, — наконец пришла в себя бабуля и хитро улыбнулась, — цветы, пожалуй что, только на вокзале сейчас купишь, милоч.

— На вокзале... — загрустил Антон, — а как до него добраться?

— Да на троллейбус вон садись, и через две остановки вокзал-то и будет.

— Спасибо, бабушка.

Всё было просто. Антон замёрз, поймал машину, доехал до вокзала. Сонная продавщица продала ему тринадцать ослепительно жёлтых роз. Когда Антон осторожно приоткрыл

дверь, Светик ещё спал. Из-под одеяла торчал только маленький симпатичный нос и пушистые ресницы. Антон осторожно положил цветы у самого носа в надежде, что нос почувствует запах роз, но нос не реагировал.

При взгляде на спящую девушку возникает совершенно необычное чувство. Она беззащитна под твоим взглядом, ты можешь в подробностях рассмотреть её реснички, брови, губы, нос, непокорную соломенную чёлку. В обычной жизни за такой взгляд можно получить по моське. Думаю, похожее чувство испытывали Маленков, Хрущёв и прочая шушера, когда умер Сталин. Впервые они могли не боясь смотреть на его лицо, и впервые они заметили, какой у него уродливый нос, сколькими оспинами изъедено его лицо и какие смешные у него уши.

Наконец, Светик вздохнул, поёжился и открыл один глаз. Глаз попробовал оглядеться, но кроме жёлтых роз ничего не было видно. Светик отодвинулся, оглядел охапку роз, втянул воздух, улыбнулся и зарылся носом в букет.

Через некоторое время оттуда донеслось:

— А где мой кофе?

— А у нас сегодня не кофе. У нас шампанское.

— Я думала, ты правда зарядку делать. Даже в окно смотрела.

— Я хотел, но потом передумал.

Антон достал из холодильника припасённую бутылку шампанского, открыл, разлил по фужерам. Намазал бутерброды с красной икрой, пододвинул поднос к постели.

— Я сначала умоюсь, — Светик накинул рубашку на голое тело и скользнул в ванную.

Потом они сидели, пили шампанское, жрали бутерброды с красной икрой и болтали ни о чём. Светик опять ворчал, а значит, пребывал в прекрасном расположении духа.

Потом целовались.

Потом шлялись по Питеру, купили миноги и запивали их коньяком, хохотали в Кунсткамере и мёрзли на Авроре.

А вечером поезд увёз её в далёкий Челябинск, и от этого волшебного дня ничего не осталось. Ну, почти ничего. Разве что засохшие розы, которые Антон выкинул всего-то через шесть месяцев. В день её свадьбы с другим.

ДЕВУШКА ИЗ АШВЕМА

Вечер не предвещал ничего необычного. Занимаясь домашними делами, Андрей зачем-то зашёл в сарай. Там-то он внезапно и наткнулся на тёмную квадратную бутылку из толстого стекла из-под семилетнего гоанского ром. И тут, в этот самый миг, воспоминания вспышкой взорвались в его голове. Он вспомнил этот странный вечер в Ашвеме, этот кабачок на берегу океана, эту смуглую девушку с татуировкой на запястье. Кто ж знал, что всё так может обернуться?

Вернувшись в дом, Андрей обнаружил, что опять отключили электричество. Он поставил бутылку на стол и зажёл свечу. Тогда, в Ашвеме, на столиках тоже горели свечи в прозрачных стеклянных колбах, защищающих их от ветра.

Она подошла сама и спросила, можно ли присесть. Её английский акцент выдавал в ней европейские корни, но матовая кожа была темнее обычного загара.

Насыщенный рубиновый цвет рома светился изнутри багровыми тонами. Казалось, что-то живое и таинственное жило внутри бутылки. Тёмно-алые блики танцевали на поверхности стола причудливый танец. Девушка с татуировкой тогда тоже долго рассматривала ром на свет и загадочно чему-то улыбалась. А потом медленно танцевала под тихую индийскую мелодию, плавая в музыке и являясь с ней одним целым.

Они проговорили весь вечер. О чём? Странно, но Андрей практически не помнил. Время незримо текло вместе с глотками рома Old Monk. Только ясно отпечаталась её фраза в конце, когда он спросил, может ли её проводить. Она улыбнулась уголком своего удивительно красивого рта и с лёгкой, едва заметной грустью сказала, что у неё дела. Какие могут быть дела у красивой молодой девушки на берегу океана в пять часов утра?

Утром, когда Андрей по своему обыкновению бежал по кромке воды, он внезапно увидел скорую и каталку с телом под ослепительно белой простыней. Невольно он подошёл. Из-под простыни виднелась тонкая смуглая рука с татуировкой...

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Посвящается Джону Куратову

Старый обрюзгший Карлсон третий час стоял в пробке. Он достал телефон и запустил «Яндекс. Пробки». До горизонта всё было бордовое.

Он переключился на раздел «Разговорчики» и набрал:
<Я самый больной в мире человек, пропустите, козлы!>

Кто-то откликнулся:

<Фу, как некультурно!>

Карлсон криво усмехнулся и написал:

<Да это я шалю! То есть балуюсь!>

<Опять розыгрыш. Шалунишка!>

<За шалунишку ответишь, петушило...>

<Я смотрю, тюремный жаргон вам не чужд. Вы не замышляете, случаем, зловещее преступление на крыше?;>

<Ты, чучело картонное, и не представляешь, как там жить — на крыше...>

<Да, знавал я одного авиатора, тоже на крыше жил. Улетел...>
>
<И чего он там потерял на крыше, чепушило?>
<Ничего. У него там дом был. Вам не понять.>
<Чудило ты гороховое, когда-то давно у меня у самого был дом на крыше.>
<Подождите, а вы случаем варенье не любите?>
<Давно сижу на нём не по-детски>
<Карлсон, ты???)>
<Малыш?????)>
<Карлсон, ты вернулся!!!>
<Малыш, спокойствие, только спокойствие)))>
<Ну, я уже не совсем малыш. Но так меня когда-то звали...>
<Ку-ку! Ку-ку, мой мальчик!>
<Карлсон, ты куда делся-то тогда???)>
<Ну, куда-куда, приняли меня ментяры. На шнифе взяли...>
<На чём?>
<Да, продуктовый подрезал. Ломка у меня была, а варенья было не достать...>
<И что?>
<Что-что... Четыре года строгого режима, вот что!>
<Чего ж ты не улетел?>
<Ага, улетишь, как же. Они ж лопасти с пропеллера сразу сняли...>
<Четыре года без пропеллера?>
<Да нет, на прогулку прикручивали. «Энернешнл Эмнести» вмешалась. Сказали: нарушение прав человека в самом расцвете сил. Но только в клетке.>
<Слушай, Карлсон, а давай встретимся?>
<Ой, Малыш, что-то мне вдруг домой так захотелось! Вообще задержался я тут с тобой, мне спать пора, будь здоров, Малыш, ну я пошёл!>

<Подожди, Карлсон! У меня и варенье есть. Цистерна! Я ж теперь вареньем торгую!>

<Что?! Цистерна???)>

<Не поверишь — цистерна!>

<Давай адрес.>

Малыш написал адрес и довольный откинулся в инвалидном кресле. Он уже давно никуда не выходил, жил в одиночестве и общался только по интернету. Чат «Яндекс. Пробки» ему особенно нравился своей лапидарностью. Он отпил малинового чая и крикнул, чтобы в соседней комнате было слышно:

— Шарик, ты даже не представляешь, кто к нам сейчас придет! Тот, кто лучше собаки!

РАССКАЗЫ ПРО ПЕТРОВА И МАШЕЧКИНА

(похмельный лубок)

ПОДВИГ

В пьянке четвёртый день самый сложный. Петров это знал, поэтому с утра сразу заскучал. Машечкин привычно суетился по даче, жена Машечкина готовила харчо. Короче, жизнь текла мимо. Петров пошёл в сад. Сад жил своей жизнью, и ему было наплевать на нравственные мучения Петрова. Немного побродив по безучастному саду, Петров вернулся в дом к людям. Люди давали надежду на хоть какое-то разнообразие в отличие от полумёртвых деревьев. В доме жизнь текла своим чередом, не замечая Петрова. Машечкин привычно суетился по даче, жена Машечкина готовила харчо. «Блин, тоска», — подумал Петров, и тут его взгляд упал на старые ботинки Машечкина.

— Послушай, Машечкин, а тебе нужны эти старые, убитые ботинки?

— Какие? — весело прокричал Машечкин из ванной, завёртывая очередной шуруп. Машечкин с утра накатил две бутылочки пива и был в наилучшем расположении духа.

— Ну, вот эти, — сказал Петров, немного раздражаясь, — эти!

— Одевай, — радостно захихикал Петров и убежал обратно в ванную.

Петров взял ботинки и вышел в сад. Вдалеке поблёскивал пруд. Петров пошёл в сарай и нашёл две доски. Сад был, как прежде, безучастен ко всему. «Гвозди, где бы взять гвозди», — подумал Петров. Поскольку в сарае гвоздей не оказалось, пришлось опять идти к Машечкину.

Машечкин резво заворачивал шестой шуруп и был горд своей проснувшейся хозяйственностью. Третья бутылка пива северным сиянием поблёскивала под раковиной. Петров хотел отхлебнуть, но раздумал.

— Где у тебя гвозди? — спросил Петров.

— Зачем тебе? — весело прокричал Машечкин, стоя на краю ванной и заворачивая очередной шуруп.

— Надо, — уронил Петров. — Для дела.

— В кладовке, — весело прокричал Петров и завернул ещё один никому не нужный шуруп. Шестой, никому не нужный шуруп за это утро. Жена Машечкина готовила харчо.

Петров вышел на веранду и споро прибил старые ботинки Машечкина к найденным в сарае доскам.

Пиво убывало, и Машечкин продолжал радоваться жизни.

— Машечкин, есть идея, — сказал Петров, — давай на водных лыжах прокатимся!

— На водных? — весело закричал Машечкин, стоя в ванной. — Давай! Залезай, дружище, сейчас такие гонки устроим, — и залился жизнерадостным смехом.

— Послушай, я серьёзно, — сказал Петров и показал Машечкину один из прибитых к доске ботинок.

— Э, — сказал Машечкин и неряшливо раскрыл рот, — эт-то...

Дальше мысль отказалась развиваться в голове Машечкина, и он отхлебнул пива, чтобы выиграть время.

— Давай катнёмся! — с убеждением сказал Петров и взял в руки две доски с прибитыми ботинками. Он выглядел как последний герой.

— Ну, давай, — сказал Машечкин. И отхлебнул пива. Он знал Петрова больше двадцати лет и понимал, что сейчас лучше не спорить.

— Значит так, заводи машину и ставь её на другой стороне пруда, — сказал Петров, и в голосе его появились решительные нотки. — Трос у тебя есть?

— Трос короткий, — включился Машечкин, — есть длинная бельевая верёвка.

И побежал к жене. Жена Машечкина готовила харчо.

— Я сниму бельё? — осторожно спросил Машечкин.

— Зачем, — забеспокоилась жена. Это было впервые, и она почувствовала неадекватность ситуации.

— Ну... — сказал неопределённо Машечкин и ничего не придумал.

— Ну, сними, — сказала жена и вернулась к готовке, выкинув Машечкина из головы. Водку сегодня он не пил, а значит, был не опасен.

Петров был уже на берегу пруда и готовился к подвигу. Утки опасно жались к плакучей иве. Где-то куковала кукушка, придавая обстановке трагический антураж.

Машечкин подогнал свой дачный жигуленок к другой стороне пруда.

— Привязывай, — уверенно сказал Петров. Руки его не слушались. «Может, накатить», — подумал он. Надо было идти в дом. Не хотелось. «Ладно, прокатимся, потом накатим», — решил Петров, и в голове всплыла картинка, как в «Формуле-1» чемпионы поливают всех шампанским на пьедестале победы.

— Привязал, — прокричал Машечкин с другого конца пруда. Пруд был небольшой, и между ними было около пятнадцати метров.

Петров выпрямился. Трос в его руках выглядел ненадёжной пуповиной. Плечи расправились, в голове гудело.

— Давай! — закричал Петров, и приготовился к подвигу.

— Держись, — прокричал Машечкин, высунувшись из окна машины. И нажал на газ.

Верёвка растянулась, потом рванула Петрова. Он сразу ушёл под воду.

Ударившись о дно, Петров отскочил и вылетел на противоположный берег пруда. Машечкин уже бежал от машины с тревожным лицом.

— Жив? — выплеснул свою обеспокоенность Машечкин.

— Вроде, — сказал Петров, выплёвывая тину. Он чувствовал себя героем.

— Ты это... — Машечкин не нашёлся, что сказать, — я сейчас принесу.

И побежал в дом за водкой.

Жена Машечкина готовила харчо.

— Там Петров подвиг совершил, — прокричал Машечкин.

— Опять? — спросила жена, помешивая харчо в кастрюле.

— Через пруд на лыжах, — покричал Машечкин и убежал с водкой.

— Здóрово, — сказала жена. Она любила Машечкина. Давно и безвариантно.

Петров сидел с голыми ногами на берегу. Синие вены макабрически свидетельствовали о подвиге.

Машечкин торопливо разлил водку в разные по форме рюмки. Выпили.

— Ну, ты герой, — выдохнул Машечкин и радостно засмеялся.

Петров размяк. На душе было вольготно.

— Да ладно... — сказал Петров и первый раз за этот день улыбнулся.

КАК ОН С КАБЕЛЕМ ПРИДЁТ

Посвящается Дену Шафранову

- Да, жарко... — сказал Петров, не открывая глаз.
- Жарко, — согласился Машечкин.

Они лежали на зелёной травке позади пакгауза на солнышке и загорали. Свой отпуск в этом году они решили провести необычным образом. Две недели отработать на заводе цветных металлов грузчиками и заработать денег. Зато потом съездить на эти деньги на Кольский полуостров на рыбалку. Вертолёт, дикие места, уха у костра. В общем, план был увлекательный.

Сегодня был последний день их работы на заводе, они уже сдали рабочую одежду и от нечего делать валялись на травке, коротая время до вечера.

- Сейчас бы пивка, — томно протянул Машечкин.
- Ага, — ответил Петров, — только денег нету.
- Да уж...

Деньги на карточку завод должен им был перечислить только через несколько дней.

Вдруг Машечкин встрепенулся и сел. Петров открыл один глаз.

- Ты чего?
- Есть идея.
- Какая?
- Такая, идём.
- Куда? — удивлённый Петров приподнялся на локте.
- Узнаешь, идём.

Машечкин бодрым шагом двинулся в сторону складов. Петров поплёлся за ним. Завернув за угол и пройдя за склады,

Машечкин указал на валявшуюся в траве среднего размера бабину с медным кабелем.

— Как думаешь, сколько это может стоить?

— Какая разница, вывезти всё равно не удастся.

— Я тебя не об этом спрашиваю. Стоить сколько может?

— Ну... по 150 рублей за килограмм. Тут килограмм двести будет... соответственно...

— Тридцать штук, — подытожил Машечкин.

— Ну и фигли? Вывести-то всё равно нельзя...

— Покатили, есть план.

С трудом они выкатили катушку из травы и покатали по асфальту к проходной. По дороге Машечкин забежал в слесарный и прихватил топор.

— Охрану будешь рубить, — понимающе кивнул Петров.

— Кати, философ, — прохрипел Машечкин тяжело дыша.

Взмыленные, они подкатили катушку с кабелем к воротам проходной. Из будки вышел толстый охранник в камуфляже. Было похоже, что он проглотил арбуз. Он был лыс, усат и грозен.

— Документы.

— Держи, — Машечкин протянул ему конец кабеля с катушки, — внутренние работы, — со значением добавил он.

Охранник недоуменно взял конец кабеля.

— Нафига он мне?

— Держи, поможешь. Приказ директора. Покатали, — скомандовал он Петрову.

Тяжело дыша, они выкатили катушку за ворота, разматывая кабель, повернули и через несколько метров закатали за угол заводского забора.

Там Машечкин достал из-за пояса топор, рубанул кабель.

— Ну, ты голова, — восхищённо сказал Петров.

— Покатили, до пяти на пункт приёма металлолома успеем, — весело сказал Машечкин.

Охранник только через час догадался заглянуть за угол. Друзья в этот момент уже пили пиво.

НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА

Посвящается Саше Кузину

Однажды Петров был в гостях у Машечкина и они крепко выпили. Наутро Машечкин встал раньше всех и начал бродить по квартире. Бродил-бродил, ничего в голову не лезет, кроме как выпить чего-нибудь. Открыл он холодильник и неожиданно для себя выпил всё пиво, которое там было. А было там, между прочим, шесть бутылочек «Будвайзера».

Стало гораздо лучше. Но вместе с этим появилось Чувство Жены. Ну, это такое чувство, когда стыдно и страшно одновременно.

Тогда Машечкин взял все пустые бутылки из-под пива, налил в них воды, закрыл крышечками и поставил в холодильник.

Петров проснулся через минут через тридцать. Угрюмо побродил по квартире, и ноги неумолимо принесли его к холодильнику.

— Пиво будешь? — из вежливости спросил он у Машечкина.

— Нет, спасибо, — ответил Машечкин.

Вот тут Петров по-настоящему удивился.

— Точно не будешь?! — повторил он вопрос, пристально глядя на друга.

— Точно, — ответил Машечкин, — и тебе не советую.

— Ну, слава богу, — говорит Петров, — шутишь, значит, всё нормально. А я уж думал, что-то случилось.

Петров взял бутылку пива из холодильника и пошёл в комнату к телевизору.

Машечкин побежал за ним.

— Послушай, Петров, пиво с утра не только полезно, но и вредно!

— Ничего, я потерплю, — предвкушал Петров скорую поправку.

Появилась жена Машечкина и Машечкин стал маленьким-маленьким. Он бы вообще исчез, если б смог.

— Послушай, Петров, не пей ты это пиво, это не принесёт тебе счастья, — ни на что не надеясь, сказал Машечкин.

— Зато принесёт здоровье, — сказал Петров и лихо открыл бутылку подвернувшейся зажигалкой.

Петров медленно выпил. Жена Машечкина с плохо скрываемым неодобрением косилась на Петрова.

Наконец Петров оторвался от бутылки и пристально посмотрел на Машечкина. Пауза длилась, кажется, целую вечность.

Наконец Петров медленно произнёс, глядя на друга:

— Хорошее пиво...

ЛЮБОВЬ И МУХИ

Муха жужжала и билась в стекло. Машечкин лежал и слушал эти биения. Он никак не мог провалиться в сон. Наконец, он не выдержал и всей ладонью ударил по стеклу. Муха улетела. На пыльном стекле остался след от его пятерни.

— Как в «Титанике», — мечтательно пробормотал Машечкин, — только у них запотело, а у нас пыль...

— Да, и у них любовь, а у нас мухи, — откликнулась жена Машечкина и повернулась на другой бок.

Занималось ещё одно субботнее утро.

ПРАЗДНИК ПЕРВОГО ПИВА

Посвящается Саше Жданову

Машечкин как всегда проснулся раньше всех. В голове гудело. Желудок был набит камнями. Машечкин поворочался, но организм отвергал любую позу. «Вот и наступил новый год, — подумал Машечкин. — Год новый, а всё по-старому».

На столе макабрически белел остов съеденного гуся. Кладбище салатов расстилалось до горизонта. Всё это охраняли пустые бутылки — часовые вчерашнего веселья.

«А ведь сегодня ж Праздник Первого Пива», — вдруг вспомнил Машечкин, и в сморщенной его душе затеплился росток возрождения к жизни.

Петрова он нашёл в прихожей. Он спал калачиком на кем-то заботливо постеленной дублёнке. Из кармана джинсов выглядывала банка пива, которую автопилот Петрова припас на утро.

— Петров, — шёпотом позвал Машечкин.

— А! — закричал Петров и судорожно схватился за банку пива.

— Тихо, не ори, перебудишь всех на фиг, — зашипел Машечкин.

— Что-что? — тревожно запыхтел Петров, не открывая глаз. — Что случилось?

— За пивом пойдёшь? — заговорщицким тоном прошептал Машечкин.

— Поду, — сказал Петров. «И краткое» у него не выговорилось. Глаза были по-прежнему закрыты.

— Ну, так вставай давай, дембель проспишь.

— Встаю, — сказал Петров и повернулся на другой бок.

Машечкин с трудом растолкал тяжёлого Петрова, одел, вывел на улицу. Шёл идиллический снег. Ветки деревьев

покрылись сказочным пухом. Под ногами скрипел новогодний снежок.

— Бутылку шампанского и десять пива, — попросил Машечкин в магазине.

— А шампанское-то зачем? — удивлённо спросил Петров, — и так уже пузырьки из ушей лезут после вчерашнего.

— Праздник должен начинаться с шампанского, — назидательно сказал Машечкин.

Шампанское было холодное и пробка никак не хотела вылезать. Петров схватил пробку зубами и начал тянуть. Машечкин тянул за бутылку в другую сторону. Наконец, бутылка сдалась, сказала «чпок» и облила Петрова с ног до головы.

— С новым годом, — сказал Петров.

— С ним, — сказал Машечкин, отобрал бутылку у Петрова и сделал несколько больших глотков. На душе потеплело. Он передал бутылку Петрову.

— Объявляю этот год годом умеренности и воздержания, — сказал Петров и допил бутылку.

СТРАННЫЕ ЧУДЕСА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

Посвящается Шуру Смирнову

Однажды Машечкин на даче пёк картошку в костре и обжёг руку. Было больно. Машечкин побежал в дом и налил подсолнечное масло на руку. Боль не утихала.

— Ты бы холодное что-нибудь приложил, — сочувственно посоветовала жена Машечкина.

Машечкин оглядел веранду и наткнулся взглядом на стакан. Взял его в руку. Стало значительно легче. Однако стакан скоро нагрелся, и боль опять стала мучить Машечкина. Тогда он налил в стакан холодного пива, и ему сразу полегчало.

Однако пиво тоже нагревалось, поэтому Машечкину пришлось отхлёбывать его периодически, чтобы доливать холодного.

Когда утром жена Машечкина наконец обнаружила его, он лежал в кустах и спал. В руке его был крепко зажат стакан.

— Кто я? — хотел спросить Машечкин, но передумал и спросил. — Что я здесь делаю?

— Руку лечишь, — ответила жена Машечкина.

Жены алкоголиков приобретают опыт, не растрачивая собственное здоровье.

ТЕЛЕСКОП

Посвящается Максиму Минченко

Однажды Машечкин пошёл за пивом и купил телескоп. Ну, натурально, можно ли не купить телескоп, если он продаётся в продуктовом отделе, да ещё и за 500 рублей? В такой ситуации не купить телескоп безнравственно! Вот Машечкин и купил. Вся очередь смеялась.

Ну, пиво он, конечно, тоже купил...

Идёт обратно из магазина, и так ему пива захотелось — сил нет. Тогда присаживается он на скамеечку, достаёт бутылку пива, открывает и начинает пить. Попил — дай, думает, в телескоп загляну.

Собирает телескоп, ставит на скамейку, сам на коленках — и пытается чего-нибудь увидеть. А чего там увидишь — день на дворе! Ни черта не видно, понятное дело. И вдруг он натывается на огромную луну на небе! Причём одновременно ему что-то ка-а-ак даст по плечу. Он даже удивиться не успел.

«Метеорит», — подумал Машечкин.

— Машечкин, ты где телескоп взял? — спрашивает Петров. Это он, оказывается, незаметно подошёл и хлопнул друга

по плечу.

— В магазине «Продукты» купил, — отвечает Машечкин.

— Ладно врать-то, — говорит Петров, — ну и что ты там увидел?

— Луну наблюдаю, — отвечает Машечкин.

— Хорош прикалываться, — продолжает Петров, — дай посмотреть.

Петров смотрит в телескоп и видит луну. Возникает неловкая пауза.

— Действительно... — говорит Петров, — луна налицо. Может у тебя и пиво есть ещё?

— Нет, пива нет, — отвечает Машечкин. И даже доказывать ничего не стал. А просто пошёл домой, не прощаясь.

А Петров не пошёл за ним, и не стал переспрашивать. Он понял, что в этот день Машечкин говорит только правду. Потому что не может иначе.

Остров Безумных Мыслей

ПРО СМЫСЛ ЖИЗНИ

Борьба с ветряными мельницами не должна становиться смыслом жизни, а должна оставаться борьбой с ветряными мельницами.

Большую правду бесполезно дозировать, она всё равно, как две половинки ядерной бомбы, неизбежно соединяется в единое целое со всеми вытекающими последствиями.

Быть собой — позволительная роскошь.

В тихом омуте черти водятся. А в бурном омуте их в сто раз больше.

Как в сущности неприлично зовут главного Деда Мороза — Йоулупукки.

Каша — один из редких случаев, когда форма полностью соответствует содержанию.

Кидая чёрный перец в варёные креветки, как будто добавляешь им глазок.

Лето — пора реализации желаний. Зима — пора проектов и переосмысления.

Любые ограничения, как и любые излишества, способствуют неадекватности.

Лысые — это люди будущего, потому что в процессе эволюции у человека остаётся всё меньше волос.

На машинах бьются дураки, а на самолётах — все остальные.

На нашей стороне всегда гравитация.

Настоящая мечта — это та жалкая иллюзия, которая помогает человеку отвлечься от реальной никчёмности его жизни.

Нет врага страшнее, чем собственные мозги.

О смерти думает тот, кто не умеет жить.

Основной порок беспорочного человека в том, что он, как правило, не может прощать другим пороки.

По жизни нужно идти со столь широко открытыми глазами, чтобы не нужно было оглядываться.

Страшно не когда у человека в голове тараканы. Тараканы в голове у всех. Страшно, когда в голове у человека тараканы, в головах у которых — тараканы. Вот это по-настоящему страшно.

ПРО ДРУЗЕЙ

Блиzkих друзей много не надо. Ну, два-три. Четыре — уже много, а семь — это уже каждый день. Никакое здоровье не выдержит...

Друзья — это не только развлечение, а иногда — химическая катастрофа.

Друзья — это такие особые люди, которые, несмотря на всё своё несовершенство, ценны нам просто своим существованием.

У меня с моим пьянством только одно общее — мои друзья.

ПРО РАБОТУ

Безграмотное исполнение убивает идею.

В долговременном плане не цифры двигают решениями, а решения — цифрами.

На работе — как в рыбалке, кто больше тратит время, у того больше и результат. При прочих равных, конечно.

Компромиссы убивают стратегию.

Не существует геморроя, который не повесил бы себе на шею человек ради иллюзии успеха.

Ох, теория, ты — не мать практики, ты — её бабушка!
А в особо тяжёлых случаях — и прабабушка.

При построении планов блестящее будущее сильно скрашивает печальное настоящее.

Прелесть изобретения велосипеда в том, что на каждом шагу получаешь подтверждение правильности своего пути и только в конце понимаешь, что велосипед давно изобрели.

Увольнение с работы — это как маленькая смерть с возможностью побывать на собственных похоронах.

Чем лучше идея, тем больше ошибок она допускает в реализации без ущерба для результата.

ПРО ТВОРЧЕСТВО

Свобода всегда рядом — на кончике пера.

У истинного художника нет никакой цели.

Перед сном часто совершаешь глубокие хрустальные открытия, которые к утру превращаются в тыкву и лохмотья.

ПРО ЖЕНЩИН

Борьба за собственную красоту часто убивает в женщине человека.

В присутствии женщины о ней говорят как о покойнике: или хорошо, или ничего.

Есть такие женщины, которые как атомный взрыв: сначала вспышка, потом ударная волна, а потом необратимые разрушения. И капсуль пятого размера...

Женские слезы — это не просто эмоции, это мощное всепроникающее оружие.

Женщины — то единственное знание, об отдельных представительницах которого иногда жизненно важно забыть.

Когда женщина разливает коньяк на стол, интеллигентный человек должен не только промолчать, но и зажмуриться, чтобы

не видеть этого ужаса.

У женщин ВСЁ СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ.

Правильная женщина должна обладать всего двумя основными качествами. Первое — она должна находиться в нужное время в нужном месте. Второе — она не должна находиться в ненужное время в ненужном месте.

ПРО МУЖЧИН

Внешняя нерешительность мужчины часто объясняется его особенной ответственностью за собственные слова и действия.

Желания порождают возможности.

Красивым женщинам в отличие от некрасивых всю жизнь приходится доказывать, что они не дуры и что они не проститутки. Мужчинам проще. Им постоянно приходится доказывать, что они просто мужчины.

В жизни каждого мужчины есть моменты, которые врезаются в память навсегда. Иногда при этом остаются рубцы на всю жизнь. Первая любовь, первый поцелуй, первый презерватив, первый тест, первый роддом. И только крематорий бывает первым и последним.

ПРО ОТНОШЕНИЯ

Ревность по-первобытному примитивна. Любовь — это отрыв от животного состояния, ревность — возвращение обратно.

Суть человеческих отношений в ста процентах случаев значительно сложнее их внешних проявлений.

Пороки и подвиги — вот то, что отличает человека от животного.

Ничто не приносит такой искренней и полной радости, как неудача другого.

Друзья, жены и деньги несовместимы.

В мире можно изменить всё. Кроме собственных родителей.

Любое достаточно сильное чувство может привести к чему угодно.

Главное в жизни не деньги. Главное в жизни — любовь. И в перерывах — взаимопонимание.

Против равнодушия есть только одно действенное оружие — ответное равнодушие.

ПРО СЕКС

Ненастоящие мужчины съедают в десять раз меньше помады, чем настоящие.

Береги свои Фаберже смолоду.

Искренность — это как секс. Приятно доказывает близость одного человека другому.

Чем дальше от костра палатка — тем ночью там жарче.

Машечкин говорил: «Мощная сила действия моего либидо равна мощной силе противодействия моей лени».

Местами стать бы Гулливером...

Наказуема не сама страсть, а её результат.

Невозмутимость в сексе — хуже импотенции.

Смех — враг оргазма.

С сексом вообще всё сложно. Столько исключений, что иногда они становятся правилами.

ПРО РОССИЮ

В России законы не строгие, а дорогие.

Мнится мне, что есть всё-таки некоторые различия между подвигом и пьяным ухарством.

Неистовый метаболизм русского человека порождает подвиги и трагедии.

ПРО ДЕТЕЙ

Дети стали взрослыми, когда они научились сами себе чистить креветки.

На самом деле детские игрушки не твёрдые — они жидкие. Если их не убирать, то они заполняют ровным слоем весь пол

в квартире.

Человек становится по-настоящему взрослым, когда он научился играть с детьми.

ПРО АЛКОГОЛЬ

Алкоголь подобен оружию. Приносит пользу тому, кто умеет им пользоваться. И смертельно опасен для того, кто не умеет с ним обращаться.

Безнравственно бросать пить, не опохмелившись.

В водке главное не ассортимент, а её количество.

— Вечером в метро народ живее, чем утром.

— На сколько живее?

— В среднем на 0,5.

В конце пьянки время измеряется граммами.

Водка — главный враг рыбалки.

В похмелье есть одна замечательная вещь — оно рано или поздно проходит.

Друзья в плане алкоголя гораздо опаснее врагов.

Жены и дети алкашиков приобретают опыт, не растрчивая собственное здоровье.

Как говорил мой дядя-еврей: пить без дяди — антисемитизм.

Когда с похмелья берёшь бутылку пива, то кажется, что это очень много. Однако когда она заканчивается, то понимаешь, насколько это ничтожно мало.

Любовь к Родине начинается с семьи, а любовь к пиву начинается с пятницы.

Молодое поколение выбирает не сказки Пушкина, а клинику Маршака.

Опыт и алкоголизм всегда побеждает молодость и энтузиазм!

Романтика утренних попоек крадёт завтрашний день.

Лучший по профессии не тот, кто больше всех выпил, а тот, кто память о себе оставил.

Остров Точных Выражений

СМС ИЗ НОРВЕГИИ

Михалыч путешествует по Норвегии. Прислал смс-ку: «Тут всё цивилизованней, особенно дикая природа».

УНИТАЗ

Починил маме унитаз. Теперь не нужно всё время открывать и закрывать краник. Мама посмотрела, повосхищалась и говорит:

— Я так ко всему привыкла, что мне будет скучно без этого...

РАЗГОВОР В МЕТРО ДВУХ ДЕВУШЕК

Разговаривают две симпатичные девушки.

— Я недавно гаишников наказала.

— Как?!

— Честно сама на права сдала!

КАК ГОША ПОРВАЛ ЗАЛ

На аукционе в рамках Дня Физика в центральной физической аудитории на физфаке Гоша из Минска порвал зал. На фразе ведущего аукциона «семьсот рублей раз, семьсот рублей два, семьсот рублей три!» проснулся Гоша, выкинул вверх руку и громко спросил: «Разменять?»

ДЕРЕВЕНСКОЕ

9 мая, День Победы. Сельский магазин. Плюгавый старичок в затасканном пиджачке с одиноким орденом на лацкане подходит к прилавку. Он форсит.

— Ивановна, дай Меллер, пожалуйста.

— Не Меллер, а Мюллер, — поправляет продавщица и даёт ему бутылку *пива Miller*.

— У-у, — меняется в лице старичок, — фашистка...

РАЗГОВОР С ДОЧЕРЬЮ

— Я на зарплате у Зла.

— Ого. А что же ты делаешь?

— Ну, разную ерунду. Например, иногда, когда он спрашивает: «Да, Настя?», я отвечаю «да».

— Сильно...

— Пап, а кто идёт после учредителя?

— Генеральный директор.

— Тогда я — генеральный директор Зла. Правда, он чаще называет меня секретаршей...

ШАЙТАН-ТАКСИ

Как-то поздно вечером я вышел из ресторана в районе Смоленской и поймал машину, чтобы ехать домой, в Отрадное. За рулём оказался бодрый молодой человек с подвижным лицом. Он со всей силы жал на газ, машина редела, капли бежали вверх по лобовому стеклу. Светофоры он объезжал по встрече. На поворотах практически не тормозил. Минут через десять такой гонки я не выдержал и спросил:

— Товарищ, вы — гонщик?

— Ничего, скоро будем, — прокричал товарищ сквозь рёв двигателя, — вы ещё спокойный, некоторые кричат...

МЕДИЦИНСКОЕ ТАНГО

Петров зашёл в анатомическую. Патологоанатомы, все одинакового роста и комплекции, в одинаковых шапочках, колдовали над телом. Обернувшись, они хором прошептали:

— Доброго здоровьечка, доктор.
И ехидно улыбнулись.

НА ДАЧЕ

— Кошек не кормлю до четырёх, они всё равно орут с утра. Знают ведь, что всё равно не дам, а орут.

— После ночи жрать-то хочется.
— Ночью надо мышей ловить, будет парное мясо.

МАЛЫЕ ВЯЗЁМЫ

Мы ехали с Михалычем на посвящение. Поскольку была уже осень и было холодно, то мы взяли с собой портвейн, а не водку. Ну, водку, конечно, тоже взяли, но немного. Открыли уже в электричке. Ибо романтика это — пить портвейн в электричке. Сразу согрелись, портвейн ведь очень хорошо согревает. Михалыч посмотрел в окно и прочитал название станции «Малые Вязёмы».

— Точно: мало везём! — философски заключил Михалыч. И мы тяпнули ещё по глоточку.

ВЕДЬМА

— Эй, бабка, чего тормозишь, старая хрычовка, или бери пиво, или отваливай на хер, вон сколько народу, бельма наострила, нечего зыркать, бери и вали подобру-поздорову,

чего вылупилась, нечего зенки пялить, ну чего смотришь, время нет, получай товар и иди, ну чего такое, нечего глядеть, ты часом не ведьма? Ещё смотрит, во как уставилась, прямо как солдат на вошь, ты не колдунья, бабушка? Ты, эта, бери пиво и иди лучше, тебе пиво или что-то ещё? Если надо чего, то скажи, может помочь положить-то? Подожди, сумку подержу? Всё положила? Ну и хорошо, ну и славно, удачи тебе, бабушка, вот телефончик, если что звони, через дорогу там перевести или дров наколоть, долгих лет жизни, хорошего здоровья и процветания...

НОВОСТИ В/Ч 55605

У лейтенанта Дуракова были проблемы с карьерой, потому что на звонок из штаба он всегда отвечал: «Слушаю вас. Дураков».

ВЕЧЕРНЕЕ

— Сонь, ты не пей много зелёного чая на ночь, он же тонизирует, не уснёшь потом...

— Ничего, я потом чёрного выпью.

ГОРЕ ОТ УМА

Когда Михалыч разбогател, он перестал сдавать бутылки. Вместо этого он стал их выставлять за дверь, и бомжики их оттуда забирали. Однако через некоторое время он был наказан за свою благотворительность. Как-то в пятницу он забыл выставить бутылки за дверь. В результате в субботу в пять часов утра ему позвонили в дверь бомжи и спросили: «Извините, а бутылочек сегодня нет?».

В САМОЛЁТЕ

Как правило, глядя на стюардессу, совершенно невозможно запомнить, где запасной выход.

ПОДАРОК

Как-то в одной из предыдущих компаний, где я работал, мужчины перед 8-м Марта собрались обсудить, что бы такого подарить девушкам. Долго судили-рядили, но так и не смогли придумать ничего достойного. Идеи иссякли. Возникло тягостное молчание.

И тут послышался радостный голос Олега Козловского:

— А давайте подарим им водку, это будет неожиданный и оригинальный подарок!!!

В БОЛЬНИЦЕ

Деду Леонтию 86 лет. Нашей любимой шуткой было пройтись по больничному коридору и выбрать самого старого на вид пациента. Дед Леонтий подходил к нему и ехидно спрашивал: «Тебе сколько лет-то, дедуля?» Дедуля гордо сообщал свой почтенный возраст, после чего дед Леонтий ронял: «Салага...» И чинно удалялся. «А ему, а ему?» — дёргал меня за рукав опущенный старичок. «Сто», — гордо сообщал я, и мы уходили биться в шахматы. Так мы опустили кардиологию, терапию, травму и даже хирургическую терапию, где вообще никто не ходил.

И только в гастрологии нам попался один въедливый дед, который потребовал паспорт, долго искал водяного Ленина на просвет и только потом со значением объявил, что ему тоже 86. Будет. В июле.

НАРУШИТЕЛЬ

Ехал я как-то мимо Националя и завернул налево на улицу Горького из 6-го (!) ряда. Гаишник чуть свисток от радости не проглотил. Останавливает и прямо светится. «Вы, — говорит, — товарищ водитель, даёте! Видел я, чтобы из третьего ряда или из четвёртого заворачивали, но из шестого...»

А мне как раз в то время выдали разрешение на газовое оружие. А в этом разрешении посредине страницы — Большая Красная Печать МВД. Достаяю я это разрешение, сую гаишнику и заговорщицким тоном говорю: «Я на задании!»

Увидел гаишник Большую Красную Печать, козырнул и строго сказал: «Следуйте по маршруту!».

МОЯ ЛЮБИМАЯ ДОЧА

— Пап, послушай, какая мелодия классная!

— Это из «Трёхгрошовой оперы».

— Ну, вот. Не нравится, так хоть сделай вид из вежливости.

— Почему не нравится? Нравится.

— А чего ж ты её тогда трёхкопеечной называешь?

— Не трёхкопеечной, а Трёхгрошовой. Это так произведение называется.

— Да? Гм. А жанр какой?

— Опера. Трёхгрошова опера.

— Опера?

— Факт. Сколько ты ни будешь спрашивать, я не отступлюсь от истины. Из двух слов в названии тебе не далось ни одно)))

— Папка, ты — свинтус!

(бросается на меня с кулаками)

Занавес